

Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский городской педагогический университет»
Институт иностранных языков
Ассоциация преподавателей японского языка РФ и СНГ

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК В ВУЗЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ
ВЫПУСК 30

Материалы
Второго международного форума
«Языки и культуры Восточной Азии
в образовательном пространстве»
(МГПУ, 23–26 апреля 2025)

Москва
Языки Народов Мира
2025

УДК 811.521
ББК 81.754.2р30 я 43
Я70

*Печатается по решению ученого совета
Института иностранных языков
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»*

Редакционная коллегия:

В. А. Федянина – кандидат исторических наук, доцент кафедры японского языка Московского городского педагогического университета

А. В. Савинская – старший преподаватель кафедры японского языка Московского городского педагогического университета

И. Р. Нурғалиев – старший преподаватель кафедры японского языка Московского городского педагогического университета

Рецензенты

В. Ю. Васьквичус – кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета

У. П. Стрижак – кандидат педагогических наук, доцент Школы Востоковедения, Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Я70 ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК В ВУЗЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ : сборник научных трудов. Материалы Второго международного форума «Языки и культуры Восточной Азии в образовательном пространстве» (МГПУ, 23–26 апреля 2025) / под ред. В. А. Федяниной, А. В. Савинской, И. Р. Нурғалиева. – Москва : Языки Народов Мира, 2025. – Вып. 30. – 347 с.

ISBN 978-5-6054701-7-5

30-й выпуск сборника «Японский язык в вузе» продолжает серию публикаций, посвященных различным вопросам теории и практики преподавания японского языка, лингвистики, культурологии.

Данный выпуск содержит материалы Второго международного форума «Языки и культуры Восточной Азии в образовательном пространстве», проходившего в МГПУ 23–26 апреля 2025 года.

Фотография на обложке М. И. Трушиной.

УДК 811.521
ББК 81.754.2р30 я 43

ISBN 978-5-6054701-7-5

© Коллектив авторов, 2025
© МГПУ, 2025
© Оформление. Языки Народов
Мира, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамова Е. С. Проблемы изучения малой прозы японских писателей периодов Мэйдзи и Тайсё (на примере произведений Нацумэ Сосэки (1867–1916))	7
Аракава Ё., Борисова А. А. Сравнительная оценка восприятия русскими и японскими знаков препинания в конце предложений в чат-переписке через мессенджеры.....	16
Богоявленская Е. Д. Анализ теории и практики перевода с ЯЯ с использованием Искусственного Интеллекта: положительные и отрицательные стороны ИИ	22
Бонадык Н. А. Стратегии передачи оценочных значений в переводе повести Ёсимото Банана «Кухня» на русский и английский языки.....	28
Борисова А. А. Типичные ошибки русскоязычных студентов при изучении японских прилагательных и возможные пути их предотвращения	38
Борисова А. С. Обновление и развитие сезонной лексики в хайку и танка эпохи Мэйдзи	46
Буландо Р. И. «Соло-левелинг» преподавателя: как ИИ помогает не облегчать, а усложнять образовательные задачи	56
Быкова С. А. Стиль деловой документации в японском языке: методика обучения	69
Васильева Л. В. Об основных тенденциях в современной языковой ситуации в Японии (по материалам опросов общественного мнения о японском языке).....	77

Гераймович Е. О. Лексико-семантический анализ слова プライベート на материале корпусных данных	85
Дыбовский А. С. Универсальные и специфические черты фразеологии японского языка	92
Елкина А. А. J-Pop как окно в японскую культуру и литературу: потенциал песенной лирики в изучении языка	102
Клевенская Ю. С. Гендерная дифференциация личных местоимений второго лица в японской популярной музыке	112
Коваленко А. С. Музыка и танец как вспомогательные средства для передачи сюжета (на материале анимационного фильма «Ину-о: Рождение легенды»)	122
Крнета Н. Об опыте создания практической грамматики японского языка среднего уровня	129
Кудряшова А. В., Румак Н. Г. О разработке методического пособия к учебнику Л. Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих»	137
Кутафьева Н. В. Модусная категория аппроксимации в японском языке	146
Лебединова А. С. Практические вопросы проведения тематических занятий по японскому языку (на примере праздников)	154
Леленкова А. В. Оценка изучения аспекта «Современный исторический текст» на японском языке с точки зрения приобретения теоретических и практических навыков перевода	162
Марков С. М., Шумилова В. В. Хризантема (кикумон) как символ государственной власти и этнической культуры Японии	172

Мишукова М. В. Перевод реалий на примере видеоигр: существующие реалии и вымышленная терминология	180
Никитина Л. В. Японская гастрономическая культура и ее традиции	190
Нургалиев И. Р. Варианты упражнений для изучения коллокаций японского языка с помощью корпусных ресурсов	198
Нурутдинова А. Р. Сопоставительный анализ соматического кода в языках разноструктурной организации в этнолингвистическом контексте (на примере паремий)	205
Паленко А. А. Цифровые инструменты в современном востоковедческом образовании и исследованиях	216
Панова О. Б. Язык- Память- Красота: осмысление истоков и оснований мировой культуры в нобелевских лекциях японских писателей (Кавабата Ясунари, Кэндзабуро Оэ, Кадзуо Исигуро)	236
Просвилов В. С. Лексико-грамматические особенности японского языка в видеоиграх «Sekiro: Shadows Die Twice» и «Like a Dragon: Ishin»	246
Сайфуллина Д. Р. Митигативные стратегии в японоязычном речевом дискурсе	256
Сакураи М. Цветопись в контекстологическом переводе: русский и японский языки	264
Ситдикова В. В. Опыт обучения аудиовизуальному переводу	270
Смирнова М. А. Потенциал японских учебно-методических комплексов для обучения студентов вежливому стилю речи	277

Стрижак У. П. Роль параллельного русско-японского корпуса в грамматическом описании: одушевленность как агентивная характеристика	287
Тразанова Н. Ю. Знаки эпохи, характеризующие спорт, в японском телевизионном сериале «Идатэн»	298
Трушина М. И. О некоторых семантических особенностях аффективного страдательного залога японского языка	308
Филатов С. В. Лексические лакуны в переводах с японского языка на русский и английский на примере произведения Осаму Дадзая «Закатное солнце»	315
Чижова К. А. Желательное и пригласительное наклонения в работах японских лингвистов: соответствующие им грамматические маркеры и их семантическая специфика	325
Яковенко С. В. Образы демонических старух в фольклорной традиции Японии	333
Авторская справка	344

Е. С. Абрамова

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МАЛОЙ ПРОЗЫ ЯПОНСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРИОДОВ МЭЙДЗИ И ТАЙСЁ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НАЦУМЭ СОСЭКИ
(1867–1916))**

Аннотация: В данной статье рассматривается малая проза Нацумэ Сосэки как важнейшая часть его творчества, которая раскрывает философские и эстетические взгляды писателя. Анализируются жанровые особенности, связь с крупной прозой и уникальные литературные приёмы. Автор статьи делает вывод о том, что малая проза становится «отдушиной» писателя, и в ней он реализует на практике свою концепцию обретения «духовной свободы» ёю:.

Ключевые слова: Нацумэ Сосэки, малая проза, концепция ёю:, дзуйхицу, японская литература периодов Мэйдзи и Тайсё, литературные эксперименты.

E. S. Abramova

**Questions of Studying the Short Prose of Japanese Writers
of the Meiji and Taishō Periods (Examining the Works
of Natsume Sōseki (1867–1916))**

Abstract: The article examines Natsume Sōseki's short prose as a crucial part of his literary legacy, revealing the author's philosophical and aesthetic views. It analyzes genre-specific features, connections to his longer fiction, and unique literary techniques. The author concludes that short prose served as Sōseki's creative outlet, where he put into practice his concept of *yoyū*—the pursuit of «spiritual freedom».

Keywords: Natsume Sōseki, short prose, *yoyū* concept, *zuihitsu*, Japanese literature of the Meiji and Taishō periods, literary experimentation.

Нацумэ Сосэки (1867–1916) по праву считается одним из классиков японской литературы, крупнейшим писателем рубежа XIX–XX веков, произведения которого были высоко оценены современниками и впоследствии переведены на многие языки мира. Жил и работал Сосэки в непростое для

Японии время. Как отмечал В. С. Гривнин, «причудливое, часто нерасторжимое переплетение нового со старым создало специфический фон, на котором развивалось творчество писателей поколения Нацумэ» [Сосэки, 1973, с. 5]. Его творчество, с одной стороны, явилось отражением общественных изменений, которые происходили в Японии после начала Реставрации Мэйдзи (1868), а с другой – наполнено очень личными темами и переживаниями, которые при этом носят общечеловеческий характер и сближают писателя с читателем даже спустя десятилетия.

В самой Японии и за ее пределами Сосэки известен прежде всего своими произведениями крупной прозы: романной трилогией, а также повестями, среди которых «Ваш покорный слуга кот» («*Вагахай ва нэко дэ ару*», 1905–6), «Сердце» («*Кокоро*», 1914) и т. д. В японском литературоведении эти жанры относятся к «длинной» и «средней» повествовательным формам (*тё:тю:хэн сё:сэцу*). Так сформировался образ Сосэки-романиста, который стал штатным сотрудником в газете «Асахи симбун», оставив престижную работу преподавателя Токийского Императорского университета.

За чуть более, чем десять лет Сосэки создал действительно впечатляющее количество совершенно разноплановых произведений. Но крупная проза составляет лишь часть творческого наследия писателя. Намного охотнее делился он своими переживаниями, размышлениями и наблюдениями с немногочисленными читателями своих эссе, рассказов и дневников, которые до сих пор остаются недостаточно изученными как в самой Японии, так и в других странах.

Не является исключением и Россия, где малая проза писателя исследована крайне поверхностно. Стоит выделить перевод И. Львовой эссе «Тауэр» («*Рондонто:*», 1905) из сборника «Собрание (произведений), парящих в пустоте»

(«*Ё:кёсю:*», 1905–6) и перевод речи «Мой индивидуализм» («*Ватаси-но кодзинсюги*», 1914) [Булацев, 1994]. Стоит отметить и статью Л. Ю. Хронопуло, в которой анализируется ряд символов, при помощи которых выстроен мир фантазий в коротких новеллах «Десять ночей снов» («*Юмэ дзю:я*», 1908) [Хронопуло, 2019]. Критические заметки писателя также не остаются без внимания, например, в одной из недавних публикаций был рассмотрен очерк «Достоинства и недостатки измов» («*Идзуму-но ко:ка*», 1914) [Селимов, 2024].

К сожалению, большинство этих переводов и статей носят спорадический и бессистемный характер, и в исследованиях творчестве писателя остаётся большое количество лакун.

Первым важным шагом в исследовании наследия Нацумэ Сосэки станет систематизация произведений, которые можно обобщить термином «малая проза», выделение их типологических, жанровых и языковых особенностей, а также содержащихся в них философских и эстетических воззрений писателя. Это поможет лучше понять содержание романов и повестей Сосэки, изучение которых также является важной задачей для литературоведов. Также рассмотрение малой прозы, через которую он вёл своеобразный «диалог» с современниками и последователями, расширит и обогатит представления о японской литературе Нового времени на русском языке.

Однако прежде, чем анализировать малую прозу писателя, необходимо дать более точное определение жанрам малой прозы в японской литературе, так как в отечественной японистике этот вопрос пока остается открытым. Малая проза в принципе является сложным для изучения материалом, так как ее формы весьма условны. В русскоязычном литературоведении выделяются следующие жанры: новелла, очерк, рассказ, скетч, эссе, этюд. Японцы выделяют две большие группы: малые повествовательные формы (*тампэн сёсэцу*) и маленькие работы (рассказы) (*сё:хин*). При этом довольно

сложным является соотнесение одной системы с другой. Так, И. Львова определила жанр произведения Сосэки «Тауэр» как «эссе», однако мы склонны относить его к уникальному японскому жанру *дзуйхицу*, который с трудом поддается конкретному определению. Вот так описывает его Т. П. Григорьева: «...дзуйхицу – это чисто японский жанр. От него веет свободой, естественностью, это чистая спонтанность, импровизация» [Японские дзуйхицу, 2008, с. 9]. В «Тауэре» действительно нет сюжета, писатель просто описывает свои ощущения и впечатления, однако его остроумие и наблюдательность «цепляют» читателя, хотя Сосэки явно не стремится к тому, чтобы очаровать и удивить.

Рассуждения о творческом методе писателя, сформировавшемся у него под влиянием китайской, английской и японской литературы находим в его же творчестве. Например, в повести «Изголовье из трав» («*Кусамакура*», 1906) Сосэки «проводит мысль, что невозможно изображать события, будучи непосредственным их участником. Чтобы правдиво вскрыть окружающую действительность, нужно быть беспристрастным наблюдателем, чтобы творить свободно, нужно «отрешиться от человеческих чувств». Так и поступает его герой-художник» [Сосэки, 1973, с. 10].

Здесь мы видим реализацию принципа *хининдзё*: «бесчувствия», «отрешенности», о котором писатель размышлял как о важнейшем при противопоставлении японской и европейской литератур. По его мнению, читатель, привыкший к бесконечным стимулам, перестаёт чувствовать «вкус» текста, чтение превращается в аттракцион. У читателя должно оставаться «место» для того, чтобы уединенно поразмышлять над прочитанным.

Сосэки не явился новатором, создавая подобные произведения. Идея «зарисовок с природы» (*сясэй*) появилась у его друга и в каком-то смысле духовного наставника Масаока

Сики (1867–1902), который хотел «создать великую литературу, которая не есть вымысел и не есть действительность» [Ходасевич, 2008] и реализовал то самое отстраненное отношение к действительности в своей поэзии.

Сосэки и еще несколько писателей, вырабатывавших в себе поэтический взгляд на окружающий мир, разделяли воззрения Сики. Как пишет К. Г. Санина, «Нацумэ Сосэки, являвшийся автором и защитником концепции литературного творчества Школы духовной свободы, *ёю:ха*, создал множество произведений, наполненных гуманистическими поисками идеальной любви и совершенной морали» [Санина, 2008, с. 169–181].

Здесь стоит остановиться на определении и переводе термина *ёю:*, так называемого стремления к «духовной свободе», который и дал название течению *ёю:ха*, одному из неоромантических направлений японской литературы того времени. Мы придерживаемся такого перевода данного термина, хотя трудно назвать его устоявшимся. Например, К. Рёхо предлагал «свободное расположение духа» [Рёхо, 1994, с. 596–600].

Несмотря на постепенный отход писателя от романтизма и обращение к реализму, идея *ёю:* занимает важное место в творческой биографии Нацумэ Сосэки, а упоминания о ней в различных исследованиях довольно фрагментарны. Так, в монографии Т. И. Бреславец описано, какую важную роль в становлении творческого пути многих молодых писателей и писательниц, например, Ногами Янэко (1885–1985), сыграл Сосэки и собрания его «Клуба четверга» («*Мокуё:кай*») [Бреславец, 2014]. На них как раз обсуждалась манера изложения *сясэй*, которую Сосэки сделал «визитной карточкой» своей прозы.

Квинтэссенцией *ёю:* в «серьёзной» прозе писателя стала повесть «Изголовье из трав», которую он сам определял как «повесть в жанре хайку». Однако писатель вскоре после

публикации повести сам признался, что «писать подобные вещи немужественно, и он хотел бы работать так, как будто писательство для него – это вопрос жизни и смерти» [McClellan, 1969, цит. по Soseki, 1956, p. 388–389].

Поэтому нельзя не согласиться с Верой Марковой, которая отмечала, что «эстетические воззрения Нацумэ требовали, чтобы художник, соблюдая дистанцию между собой и предметом, сохранял маску равнодушия, внешнего бесстрастия, «бесчувствия», по выражению писателя, но слишком часто лицо его искажала гримаса боли и гнева» [Сосэки, 1960, с. 3].

Таким образом, при всем желании быть бесстрастным, у Сосэки это получалось не всегда. И в крупной прозе писателя, несомненно, присутствует его завуалированное альтер-эго. Подобный характер прозы Сосэки отмечает и переводчик С. Х. Булацев, сравнивая Мори Огая и Нацумэ Сосэки и говоря, что если автобиографический характер прозы первого носит активный и даже эпический характер, то «у Сосэки же, хотя почти все его романы имеют ясно выраженный сюжет, они написаны чаще всего словно сторонним наблюдателем и по форме, по ритму и напряженности повествования близки скорее к таким традиционным бессюжетным жанрам, как *никки* (дневники) и *дзуйхицу* (эссе)» [Булацев, 1994, с. 499].

Вот как характеризует Анжела Юй рассказ (к слову, сама исследовательница называет его *zuihitsu* (literary essay)) Сосэки «Яванский воробей» («*Бунтё:*», 1908): «дневниковый характер текста освобождает автора от задачи построения начала, середины и конца драматической жизни персонажей и позволяет ему вместо этого делать простые зарисовки, имеющие отношение к центральному образу яванского воробья и его судьбе» [Yiu, 2001, URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.act2080.0040.302>].

Поэтому становится очевидно, что к истинной «духовной свободе» Сосэки начал стремиться в своих *тампэн сё:сэцу:*

дзуйхицу, дневниках, письмах, интервью, статьях и заметках (*дампэн*). В них он позволяет своему сознанию быть в состоянии *тэйкай*, что можно буквально перевести как «бродить в задумчивости» [Рёхо, 1994, с. 596–600]

Эти произведения малой прозы Сосэки имеют свою неповторимую поэтику, при этом они лишены «конъюнктурности», «выверенности» его романного творчества. Также малая проза писателя отличается большей эмоциональной окрашенностью, важными средствами художественной выразительности в ней являются различные приёмы комического. Мы считаем, что подобное отношение к действительности во многом помогало писателю справляться с трудностями, которые преследовали его на жизненном пути, и малая проза действительно явилась квинтэссенцией *ёю*: «отдушины», которую он так искал.

Также малая проза писателя явилась «полем для литературных экспериментов» писателя. Одними из самых неожиданных являются его произведения «Призрачный щит» («*Мабороси-но татэ*», 1905) и «Панихида» («*Кайроко*», 1905), которые смело можно назвать «первыми японскими фэнтэзи» о временах короля Артура. Также писатель переосмыслил и вывел на новый уровень критический жанр предисловие *дзё*, традиция составления которого восходит еще к древнекитайской литературе [Абрамова, 2015, с. 5–15].

Малая проза Сосэки является неотъемлемой частью дискурса его литературного наследия. Можно выделить важные темы, объединяющие произведения разных жанров. Например, тему образования и воспитания, которая поднимается как в критических очерках, так и в художественных произведениях. Также можно найти смыслообразующие концепты, связывающие несколько разноплановых работ. Так, Симона Мюллер выделяет образ ищущего независимости и творческой

свободы интеллектуала в повести «Изголовье из трав» («*Кусамакура*», 1906), романе «Затем» («*Сорэкара*», 1909–10) и *дзуйхицу* «Работа и свободное время» («*До:раку то сёкугё:*», 1914) [Müller, 2017, p. 87–103]. Л. Ю. Хронопуло указывает на символическую связь образов буддийского монастыря в сборнике «Десять ночей снов» и романе «Врата» («*Мон*», 1910) [Хронопуло, 2019] и т. д.

Также не стоит забывать, что Сосэки был исследователем и переводчиком английской литературы, что усложняет его творческую сущность, так как во многих своих очерках и эссе рефлексивен и занимается самоидентификацией. Автор раскрывает свое отношение к различным аспектам жизни в Англии и Японии, освещает некоторые общественные проблемы, например, вестернизацию японской культуры и неминуемое увлечение японцев западной литературой с ее чрезмерным давлением на чувства читателей.

Как видно, малая проза Сосэки разнообразна и уникальна, и нельзя не отметить ее важную роль в формировании творческих замыслов произведений других жанров и в отражении значимых для писателя тем, которые он не затрагивал в крупной прозе, например, его стажировки в Лондоне. Поэтому углубленное исследование философско-мировоззренческих основ творчества Нацумэ Сосэки через его малую прозу, а также соотнесение её с крупной прозой, прежде всего, романами, чрезвычайно важно. Также необходимо систематически рассматривать саму малую прозу писателя с точки зрения ее периодизации и тематического разнообразия, а также структурных и художественных особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абрамова, Е. С.** Жанр дзидзё (авторское предисловие) в творчестве Нацумэ Сосэки / Е. С. Абрамова // Нашим Учителям посвящается. Япония. Язык и культура. – Москва : РПК 2×2 PRINT, 2015. – С. 5–15.

2. **Бреславец, Т. И.** Огненная трава. Творческие портреты японских писательниц : монография / Т. И. Бреславец. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2014. – 220 с. – ISBN 978-5-906739-24-7
3. **Булацев, С. Х.** Нацумэ Сосэки. Мой индивидуализм / С. Х. Булацев // Петербургское востоковедение. – 1994. – Вып. 5. – С. 502–525.
4. **Булацев, С. Х.** О значении Мори Огай и Нацумэ Сосэки для современной японской литературы / С. Х. Булацев // Петербургское Востоковедение. – СПб., 1994. – Вып. 5. – С. 497–501.
5. **Рёхо, К.** Литература 10-х годов: [Японская литература на рубеже XIX и XX веков] / К. Рёхо // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва : Наука, 1983–1994. – Т. 8. – 1994. – С. 596–600.
6. **Санина, К. Г.** Пути развития неоромантизма в современной японской литературе / К. Г. Санина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 13(144). – С. 169–182. – EDN MUFQMJ.
7. **Селимов, М.Г.** Обращение Нацумэ Сосэки (1867–1916) к новому поколению литераторов: мысли писателя о литературных течениях / М. Г. Селимов // Японские исследования. – 2024. – № 1. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2024-1-6-15>
8. **Нацумэ, С.** Ваш покорный слуга кот / пер. с яп. Л. Коршикова, А. Стругацкого. – Москва : Художественная литература, 1960. – 222 с.
9. **Нацумэ, С.** Сансиро. Затем. Врата / пер. с япон. А. Рябкина. – Москва : Художественная литература, 1973. – 480 с.
10. **Ходасевич, Г. В.** Масаока Сики: «В горле моем застыла слизь...» // Астма и аллергия. – 2008. – № 3. – С. 22 – 23.
11. **Хронополо, Л. Ю.** Символика цикла новелл «Десять ночей грез» Нацумэ Сосэки / Л. Ю. Хронополо // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2019. – № 1. – С. 108–119. – EDN YXXETZ.
12. **Японские дзуйхицу** [Пер. с яп. / Т.П. Григорьева, сост., вступ. ст.]. – Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1998. – 631 с., [4] л. цв. ил. ил.; 21. – (Золотой фонд японской литературы); ISBN 5-7906-0029-8.
13. **McClellan, E.** Two Japanese Novelists: Sōseki and Tōson – Chicago : University of Chicago Press, 1969. – 188 p.
14. **Müller, S.** Natsume Soseki and the search for artistic autonomy / S. Müller // Modern Japanese literature. – 2017. – P. 87–103. – ISBN 978-1-68217-258-2.
15. **Natsume, S.** Soseki zenshu. – Vol. 18. – Iwanami shoten, 1956. – 400 p.
16. **Yui, A.** A Preface to "Buncho" / A. Yui // Michigan Quarterly Review. – 2001. – Vol. XL, No. 3: Perspectives on Fiction (Summer). – URL:

<http://hdl.handle.net/2027/spo.act2080.0040.302> (дата обращения:
04.04.2025).

Ё. Аракава, А. А. Борисова

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ВОСПРИЯТИЯ РУССКИМИ
И ЯПОНСКИМИ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В КОНЦЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЧАТ-ПЕРЕПИСКЕ
ЧЕРЕЗ МЕССЕНДЖЕРЫ**

**メッセージングアプリを利用したチャットの会話における文末符号の印
象評価に関する日露比較**

要旨: 現代のデジタルコミュニケーションにおける「打ち言葉」に注目し、その特徴である話し言葉的要素、絵文字、ネットスラング、句点(ピリオド)の印象評価における世代間の差について調査し、日本語でもロシア語でも文末表現に世代間の差があることがわかった。

キーワード: 日本語、ロシア語、打ち言葉、句点、絵文字、チャット、オンラインコミュニケーション、世代間の差(ギャップ)。

Y. Arakawa , A. A. Borisova

**Comparative assessment of Russian and Japanese perception of
punctuation marks at the end of sentences in chat correspondence via
instant messengers**

Abstract: *The article examines the phenomenon of modern digital communication known as «uchi-kotoba», analyzing its distinctive features: the use of colloquial style, emoji, and internet slang. The study particularly focuses on intergenerational differences in punctuation perception (especially regarding sentence-ending periods) and compares these patterns between Japanese and Russian users.*

Key words: *the Japanese language, the Russian language, uchi-kotoba, punctuation, emoji, online chat, online communication, generation gap.*

通信技術の急速な発展とコミュニケーションのオンライン化を背景に、情報機器などへの文字入力、いわゆる「打つ」ことで視覚化される「打ち言葉」の使用が拡大している。

2018年文化審議会国語分科会は「分かり合うための言語コミュニケーション(報告)」で、打ち言葉は書き言葉であってもくだけた話し言葉的文体が用いられるとして、その特徴に顔の表情をデザインした絵文字の使用や「お k(OK)」「う p(up・アップ)」のようなローマ字入力の誤変換を起源とするネット俗語的な表記、行頭で1字下げをしない段落の書き方など、従来の書き言葉における習慣との違いや書式の使い分けを挙げている。また、このような「打ち言葉」特有の表記は世代差が大きく、誰に対しても通じるものではないとしている[分かり合うための言語コミュニケーション(報告), 2018, c. 26]。そして、使用機器がフィーチャーフォンからスマートフォンへ変化したことで打ち方が変化したことで打ち言葉の中の規範や傾向に変化が起き、それもまた打ち言葉の中の世代間のギャップを招いている。

前述のように打ち言葉は、視覚化される書き言葉であるため、感情的な情報を伝える際に重要な非言語情報が欠落してしまうという欠点を補うため、打ち言葉では様々な配慮のための工夫がこらされる。本稿では、日本語とロシア語の文末の印象評価に関わる表現について概観したい。

ロシアでも、メッセージアプリなどで使用される言葉や記号に世代間で違いがある。例えば、新しく使われるようになった絵文字として頭蓋骨の絵文字がある。これは「笑い死んだ」つまり死ぬほど面白いという意味を表すという。また、若者の間では普通のハートマークは上の世代の特徴であると使用が避けられ、ハート形に組んだ手の絵文字の使用が多くなっているという[Эмодзи в переписке разных поколений: особенности и курьезы. URL: <https://sibmama.ru/emodzi-pokoleniya.htm>]。

笑いを表す略語については、世界的に変化が起きている。ロシアでも2000年代初頭に盛んに使用されていたLOL (Laughing out loud) は、積極的にLOLを使用するユーザーは2015年の調査でわずか

2%で、その年齢は 30 歳以上であった。LOL に代わって現れたのは JBOL (I just burst out laughing) という略語で、ただ笑ったという意味ではなく、LOL より強い抑えられない感情を表すことができる。ロシアでは、「хахаха」や「хехе」などの感嘆詞、または単なるランダムな文字の羅列を使用して笑いを表現する若者が増えている。このランダムな文字の羅列の方法には 2 種類あり、大文字のランダムな組み合わせ「АПХАВОВАИОХАУРЫ」や小文字の入力パネルで直線に並んだ文字の羅列「авпрылаорпф」と大文字と小文字を区別する。このような新しい笑いの表現は世代間の差が大きい。特に 25 歳未満の若者の使用が多く、35 歳以上の使用者は 4%以下、45 歳以上では 1%の人しか使用していない。反対に、スマイルの絵文字や、右括弧「）」をひとつまたは複数用いた笑いの表現は、35 歳以上の使用が多く、18 歳以下では約 5%である。最近話題になっている椅子の絵文字や頭骸骨の絵文字を笑いの意味に使用する例は、実際のところ使用者の数は多くないが、25 歳未満に限られており、世代間の差を象徴している [Как вы смеетесь? URL: <https://digitaletiquette.ru/lol>]

日本語の打ち言葉では、笑いを表す記号として「笑」や「w」が用いられるが、2024 年 9 月に大学生を対象に行われた調査で「笑」を使用するという回答が 73.3%に対し「w」が 21.2%で、「笑」は誰にでも使いやすく (68%) 「w」は子供が使う (37.8%) というイメージを持っていることが分かったと言う [Z 世代の様々な絵文字や記号に対する捉え方. URL: <https://bieno.co.jp/research/AHINE5Gt>]

2024 年 2 月から 3 月ごろ日本で「マルハラ」という言葉が注目され、朝日新聞や産経新聞の Web 記事でも紹介された。これは「マルハラスメント」の略で、「。」のついた「メッセージを見た若者が、文末の句点を「威圧的」「冷たい」などと感じる現象」である [LINE が映す、世代のズレ「。」ついた文末、「マルハラ」? URL: <https://mainichi.jp/articles/20240228/dde/001/040/028000c>]。岩崎・市江・井上によると、2024 年 01 月 28 日にインターネットテレビ局 ABEMA の番組で放送されたことをきっかけにこの「マルハラ」の議論が活発になったそう [岩崎, 市江, 井上, 2024, p. 431]。しかし、この新

語や大手新聞社の記事の書き方に対して、ハラスメントという強い表現になってしまっていることや世代間の「分断」を無用に促進することにつながるのではないかという苦言がなされている[三浦, 鳥海, 2024]。

これを受けて実施された2024年3月の20～60代男女500人を対象にしたアンケートでは「マルハラ」と呼ばれる現象に関する調査結果では「あまり気にしたことはない」と答えた人が全体の64.8%と最も多く、次いで「丁寧さ」24.6%だった。年代別では、どの世代も共通して最も多かったのが「あまり気にしたことはない」、次いで「丁寧さ」で、20代も28%の人が「丁寧さ」を感じると回答しているが、同時に「威圧感」18%「距離感」12%「怒っている」8%というネガティブな印象を受けるのも他の年代に比べて20代が最も多いという結果になっている。一方、50代と60代では、それぞれ「威圧感」7%1%「距離感」5%0%「怒っている」0%0%と、「。」からネガティブな印象を受けるまたは与えているという感覚はないことがわかった[文末に「。」がついていると威圧感を感じる? 「マルハラ」に関する調査を実施! URL: <https://www.afib.com/beginner/archives/tsushin/14466/>]。

同様に、ロシアでも「Привет.」で始まるチャットは「выглядит жутко (気味が悪い)」とネガティブな印象を受けると指摘されている[Молодых людей пугают точки в предложениях – так считают лингвисты. Как это работает? URL: <https://click-or-die.ru/2020/09/tochka/#new>]。

このように、「。」に関する受け手の印象に関する議論がそもそも生まれた背景には、「。」の使用が減少したことで、従来の書き言葉の規範として文末につけることが当たり前、つまり無標であった「。」が有標の記号に変化していることが挙げられる。「。」の使用減少の理由として、一回にまとめて送る内容を意図的に分割する「分かち書き」が指摘されている。西川・中村は句読点を打つ部分や改行する部分で「分かち書き」が多いと述べている[西川, 中村, 2015]。このような「分かち書き」により文章の視覚的分割が起こり、句読点が必要なくなるのだと考えられる。

2016年に東京と鹿児島の大學生のLINEのトーク履歴計8100メッセージを調査した加納他は、句読点で特に句点の出現率が低く5%であり、本来あるべきところに句点がない句点の「潜在化・不可視化」を報告している。また、句点の出現にはトピックの内容の複雑さから1送信あたりの区や文の多さが関係していることや通信相手の句点使用スタイルによる影響を指摘している[加納, 佐々木, 楊, 船戸, 2017]。

このように、句点を使用しない若い世代である大學生もメッセージの内容や相手への配慮によって、「打ち言葉」を使い分けていることがわかる。

上記の「マルハラ」議論を受けて「おじさん構文」「おばさん構文」も話題になっている。記事によると、両者に共通する特徴は、長文で句読点や絵文字や顔文字の多用で、違いは「おばさん構文」の「～」や小文字のひらがなの使用である[村田, 2023]。

このように、本稿では日本では「打ち言葉」や「マルハラ」や「おじさん構文」「おばさん構文」などの新語の出現が特に文末記号の印象評価の世代間の差を浮き彫りにしていること、ロシアでもピリオドに対する印象や笑いを表す方法に世代間の差があることがわかった。これは、それぞれの世代が若いころに慣れ親しんだ書き方を維持し、年月が経つにつれ次第に新しかった書き方が古くなり、より新しいものが生まれているためである。

ЛИТЕРАТУРА

1. **20年前を思い出すマルハラ議論 源氏物語にはなかった句読点の歴史 20-
нэн маэ-о омоидасу марухара гирон. Гэндзи-моноготари-ни ва
накатта кутто:тэн-но рэксиси** (Споры о «марухара»: История знаков
препинания, которых не было в «Повести о Гэндзи») / 朝日新聞デジタル
Асахи симбун дэдзитару (Цифровая версия газеты Асахи симбун): сайт. –
URL: <https://www.asahi.com/articles/ASS2Y64QXS2FUCVL045.html> (дата
обращения: 15.03.2025).
2. **文化審議会国語分科会 Бункасингикай кокугобункакай** (Подкомитет
по японскому языку Совета по культуре) **分かり合うための言語コミュニケー
ション (報告) 2018 Вакариау тамэ-но гэнго комюникэ:сён (хо:коку) 2018**
(Языковая коммуникация для взаимопонимания (отчет) 2018: сайт. – URL:

- https://www.bunka.go.jp/seisaku/bunkashingikai/kokugo/hokoku/wakariau/pdf/r1403493_01.pdf (дата обращения: 03.03.2025).
3. 文末に「。」がついていると威圧感を感じる? 「マルハラ」に関する調査を実施! Буммацу-ни «。»-га цуйтэиру то иацукан-о кандзиру? «Марухара»-ни кансуру тэ:са-о дзисси (Чувствуете ли вы давление, когда в конце предложения стоит точка? Опрос о «марухара»): сайт. – URL: <https://www.afi-b.com/beginner/archives/tsushin/14466/> (дата обращения: 25.03.2025).
 4. 岩崎拓也, 市江愛, 井上雄太 Ивасаки, Т., Итиэ, А., Иноуэ, Ю. チャットにおける符号使用の印象評価のための予備的分析 Тятто-ни окэру фуго:сиё:-но инсё:хё:ка-но тамэ-но ёбитэки бунсэки (Предварительный анализ оценки восприятия использования символов в чатах) // 言語資源ワークショップ発表論文集 1 Гэнго сигэн ва:кусёппу хаппё: ромбунсю: 1 (Труды семинара по языковым ресурсам, том 1). – Токио, 国立国語研究所 Кокуритесу кокуго кэнкю:дзё (Национальный институт японского языка), 2024. – С. 431–441.
 5. **Как вы смеетесь?** Результаты исследования способов передачи смеха в мессенджерах / Цифровой этикет: сайт. – URL: <https://digitaletiquette.ru/lol> (дата обращения: 13.03.2025).
 6. 加納なおみ, 佐々木 泰子, 楊 虹, 船戸 はるな Кано:, Н., Сасаки, Я., Ян, Х., Фунато, Х. 「打ち言葉」における句点の役割: 日本人大学生の LINE メッセージを巡る一考察 Ути котоба-ни окэру кутю:тэн-но якувари:нихондзин дайгакусэй-но LINE мэссэ:дзи-о мэгуру ити ко:сацу (Роль точки в «ути-котоба»: исследование сообщений LINE среди японских студентов) // お茶の水女子大学人文科学研究 Отя-но мидзу дзёси дайгаку дзимбун кагаку кэнкю: (Исследования по гуманитарным наукам Университета Отяномидзу). – 2017. – № 13. – С. 27–40. –ISSN 18801633.
 7. 三浦麻子, 鳥海不二夫 Миура, А., Торигуми, Ф. 「マルハラ」は実在するの か? «Марухара» ва дзицудзай суру но ка (Существует ли «марухара» на самом деле): сайт. – URL: <https://team1mile.com/asarin/R-maruhara.html> (дата обращения: 15.03.2025).
 8. **Молодых людей пугают точки в предложениях – так считают лингвисты. Как это работает?:** сайт. – URL: <https://click-or-die.ru/2020/09/tochka/#new> (дата обращения: 02.04.2025).
 9. 村田幸子 Мурата, С. 「「おじさん」の次は「おばさん構文」がやり玉に LINE を巡る世代間ギャップの背景」«Одзисан»-но цуги ва «обасан ко:бун»-га яридама-ни LINE-о мэгуру сэдайкан гяппу-но хайкэй (После «дядюшкиных фраз» под огонь критики попал «стиль тётушек» – фон межпоколенческого разрыва в LINE) / 産経新聞 Санкэй симбун (газета

- Санкэй симбун): сайт. – URL: <https://www.sankei.com/article/20231108-D73CTCW4KRA4HLOZDTCLRP2U6A/> (дата обращения: 30.03.2025).
10. **西川勇佑, 中村雅子 Нисикава, Ю., Накамура, М.** LINE コミュニケーション. の特性の分析 LINE コミュニケーションのトクサシノブンセキ (Анализ особенностей коммуникации в LINE) // 東京都市大学横浜キャンパス情報メデ. イアジャーナル То:кё тоси дайгаку Йокогама кямпасу дзё:хо: медиа дзя:нару (Журнал информационных медиа кампуса Йокогама Токийского городского университета) №16. – 2015. – Рр. 49–59. – ISSN 21878390.
 11. **Пунктуация 21 века: почему вас сочтут грубым и неискренним за точку в конце предложения и как текст могут преобразить эмодзи / Sostav:** сайт. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/punktuatsiya-21-veka-47298.html> (дата обращения: 15.02.2025).
 12. **Эмодзи в переписке разных поколений: особенности и курьезы / Сибирский семейный сайт sibmama:** сайт. – URL: <https://sibmama.ru/emodzi-pokoleniya.htm> (дата обращения: 12.03.2025).
 13. **LINE が映す、世代のズレ「。」ついた文末、「マルハラ」? LINE-га уцусу, сэдай-но дзурэ «。 » цуита буммацу, «марухара»? (Разрыв между поколениями в LINE: Точка в конце предложения – это «марухара»?)/ 毎日新聞 Майнити симбун (Газета Майнити симбун): сайт. – URL: <https://mainichi.jp/articles/20240228/dde/001/040/028000c> (дата обращения: 20.03.2025)**
 14. **Z 世代の様々な絵文字や記号に対する捉え方 Z сэдай-но самадзама-на эмодзи я киго:-ни тайсуру тораэката (Восприятие различных эмодзи и символов поколением Z):** сайт. – URL: <https://bieno.co.jp/research/AHINE5Gt> (дата обращения: 20.03.2025).

Е. Д. Богоявленская

**АНАЛИЗ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА С ЯЯ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ
И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ ИИ**

Аннотация. В основе статьи лежит практика проведенных шести потоков КПКП ЯЯ – Курса повышения квалификации переводчика ЯЯ. Целевая аудитория для обучения в нем состояла, в основном, из россиян-выпускников частных школ и курсов ЯЯ системы преподавания в Японии

по методикам и учебникам без аспекта «перевод и переводоведение». Слушатели, не понимая принципов подхода к переводу с ЯЯ на родной РЯ, часто прибегают к помощи систем ИИ для понимания содержания текстов из современных СМИ Японии с помощью Google 翻訳 (Гугл-переводчик). Это и дало автору материал для анализа положительных и отрицательных сторон ИИ.

Ключевые слова: КПКП ЯЯ, принципы перевода/ переводоведения, Искусственный Интеллект, система ИИ, Гугл-переводчик

E. D. Bogoyavlenskaya

Analysis of translation theory and practice from Japanese language using artificial intelligence: advantages and disadvantages of AI

Abstract. *This article is based on the practical experience of six iterations of the Japanese language translator professional development course (JL PDPC). The target audience primarily consisted of Russian graduates from private language schools and courses in Japan, where teaching methods and textbooks lacked a "translation and translation studies" component. Unfamiliar with the principles of Japanese language to Russian language (native language) translation, trainees often relied on AI tools like Google Translate to comprehend content from contemporary Japanese media. This provided the author with material to analyze the advantages and disadvantages of AI in translation.*

Key words: *Course of Teaching Japanese Translation, Translation Principles, Artificial Intelligence, AI System, Google hon yaku.*

1. Роль перевода с/на ЯЯ для анализа системы ИИ

Курс Повышения Квалификации Переводчика –КПКП-ЯЯ я провела с начала пандемии (2020 г.) уже 6 потоков. Он рассчитан на 2 месяца занятий в онлайн на 72 ак. часа. Занятия проводятся по материалам текущих СМИ на ЯЯ с целевым подбором тематики:

- (1) истории международных отношений Японии с СССР/Россией, США, Китаем;
- (2) внутренней политической и экономической обстановки в Японии;

- (3) истории внутренней своеобразной культуры Японии;
- (4) проблем новых технологий на ЯЯ системы Искусственного Интеллекта [Богоявленская, 2017].

За многовековую историю Японии в современном ЯЯ сохранилось много терминологических выражений, при переводе которых на РЯ нет не только единых правил перевода, но и допускается многообразие «клише» для переводчика, которые не определены до сих пор как стандарт для терминологии на РЯ.

На данный КПКП ЯЯ приходят «учиться переводу с /на ЯЯ» выпускники и слушатели частных японских курсов и школ для повышения своей квалификации переводчика, которой они совсем не имеют. Методика преподавания ЯЯ в японских частных учебных заведениях опирается на механическое запоминание и многократное повторение в устной и письменной форме языковых оборотов.

Такие выпускники выполняют *пересказ текста* своими словами без соблюдения адекватной формы грамматики, стиля источника текста на ЯЯ и без соблюдения формального строя абзацев и знаков препинания как текста-источника, так и текста-перевода. А перевод, которому обучают в российских вузах, требует соблюдения всех грамматических правил текста перевода тексту оригинала, адекватного перевода иероглифических слов и выражений, перевода идиоматических выражений, а также выражений с «переносным» смыслом. И обязательное условие- последующее редактирование своего текста на РЯ

Система ИИ помогает им понять смысл неизвестных выражений и фразеологизмов в японском источнике, но не помогает преодолеть «искажения» смысла, стилистику изложения содержания, адекватность передачи грамматических конструкций.

2. Анализ перевода с ЯЯ терминов системы ИИ

Прежде чем начинать занятия по переводу основных текстов с ЯЯ на РЯ на Курсе повышения квалификации переводчика с/на ЯЯ (КПКП ЯЯ) следует познакомить слушателей с правилами применения/неприменения для перевода системы ИИ. Ниже следуют все эквиваленты перевода на ЯЯ данного термина «Система ИИ – Искусственный Интеллект» [*Асахи симбун* от 28.02.2025, 01.03.2025]:

AI	Artificial Intelligence	
生成知能	せいせいちのう	сэйсэй тино:
生成 AI	せいせい・エイアイ	сэйсэй эйай
人工知能	じんこうちのう	дзинко: тино:
AI 規制	エイアイ・きせい	эйай кисэй

Упомянутый здесь КПКП ЯЯ – это авторский вариант частного курса онлайн-обучения переводу с /на ЯЯ тех выпускников, которые изучали ЯЯ по японским учебникам и методикам в системе *Нихонго но:рёку сйкэн* и сдали экзамен 3–2 уровня. Японская система преподавания ЯЯ для иностранцев не включает специализацию «перевод и переводоведение». Поэтому для полного понимания изученного материала выпускники японских курсов и школ чаще прибегают к помощи системы ИИ и пытаются тем самым выработать у себя «навыки переводчика».

Тему, обозначенную в заглавии своего выступления в практической работе при обучении правилам перевода, я переформулировала бы чуть иначе: «*Искусственный интеллект (ИИ): анализ необходимости его применения в методике обучения переводу с/на японский язык (ЯЯ)*»

3. Законодательные акты Японии для применения ИИ предпринимателями

В правительстве Японии перед наступлением нового 2025 финансового года (с 1 апреля) уделялось заметное внимание

теме ИИ. В газете «Асахи симбун» опубликованы следующие комментарии:

«В связи с появлением важнейшего проекта, который может нарушить права и интересы японского народа на основе Искусственного Интеллекта (ИИ-АИ), 28 февраля 2025 года было сформулировано решение правительства о Законопроекте, благодаря которому страна сможет изучать деятельность предпринимателей по освоению ИИ. Цель состоит в том, чтобы в обстановке интенсивного развития технологий ИИ реагировать на вредное влияние, которое система ИИ будет оказывать на общество. Вместе с тем, будет также обеспечено и развитие научных исследований по проблемам ИИ и их продвижение в жизнь. Правительство ставит целью добиться этого и при обсуждении на нынешней сессии парламента» [Асахи симбун, 2025].

Кроме того, с целью продвижения научно-исследовательских и практических разработок правительство определяет «Основной план по проблемам ИИ». В правительстве решено учредить «Стратегический штаб ИИ», который будет исполнять функции руководящей структуры.

Для предпринимателей по освоению ИИ в качестве их обязательств проекты должны развиваться в направлении сотрудничества с правительством. Пусть даже при нарушениях не будет наказаний и штрафов. Но курс будет направлен на то, чтобы становились известными официально имена нарушителей по некачественным проектам.

А вот как интерпретирует это содержание (первый абзац) ИИ, который я попробовала вытащить из (Google 翻訳) Гугл –переводчика:

«В обстановке проникновения в общество ИИ (АИ) правительство Японии предложило (=выдвинуло) 28 февраля в парламент Законопроект, который формулирует

определённую причастность к проблемам развития (=освоения) и методам применения ИИ. Его опорным пунктом является, в частности, положение о том, чтобы возникала возможность исследовать (=оценивать, = анализировать) производство (=проникновение), в котором случилось появление проектов низкого (=плохого) качества».

Полное искажение фразы! Без всякого соблюдения грамматических правил. Просто чистый «пересказ».

4. Основные ошибки переводов с ЯЯ при использовании системы ИИ

Основное положительное свойство от наличия системы ИИ в переводе на РЯ состоит в том, что, исполнитель может ознакомиться с общим содержанием текста, не разбираясь в его тематике, надлежащего по каким-то причинам переводу на РЯ.

Но следует четко помнить о большом количестве отрицательных сторон ИИ и осознавать, что для **перевода** этот текст требует редактирования в соответствии с:

- (1) правилами грамматики ЯЯ и РЯ;
- (2) особенностями смысла и значения иероглифов, предполагающих в переводе на РЯ разнообразие омонимов, которыми может переводиться один и тот же иероглиф;
- (3) особенностями стиля перевода разных источников, например, официально-газетный, разговорно-бытовой и вежливо-возвышенный (на «Вы/вы» или на «ты») [Богоявленская, 2017].

На современном этапе развития системы ИИ пока не «обладает» такими «способностями», а начинающие переводчики этого не учитывают.

5. Выводы

Положительный эффект наличия возможности опереться на приблизительный перевод смысла всего текста –

единственное правило, которое можно предлагать начинающим переводчикам, не знающих всех правил перевода и редактирования готового варианта.

Все остальные правила относятся для начинающего переводчика с/на ЯЯ к отрицательным факторам. И это идет в разрез с правилами ИИ при переводе с европейских языков. Иероглифика и грамматика ЯЯ – основное препятствие для преодоления трудностей перевода на РЯ с использованием ИИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Богоявленская, Е. Д.** Японский язык: Очерки о переводе – история переводоведения; теория и практика перевода; методика преподавания (из личного опыта переводчика и практики преподавателя ЯЯ) / Е. Д. Богоявленская. – Москва : Япония – Сегодня. – 2017. – 296 с. – ISBN: 978-5-86477-126-1.
2. **Асахи симбун** (Газета «Асахи» на японском языке). – 2025 г.

Н. А. Бонадык

СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ ЁСИМОТО БАНАНА «КУХНЯ» НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Аннотация: Данная статья посвящена анализу пяти выделяемых нами стратегий, которые применяют переводчики при передаче оценочных значений. На материале повести «Кухня» Ёсимото Банана и ее переводов на русский и английский языки мы сопоставляем их частотность, описываем языковые средства их выражения а также анализируем факторы, влияющие на выбор переводчиками той или иной стратегии.

Ключевые слова: японский язык, аксиология, оценка, переводческая стратегия, лингвокультура.

N. A. Bonadyk

**Strategies of conveying evaluative meanings
in translations of Yoshimoto Banana's novel «Kitchen»
into Russian and English**

Abstract: *The paper focuses on analysis of five distinguished by the researcher strategies that translators turn to when conveying evaluative meanings. Using the examples from the novel “Kitchen” by Yoshimoto Banana and its translations into Russian and English we compare their frequency, describe the linguistic means of their expression and also analyze the factors that influence the translators' decision to choose one of the strategies.*

Key words: *the Japanese language, axiology, evaluation, translation strategy, linguistic culture.*

В рамках когнитивной парадигмы, которая сформировалась в лингвистике после так называемого антропологического поворота второй половины XX в., язык рассматривается в неразрывной связи с человеком. Язык необходим нам не только как средство коммуникации – без него невозможно мышление, накопление и сохранение опыта, категоризация окружающей действительности [Кубрякова, 2001]. При этом вычлняемые категории и стереотипы могут быть как общечеловеческими, так и специфическими для конкретной лингвокультуры. Это касается и оценок, как одного из средств категоризации мира. Иными словами, наряду с общечеловеческими ценностями есть и такие, которые формируются под влиянием национальной культуры. Эти ценности выражаются в языке в виде оценочных значений. Здесь под оценочным значением мы понимаем наличие оценочной модальности в денотативном или коннотативном значении слова. Оценочная модальность в свою очередь «выражает отношение говорящего ко всему, что мыслится как объективное, независимое от субъекта» по шкале хорошо/плохо [Телия, 1986, с. 22–23].

Расхождения в ценностных картинах мира различных лингвокультур нередко подталкивают переводчиков к преобразованию оценочных значений в процессе перевода. Переводческие установки, применяемые для передачи оценочных значений, в рамках данной работы мы называем «переводческими стратегиями». Мы выделяем пять таких стратегий, а именно сохранение оценочного значения (далее – сохранение); интенсификация оценочного значения (далее – интенсификация); деинтенсификация оценочного значения (далее – деинтенсификация); изменение знака оценки; опущение оценочного значения (далее – опущение). Дадим каждой из них краткое определение.

Под сохранением мы понимаем передачу в переводе оценочного компонента с сохранением аксиологического потенциала, присутствующего в оригинале, без изменения знака оценки.

Интенсификацией мы называем передачу оценочного значения с расположением ее выше на оценочной шкале (в случае положительной оценки) или ниже (в случае отрицательной оценки) при помощи увеличения степени экспрессивности предметно-логического или коннотативного значения.

Деинтенсификация – это, напротив, расположение оценки ближе к нейтральному значению, то есть ниже на оценочной шкале в случае положительной оценки, или выше – в случае отрицательной.

Изменение знака оценки – это замена положительного оценочного значения на отрицательное и наоборот, а под опущением мы подразумеваем полный отказ от передачи оценочного значения в переводе.

Частотность применения этих стратегий в переводе, способы их реализации рассмотрены нами на материале повести Ёсимото Банана «Кухня», а также ее переводов на русский

(переводы Е. Дьяконовой и А. М. Кабанова) и английский язык (перевод М. Бэкус). Мы проанализировали фрагмент оригинала объемом 0.5 а.л., общий объем рассмотренных фрагментов перевода – 3.8 а.л. Методом сплошной выборки было отобрано 265 микроконтекстов (то есть минимальных фрагментов текста, необходимых для верной интерпретации оценочного значения), внутри которых мы выделили 312 оценочных значений (в некоторых микроконтекстах содержалось более одного оценочного значения). Из них 58% значений выражали положительную оценку и только 42% – отрицательную.

Вне зависимости от языка перевода самой распространенной была стратегия сохранения (75% в переводах на русский язык и 82% в переводе на английский язык). Это объясняется наличием большого количества оценочных значений, выражающих общечеловеческие ценности, а значит не требующих преобразований в переводе. Кроме того, первоочередной для переводчика обычно является установка на достижение эквивалентности перевода, которая также предписывает применение стратегии сохранения.

Однако для нас больший интерес представляют случаи, где переводчики по тем или иным причинам сочли необходимым внести изменение в оценочную коннотацию. На втором месте по распространенности (9% от общего количества) находится стратегия деинтенсификации – переводчики на русский применяли ее в 10% случаев, тогда как переводчик на английский – только в 7%. При этом для переводов на английский второй по популярности будет наоборот стратегия интенсификации, которая использована в 8% всех случаев. Такое расхождение может указывать на большую экспрессивность английского языка, тогда как, переводчики на русский язык более склонны к смягчению оценочных значений. Рассмотрим, как стратегия деинтенсификации реализуется на конкретном примере:

• (Оригинал)「もう歳だから無駄だよ。」雄一が説明書を見ながら言った。 [Mo: тоси дакара муда даё] Ю:ути-га сэцумэйсё-о минагара итта. «“У тебя уже возраст, это бесполезно” – сказал Юити, глядя в инструкцию».

• (Перевод Е. Дьяконовой) – В твоём возрасте сок **уже не поможет**, – отозвался Юити, просматривая инструкцию.

• (Перевод А. Кабанова) – В твоём возрасте это **уже несколько поздно**, – заметил Юити, изучая инструкцию.

• (Перевод М. Бэкус) "It's **a little late** for that at your age," retorted Yuichi, not raising his eyes from the instruction booklet.

Здесь один из героев повести, Юити, отвечает на реплику своей матери о том, что сок полезен для кожи. В оригинале он использует отрицательно оценочную лексему 無駄 муда «бесполезная трата». В переводе Е. Дьяконовой этот смысл воспроизведен очень точно, выражением «уже не поможет». Однако в двух других переводах применена стратегия деинтенсификации. В обоих случаях отрицательная оценка смягчается при помощи деинтенсификаторов: «несколько» в переводе А. Кабанова и «a little» в переводе М. Бэкус. На наш взгляд, два этих сходных переводческих решения обусловлены резкостью первоначальной фразы, которая обоим переводчикам показалась чрезмерной в диалоге сына и матери, между которыми царит взаимопонимание. Таким образом здесь применение стратегии деинтенсификации объясняется влиянием норм речевого общения в переводящих языках.

Перейдем к стратегии интенсификации, к которой переводчики обращались к 7% случаев. Более частотна она в английском переводе (8%), а чуть менее – в переводах на русский (7%). В английском переводе можно проследить еще и такую закономерность, что стратегия интенсификация применяется чаще в случае положительно оценочных значений,

что указывает на недостаточную экспрессивность исходного японского текста именно в области положительной оценки с точки зрения англосаксонской лингвокультуры. Рассмотрим, как данная стратегия может применяться при переводе:

• (Оригинал) 私の作った玉子がゆと、きゅうりのサラダを彼女は嬉しそうに食べてくれた。 *Vatasu-no цукутта тамагогаю то кю:ри-но сарада-о канодзё ва урэсисо:-ни табэкурэта*. «Она с радостным видом съела кашу с яйцом и салат из огурцов, которые я приготовила».

• (Перевод Е. Дьяконовой) ...**Она с радостью** уплетала приготовленные мной салат из огурцов и рисовую кашу с яйцом.

• (Перевод А. Кабанова) **Она с аппетитом** поглощала приготовленные мной рисовую кашу с яйцом и салат из огурцов.

• (Перевод М. Бэкус) She **attacked** the food–cucumber salad and soupy rice with eggs–**with gusto**.

В данном случае интенсификация наблюдается во всех трех случаях перевода. В оригинальном тексте Ёсимото Банана использует прилагательное *うれしい* *урэсий* «радостный» в сочетании с суффиксом *そう* *со:* «похоже что», указывающим на то, что говорящий делает выводы на основе информации из внешних источников (например, увиденного или услышанного). Данный суффикс также имеет функцию деинтенсификатора, то есть снижает градус оценки, поскольку говорящий при его помощи указывает на неуверенность в своих словах. Значение этого суффикса не передано ни в одном из представленных переводов. Кроме того, вместо нейтрального глагола *食べる* *табэру* «есть», употребленного в оригинале, переводчики выбирают экспрессивно окрашенные эквиваленты

«уплестать», «поглощать» и «attack», которые в данном случае усиливают положительную оценку.

Отметим, однако, что использование суффикса *そう* *со*: «похоже что» в японском языке часто является признаком не уверенности как таковой, а скорее желанием снизить категоричность высказывания, что связано с общей установкой японской культуры общения на некатегоричность. Поскольку англо- и русскоязычная коммуникация позволяют большую прямолинейность, суффикс *そう* *со*: «похоже что» при переводе очень часто оказывается опущен. Таким образом, в этом и подобных случаях применение стратегии интенсификации объясняется расхождениями в нормах речевого общения.

Стратегии, предполагающие самые кардинальные трансформации в области оценочного значения являются также самыми редкими. Это естественно, ведь они в наибольшей степени препятствуют достижению эквивалентности. Стратегия опущения применялась в 4% случаев (5% в русских переводах и 2% в английском). При этом в переводах на английский опущение встречается только с отрицательной оценкой. Вероятно, в данном произведении, довольно оптимистичном, несмотря на трагическую тематику (главная героиня переживает потерю бабушки), отдельные отрицательные оценки показались переводчику не соответствующими общей коммуникативной установке текста, как в следующем фрагменте:

• (Оригинал)というわけで、私は居候生活に突入した。*To ю: вакэ дэ ватаси ва исо:ро: сэйкацу-ни тоцуню:-сита*. «Вот так я погрузилась с головой в жизнь за чужой счет».

• (Перевод Е. Дьяконовой) ... и потому я с такой легкостью погрузилась в **жизнь приживалки**.

• (Перевод А. Кабанова) Тогда я и окунулась в **совместную жизнь с ними**.

• (Перевод М. Бэкус) And that's why I rushed into **living with them**.

Здесь интерес для нас представляет выражение 居候生活 *исо:ро: сэйкацу* «жизнь за чужой счет», то есть жизнь в чужом доме без оплаты жилья или еды. Это значение точно передано в переводе Е. Дьяконовой словосочетанием «жизнь приживалки», при этом в двух других вариантах мы видим нейтральные эквиваленты «совместная жизнь», «living with them», передающие схожее семантическое значение, но лишенные оценочной коннотации, присутствующей в оригинале. Поскольку здесь идет речь о девушке, которая осталась одинока после смерти бабушки и временно переезжает к приятелю и его маме, мы предполагаем, что переводчики сочли неуместным указание на материальную сторону вопроса, так как первоочередным для героини в ее состоянии было не оставаться наедине со своими мыслями.

Последней, наименее частотной стратегией (2% случаев) является изменение знака оценки. Несколько чаще мы сталкивались с ней в переводах на русский язык (3%), реже (1%) – в переводе на английский. Необходимость применения этой стратегии часто сигнализирует о глубинных расхождениях в ценностных картинах мира лингвокультуры исходного языка и лингвокультуры переводящего языка.

• (Оригинал) しかし、彼の態度はとても“クール”だったので、私は信じる事ができた。シカシ *карэ-но таудо ва тотэммо “ку:ру” датта нодэ ватаси ва синдзиру кото-га дэкита*. «Но он вел себя очень “спокойно”, и это вызвало у меня доверия».

• (Перевод Е. Дьяконовой) Но он держался с таким **спокойствием**, что ему наверняка можно было довериться.

• (Перевод А. Кабанова) Но поскольку он был совершенно **«холоден»**, я почувствовала к нему доверие.

•(Перевод М. Бэкус) His attitude was so totally "cool", though, I felt I could trust him.

В данном фрагменте главная героиня повести называет своего знакомого, пригласившего ее пожить некоторое время у него дома, クール *ку:ру* «холодный» и этим объясняет себе, почему он расположил ее к себе. Слово クール *ку:ру* является заимствованием из английского языка (cool), согласно словарным дефинициям, оно может означать «прохладный, холодный» или «крутой». Однако в данном случае понятие クール *ку:ру* «холодный» следует интерпретировать иначе. Исследователь А. Судзуки в своей статье отмечает, что идея «прохладных» (クール *ку:ру*) взаимоотношений начала играть большое значение для молодежи Японии в конце 80-х годов, когда и была написана повесть «Кухня» [Suzuki, 2022]. Идеалом отношений для подростков того времени стало не вторгаться в чужое личное пространство, не задавать личных вопросов, чтобы не задеть чувства другого человека [Suzuki, 2022, p. 82]. Все это и подразумевает понятие クール *ку:ру*, которое в рамках повести является положительной характеристикой персонажа. М. Бэкус в качестве эквивалента использует прилагательное cool, которое, на наш взгляд, довольно точно передает исходную коннотацию. При этом М. Бэкус, вслед за оригиналом, заключает cool в кавычки. На наш взгляд, это сделано для того, чтобы не актуализировать более вероятное в контексте описания молодого человека значение: «стильный, модный». К стратегии сохранения мы относим и вариант Е. Дьяконовой, которая перевела クール *ку:ру* как «спокойствие». Возможно, данное слово не передает исходную семантику во всей ее полноте, но позволяет сохранить положительно оценочное значение. А. Кабанов использует для перевода словарное значение クール *ку:ру* «холодный», которое

в данном контексте является не лучшим выбором и даже создает логическое противоречие внутри высказывания (остается неясным, почему «холодность» заставила главную героиню почувствовать доверие). В данном случае применение стратегии изменения знака оценки является, вероятно, не в полной мере осознанным, и объясняется сложностью передачи многогранного лингвокультурного концепта в переводе.

Итак, среди пяти выделяемых нами стратегий передачи оценочных значений одна (сохранение) позволяет переводчикам в полной мере реализовывать установку на эквивалентность перевода. Четыре другие стратегии применяются, когда на первый план выходят противоречия между лингвокультурой исходного языка и лингвокультурой переводящего языка. Например, расхождения в ценностных картинах мира или различия в нормах речевого общения и этикета.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ёсимото, Б.** Киттин (Кухня) / Банана Ёсимото. – Токио: Кадокава бунко, 1991. – 208 с. – ISBN: 978-4041800089
2. **Ёсимото, Б.** Кухня / Банана Ёсимото ; перевод с японского языка Е. Дьяконовой // Она: новая японская проза. – Москва : Иностранка, 2001. – С. 385–428. – ISBN: 5-94145-020-6.
3. **Ёсимото, Б.** Кухня: маленький роман; Тень при луне: рассказ / Банана Ёсимото ; перевод с японского языка А. М. Кабанова. – Санкт-Петербург : Амфора, 2001. – 186 с. – ISBN: 5-94278-215-6.
4. **Кубрякова, Е. С.** О когнитивной лингвистике и семантике термина «Когнитивный» / Е. С. Кубрякова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 1. – С. 4–10.
5. **Телия, В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц : монография / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1986. – 141 с.
6. **Suzuki, A.** A Dream Kitchen for the Youth in the East and West: Banana Yoshimoto's Kitchen / A. Suzuki // Journal of east-west thought. – 2022. – № 12. – P. 75–90.
7. **Yoshimoto, B.** Kitchen / Banana Yoshimoto ; English translation by M. Backus. – New York: Washington square press, 1994. – 152 p. – ISBN: 978-0802142443.

А. А. Борисова

**ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЯПОНСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ**

Аннотация: *Статья посвящена анализу типичных ошибок в японских прилагательных, которые допускают студенты на начальном этапе обучения, а также рассмотрению возможных способов предупреждения и избегания этих ошибок.*

Ключевые слова: *предикативные прилагательные, полупредикативные прилагательные, типичные ошибки студентов, методика преподавания.*

A. A. Borisova

**Common Errors in Japanese Adjective Usage by Russian-Speaking
Learners and Effective Prevention Strategies**

Abstract: *The article analyzes typical errors in adjective usage made by students at the beginner level of Japanese language learning, while also examining potential methods for preventing and avoiding these mistakes.*

Keywords: *adjectival verbs, adjectival nouns, typical student's errors, teaching methodology.*

Начиная изучать японский язык, учащиеся неизбежно сталкиваются с рядом трудностей: иероглифика с ее множественными чтениями и значениями одного и того же иероглифа, особенности произношения, когда нужно уделять внимание долготе гласных звуков и понимать особенности музыкального ударения для постановки правильной интонации, специфическая лексика с большим количеством омофонов и т. д. Большие сложности вызывает и грамматический строй японского языка: студентам бывает сложно привыкнуть к определенному порядку слов в японских предложениях, понять логику образования непривычных грамматических форм, разобраться в особенностях перевода с японского на родной язык и наоборот.

Фактически, уже с самых первых занятий перед учащимися возникает множество проблем, даже, казалось бы, в потенциально несложных темах. Например, рассказывая о себе, приходится механически запомнить этикетные фразы はじめまして *хадзимэмаситэ* – «разрешите представиться» и どうぞよろしくお願いいたしま *до:дзо ёросику онэгаи итасимасу* – «прошу любить и жаловать», пока еще не понимая их структуру и принцип словообразования. Даже числительные имеют свой способ образования, в корне отличный от привычного русскоязычным студентам, не говоря уже о том, что в зависимости от ситуации одно и то же число может читаться по-разному.

Одной из важнейших тем на начальном периоде обучения является изучение японских прилагательных, и во время прохождения этой темы многие студенты сталкиваются с трудностями, которые можно попробовать классифицировать и предотвратить.

Пожалуй, самой распространенной ошибкой является непонимание разницы между предикативными и полупредикативными прилагательными [Liu, 2020, p.87]. Несмотря на, казалось бы, очевидное различие – заканчивается ли прилагательное на *-И* или нет – студенты допускают ошибки, особенно при согласовании прилагательных с существительными. Думается, что у этой ошибки может быть два пути происхождения:

- студенты не вполне освоили особенности фонетического строя японского языка и по привычке определяют окончание слова по последнему звуку, а не *море*¹, как это должно быть.

¹ Мора представляет собой глубинный фонологический слог и не всегда совпадает с фонетическим слогом, обязательно включающим один гласный звук [Рыбин, 2009, с. 106]

Например, прилагательное 便利 *бэнри* «удобный» ошибочно относят к предикативным прилагательным;

- студенты ошибаются в использовании таких прилагательных как *кирэй* «красивый, чистый», *ю:мэй* «знаменитый», *тэйнэй* «вежливый» и т. д., ошибочно относя их к предикативным прилагательным.

В первом случае ошибку можно предупредить на занятиях по фонетике, например, отработав со студентами ритмическую разбивку слов на моры. Можно предложить студентам разбиться на пары и попросить произнести слово, выделяя моры и сопровождая каждую хлопком. При этом один студент произносит, например, слово 星 *хоси* «звезда», а другой – 欲しい *хосии* «желанный». Если упражнение будет выполнено правильно, один из студентов закончит хлопать раньше другого. Привыкнув к понятию «мора» и научившись определять ритмические единицы в составе слова, студенты смогут легче воспринимать фонетические составляющие слов.

Во втором случае иногда учащиеся предлагают запомнить вышеупомянутые слова как исключения. Думается, что это неверный подход, так как фактически они исключениями не являются. Эти прилагательные входят в пласт японского языка, называемый *канго* – китаизмы. Частично эти слова были действительно заимствованы из китайского языка, частично появились уже в Японии из заимствованных элементов. Обычно *канго* состоят из сочетания двух (или более) иероглифов и читаются по *онъёми* – «китайскому» чтению. Такое чтение означает, что при записи слова иероглифами не используется *окуригана*. Сравним запись нескольких предикативных прилагательных и полупредикативных, которые вызывают сложности: *такай* 高い, *омосирой* 面白い, *атарасии* 新しい, но *кирэй* 綺麗, *тэйнэй* 丁寧, *ю:мэй* 有名. Отчетливо видно, что у вызывающих сложность

прилагательных отсутствует *окуригана* и ключевой элемент – ん в конце слова.

Таким образом, желание упростить материал, представив эти прилагательные как исключения, наоборот, может привести к неправильному пониманию системы прилагательных у студентов.

Для предотвращения этой ошибки можно предложить студентам рассмотреть особенности иероглифической записи предикативных и полупредикативных прилагательных, предупредив, что мора - ん в конце действительно может запутать.

Для отработки прилагательных хорошо помогает метод дриллинга (повторения), когда учащиеся раз за разом повторяют похожие конструкции или слова, доводя их до автоматизма. Таким образом, происходит запоминание слов в контексте предложений, и при живой коммуникации уже не нужно будет задумываться о типе используемого прилагательного.

Умение четко отличить предикативное прилагательное от полупредикативного помогает снизить количество таких ошибок, как, например, ошибки при перечислении прилагательных, при использовании отрицательной формы или прошедшего времени прилагательных и т. д.

Еще одной частой ошибкой является согласование прилагательных с существительными через показатель родительного падежа *-но の*. Например, словосочетание «недорогой ресторан» может быть переведено как *安いのレストラン* *ясуи-но рэсуторан* [Liu, 2020, p. 91]. Что характерно, чаще так ошибаются при использовании предикативных прилагательных. Вероятно, такая ошибка связана с попыткой провести параллель между согласованием полупредикативных прилагательных с существительным через *-на たら*, а также с

устоявшейся привычкой использовать показатель родительного падежа - *но* の для обозначения принадлежности, что часто переводится на русский язык в форме прилагательного, как, например, в сочетании 町の騒ぎ *мати-но саваги* – «городская суета».

Несмотря на кажущуюся легкость для понимания (и как следствие для исправления) того, как должно быть правильно, эта ошибка довольно навязчивая. Возможно, свою роль играет феномен накопленной ошибки [Румак, 2023, с.182], когда незначительная череда погрешностей накапливается и в итоге начинает оказывать влияние на результат. В данном случае такими погрешностями могли быть произвольное использование согласования с предикативного прилагательного с существительным через *な* или наоборот – полупредикативного через *の*, что могло быть случайно пропущено и сразу не исправлено преподавателем.

Для исправления ошибки можно попросить студентов самих объяснить принцип согласования прилагательных с существительными, а также попросить на короткое время задуматься прежде, чем делать соответствующее упражнение. Игрет роль и темп речи: если студент спешит, вероятность ошибки резко возрастает, поэтому можно заранее попросить отвечающего говорить медленно, прислушиваясь к самому себе.

Нельзя не сказать и о влиянии родного языка на изучение иностранного. Так называемая «калька», когда ученик буквально копирует лексику и грамматику родного языка, говоря на иностранном, является источником многих досадных ошибок.

Примерами кальки являются:

- неестественные сочетания слов;
- дословный перевод идиом и фраз;

- нестандартный порядок слов в предложениях.

Например, предложение «В комнате холодно» может быть ошибочно переведено на японский язык как 部屋で寒いです *хэя-дэ самуй дэсу*, а «Ничего интересного не делаю» как 何も面白いをしていない *нани мо омосирой о ситэинай*. Стоит отметить, что часто сами студенты даже начального уровня обучения понимают, что их перевод некорректен, но, не владея достаточным запасом грамматических форм и конструкций, пытаются применить привычные языковые формулы к малознакомой языковой среде.

При этом приведенные примеры являются достаточно простыми, и студенты вполне могут справиться с правильным переводом подобных предложений. Думается, что корень проблемы кроется в непонимании студентами особенностей согласования прилагательных с другими частями речи.

В случае с приведенными примерами необходимо тщательно проанализировать ошибочное употребление прилагательного. В первом случае нужно акцентировать внимание на использовании частицы *で* -дэ, указывающей на место действия («в комнате»). Однако так как фактически никакого действия не происходит, использование данной частицы ошибочно. Студентов также может ввести в заблуждение наречие «холодно» в русском переводе. Как отмечает Н. С. Ильин, прилагательные, обозначающие чувства или ощущения часто переводятся на русский язык с помощью наречий [Ильин, 1995, с. 148]. Предложение «В комнате холодно» описывает не действие, которое происходит в комнате, а ее состояние.

Важной особенностью японских прилагательных является и их семантическая близость к глаголам. Такие выдающиеся лингвисты как В. М. Алпатов подчеркивают схожесть этих частей речи, указывая на аналогии в образовании различных

форм, а также в их функционале – способности выполнять роль сказуемого и т. д. [Алпатов, 2023]. Возможно, акцентирование внимания на этой специфической черте прилагательных также поможет студентам, особенно филологических направлений, избежать ошибок.

Таким образом, прилагательное 寒い *самуй* в приведенном примере выступает в роли сказуемого, а подлежащим (субъектом состояния) является существительное 部屋 *хэя*. Корректным вариантом перевода является 部屋は寒い *дэсу хэя ва самуй дэсу*.

Ошибку, допущенную во втором приведенном примере, тоже можно исправить, обратив внимание на неверное согласование: показатель винительного падежа を *-о* (как и любого другого падежа) может относиться только к существительному. Таким образом, необходимо превратить прилагательное в существительное с помощью субстантиватора, в данном случае こと *кото*. Субстантиваторы присоединяются к глаголам и предикативным прилагательным, преобразуя их в подлежащее и давая способность принимать после себя падежные показатели [Алпатов, 2015, с. 13].

Корректным вариантом перевода будет 何も面白いことをしていない *нани мо омосирой кото о ситэинай*.

Такой детальный разбор грамматики может занять довольно много времени, однако позволяет наглядно продемонстрировать особенности согласования частей речи в предложении, что позволит избежать подобных ошибок в дальнейшем.

Эффективное обучение требует не механического запоминания, а понимания системных закономерностей японского языка и осознанного преодоления интерференции с родным языком. Таким образом, можно вывести общие рекомендации для предотвращения ошибок в использовании прилагательных:

- Избегать упрощений (например, представления な – прилагательных как «исключений»), так как это искажает системность языка.

- Уделять внимание не только грамматике, но и историческим аспектам развития языка для объяснения особенностей словообразования.

- Контролировать темп речи учащихся, чтобы предотвратить «накопленные ошибки».

Важно помнить, что даже «простые» ошибки часто являются симптомами системных пробелов, а потому требуют не разового исправления, но целенаправленной проработки через многомерную подачу материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алпатов, В. М.** Типология частей речи и материал японского языка / Алпатов В. М. // Типология морфосинтаксических параметров: Материалы международной конференции, Москва, 14–16 октября 2015 года / Под редакцией Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. Выпуск 2. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2015. – С. 7–14. – EDN VNCZWL.
2. **Алпатов, В. М.** Что такое прилагательное в японском языке? / В. М. Алпатов. – Москва : Языкознание, 2023. – 459 с. // Избранные труды XX века. – Москва : Языкознание, 2023. – С. 31-39. – EDN KZUDGO.
3. **Ильин, С. Н.** О некоторых особенностях выражения предикативных значений в современном японском языке // Известия Восточного института. – 1995. – № 2. – С. 146–159.
4. **Румак, Н. Г.** Феномен накопленной ошибки в иероглифических прописях / Н. Г. Румак // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания : Материалы 5-й международной научно-практической конференции, Москва, 16–18 марта 2023 года. – Москва : Ключ-С, 2023. – С. 177–186. – EDN HDGWTX.
5. **Рыбин, В. В.** Соотношение «слог-мора» и проблема слогаделения в современном японском языке / В. В. Рыбин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 87. – С. 99–107. – EDN JJNWOE.

6. **Liu, Xuexin.** Japanese Adjective Conjugation Patterns and Sources of Difficulty in Foreign Language Learning / Xuexin Liu // *Studies in Linguistics and Literature*, 4. – 2020. – P. 83–99. – DOI: DOI:10.22158/sll.v4n3p83

А. С. Борисова

ОБНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕЗОННОЙ ЛЕКСИКИ В ХАЙКУ И ТАНКА ЭПОХИ МЭЙДЗИ

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В.Ломоносова «Литературы стран Азии и Африки: история и современность», номер ЦИТИС 122041300078-8

Аннотация: Данная статья посвящена развитию и обновлению сезонной лексики киго в японской поэзии традиционных форм (танка и хайку) в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Авторы стремились привести старинные жанры в соответствие с современными реалиями, при этом заимствуя элементы западной поэтики. Модернизация литературы привела к масштабному пополнению поэтического словаря, и в число новых сезонных слов попали привозные садовые цветы, предметы нового быта, новые государственные и религиозные праздники.

Ключевые слова: киго, эпоха Мэйдзи, японская литература, танка, хайку.

A. S. Borisova

Renewal and evolution of seasonal vocabulary in tanka and haiku poetry of the Meiji period

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University “Literatures of Asian and African countries: history and modernity”, No. 122041300078-8

Abstract: This article is dedicated to the development and renewal of seasonal vocabulary (*kigo*) in Japanese poetry of traditional forms (*tanka* and *haiku*) during the Meiji era (1868–1912). Poets aimed to align ancient genres with contemporary realities while incorporating elements of Western poetics. The modernization of literature led to a significant expansion of the poetic lexicon, and among the new seasonal words were imported garden flowers, items of modern daily life as well as new state and religious holidays.

Key words: *kigo*, Meiji era, Japanese literature, *tanka*, *haiku*.

СЕЗОННАЯ ЛЕКСИКА КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ

Описания времён года и связанных с ними устойчивых символов появились в японской поэтике с самого начала литературной традиции и присутствовали ещё в самых архаичных стихах первой поэтической антологии «Манъёсю» (VIII в.). В следующую эпоху Хэйан вторая крупная антология «Кокинвакасю» (начало X в.) уже имела отдельные части, посвященные каждому из сезонов, и закрепились ассоциации с временами года и даже месяцами у растений и животных, наиболее заметных в это время, у природных явлений и атрибутов сезонных обычаев, например, на осень указывало упоминание алых кленовых листьев и цветов леспедецы-*хаги*, на весну – цветов сакуры и персика, дымки *касуми*. О сезонных явлениях как о «вестниках глубокого переживания» писал средневековый поэт и историк Дзиэн [Федянина, 2023, с. 62].

Как отмечает Т. И. Бреславец, сезонные слова одновременно подчёркивают особенности смены сезонов и отражают душевное состояние человека [Бреславец, 1981, с. 93], и со временем в японской поэтике сформировалась сложная система образности, преимущественно ассоциативно-метонимической, где упоминание одного *киго* из сезонной группы вызывало в памяти читателя объёмную, эмоционально окрашенную картину. Система сезонных слов продолжала развиваться в течение Средневековья, и в начале Нового времени с распространением жанра трехстиший *хайкай* появились *киёсэ*, они же *сайдзики* – тезаурусы *киго*, такие как «Яма-но и», который составил поэт и критик Китамура Кигин в 1647–48 гг. и в который вошло 1300 сезонных слов с описанием и примерами стихотворений.

В *хайкай* сезонные слова стали обязательным элементом, и начиная с Мацуо Басё выдающиеся поэты хайку добавляли

новые *киго* и создавали новые цепочки ассоциаций. В той же работе, посвященной как раз поэзии Басё, Т. И. Бреславец указывает на различие между употреблением *киго* в хайку и танка: в танка они в первую очередь выражают эмоции поэта, а в хайку помогают передать развернутый образ в краткой форме [Там же, с. 94].

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ В ЭПОХУ МЭЙДЗИ

В начале эпохи Мэйдзи в фокусе внимания литераторов оказалась западная поэзия, и, хотя старые школы традиционного стихосложения продолжали свою деятельность, на тот момент творчество поэтов хайку и танка состояло из подражания классикам жанров прошлых столетий и стремительно теряло актуальность. Возрождение традиционной японской поэзии началось уже в конце XIX в., когда Масаока Сики (1867–1902) создал новую поэтику *сясэй* (отражения природы) для современных реалистических хайку, одновременно критикуя эпигонское стихосложение и некритическое почитание фигуры Басё [Долин, URL: http://ru-jp.org/dolin_15.htm]. Влияние Сики и его школы на обновление сезонной лексики и распространение хайку за пределами Японии уже становилось предметом исследований, как в монографии Сакура Карэн [Сакура, 2023].

Вслед за реформами жанра хайку началось обновление жанра танка, которое пошло двумя путями: более классическая по характеру школа «Арагаги», тоже основанная Сики, следовала принципу *сясэй*, а поэты-романтики школы «Мёдзё», у истоков которой стояли поэты-супруги Ёсано Акико и Ёсано Тэкан, стремились привнести в поэзию вака реалии современной жизни. Именно в романтических танка, как пишет Н. И. Конрад, появились упоминания стекла, жести, виски, новых городских достопримечательностей, таких как

православный Воскресенский собор (Никорай-до) в Токио, античных богов [Конрад, URL: http://ru-jp.org/konrad_meiji_bungaku_16.htm].

Новые праздники как **сезонные слова**. В эпоху Мэйдзи в праздничном календаре японцев появились как государственные праздники, введённые правительством (День основания империи), так и западные христианские (Рождество, Пасха). В целом наибольшее распространение празднично-обрядовой лексики в стихах было в предыдущую эпоху Эдо, когда каждая поэтическая школа пополняла словари *сайдзюки*, и все значимые календарные даты можно было встретить уже у Басё и его учеников, а к концу эпохи Кобаяси Исса писал хайку и о местных сельских обрядах, и о памятных датах (например, дне памяти Мацуо Басё).

При этом основная масса упоминаний в стихах эпохи Мэйдзи – все ещё традиционные праздники, причем именно наиболее распространенные (Новый год, Хинамацури и т. п.). Даже поэты, интересовавшиеся христианством, стали упоминать христианские праздники уже в последующие эпохи Тайсё и Сёва. В хайку упоминания почти всех как традиционных, так и новых праздничных дат и обычаев можно найти у Масаока Сики, который при всем стремлении к реформам поэтики сохранял и поддерживал сезонность как важную художественную составляющую танка. Именно он в 1892 году написал первое рождественское хайку, в котором появилось новое *киго* *Курисумасу* «Рождество», пока ещё написанное хираганой, а не катаканой, как другие заимствования.

Ро:хати-но

Ато-ни касимаси

Курисумасу [Амеба : сайт. URL: <https://ameblo.jp/sj-seico/entry-12780691308.html>]

Веселье и шум –
Вслед за Праздником Бодхи
Пришло Рождество (Здесь и далее перевод автора).

Сики описывает сочетание старинных и новых обычаев в мэйдзийской Японии – в одном и том же месяце отмечали Рохати (День просветления Будды Шакьямуни, 8 декабря) и Рождество по григорианскому календарю 25 декабря. В следующие годы Сики напишет ещё ряд рождественских хайку, в которых упоминаются и детские праздники с подарками, и вывешивание национального флага у церкви.

Ещё одно рождественское хайку, в котором сам праздник не упоминается прямо, но фигурируют его атрибуты, сочинил в 1900 году Нацумэ Сосэки, больше известный как прозаик, но начавший литературный путь как ученик Сики.

Хиураги-о
Сати оокарэ то
Кадзарикэри [Сосэки хайкусю: : сайт. URL:
https://sosekihaikushu.seesaa.net/article/201005article_466.html]

Счастья побольше!
Остролиста ветвями
Дом украшаю.

Хайку было написано Сосэки на открытке для учителя во время поездки в Лондон, и в нем упоминаются ветви падуба - остролиста, европейский символ Рождества. Слово *хиураги* означает османтус, или ложный падуб, чьи листья похожи на остролист, причем ещё и его иероглиф 柊 состоит из элементов «дерево» и «зима».

Стихи про День основания империи также можно встретить у Масаока Сики:

Хито-но ё-ни

Наритэ мо хисаси

Кигэнсэцу [Сики, URL: <https://haiku.octaviadata.com/content/%E4%BA%BA%E3%81%AE%E4%B8%96%E3%81%AB%E3%81%AA%E3%82%8A%E3%81%A6%E3%82%82%E4%B9%85%E3%81%97%E7%B4%80%E5%85%83%E7%AF%80>]

И в Век Людей

В нашем мире навечно

День основания.

Воцарение легендарного первого императора Японии Дзимму, в честь которого и был учрежден праздник, в японской мифологии разграничивает сакральное время Века Богов и нынешний Век Людей [Такэда, 2023], и стих Сики – ещё и пожелание процветания императорскому дому.

ОКРУЖЕНИЕ: БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ,
САДОВЫЕ ЦВЕТЫ

Сезонные ассоциации получили и новые детали повседневной жизни, пришедшие в Японию с Запада, и упоминания новых предметов быта, блюд и напитков, овощей и фруктов есть и в хайку, и в танка эпохи Мэйдзи. Среди хайку Сики есть посвященные пиву и вину:

Би:ру нигаку

Будо:сю сибаси

Бара-но хана [Kirin : сайт, URL: <https://wb.kirinholdings.com/about/activity/foodculture/15.html#:~:text=%E5%AD%90%E8%A6%8F%E3%81%AE%E4%BD%9C%E5%93%81%E3%82%84%E6%97%A5%E8%A8%98,%E3%81%AE%E3%81%A7%E3%81%AF%E3%81%AA%E3%81%84%E3%81%A0%E3%82%8D%E3%81%86%E3%81%8B%E3%80%82>]

Пиво горчит,
Терпкий вкус у вина.
Розы в цвету.

Наряду с розами, новыми садовыми цветами, которые здесь являются летним *киго*, как и до того шиповник *ибара* [Кигосай: сайт. URL:

<https://kigosai.sub.jp/001/archives/2121#:~:text=%E8%96%94%E8%96%87%EF%BC%88%E3%81%B0%E3%82%89%EF%BC%89%20%E5%88%9D%E5%A4%8F%20%E2%80%93%20%E5%AD%A3%E8%AA%9E%E3%81%A8%E6%AD%B3%E6%99%82%E8%A8%98>], появляются названия западных напитков, которые стали ассоциироваться с теплым сезоном. Слова *нигай* «горький» и особенно *сибуй* «терпкий; хмурый» (*сибуми* – «изысканность», традиционная эстетическая категория [Сибата, URL:

<https://www.kogeistandard.com/jp/insight/serial/editor-in-chief-column-kogei/shibui/>) имеют в японском языке и эмоциональные коннотации, что усиливает художественную выразительность новых *киго*. При этом не все упоминания блюд и напитков приобрели сезонный характер: важной частью кухни эпохи Мэйдзи были новые виды сладостей [Никитина, 2024, с. 67–68], но в хайку и танка найденные упоминания сладостей не привязаны к сезону.

В поэзии танка авторов-романтиков часто упоминались западные садовые цветы, которые воспринимались как яркий экзотический образ. У Китахара Хакусю в дебютном сборнике танка «Цветы павлонии» георгин тоже становится летним *киго*:

Кими то митэ
Икки-но вакарэ
Суру токи мо

Дариа ва акаси
Дариа ва акаси [Китахара, URL:
<https://tankanokoto.com/2022/08/kimitomite.html>]

Как встретились мы,
И как разлучились,
Все так же
Георгины алеют,
Георгины алеют.

Стихотворение входит в цикл из шести танка в рамках сборника, и георгин упоминается и в других произведениях цикла. Образ яркого цветка в цикле становится символом запретной, почти трагической любви Хакусю к замужней соседке Тосико, муж которой подал в суд на поэта, и Хакусю оказался под арестом за оскорбление нравственности в 1912 году. Тосико получила развод и впоследствии стала женой поэта, но опыт пребывания в тюрьме был для Хакусю очень травматичным, что нашло отражение и в его стихах [Там же]. Часто упоминаемый в европейской романтической поэзии гиацинт в поэзии Хакусю пополняет словарь весенних киго:

Хиясинсу
Усумурасаки-ни
Сакиникэри
Хадзимэтэ кокоро
Фуруи сомэси хи [Цит. по: Нанаки, URL:
<https://sunagoya.com/tanka/?p=7463>]

Когда распустились
Бледно-лиловые
Цветки гиацинта,
В тот день утаил я впервые
Волнение сердца.

Тема весны и пробуждения чувств, первой любви получает ассоциацию уже с западным весенним символом.

ВЫВОДЫ

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что в первую очередь новые сезонные слова отражали изменения жизни и были естественным выражением модернизации традиционной поэзии в эпоху Мэйдзи. При этом далеко не все поэты их сразу принимали, например, тема новых праздников в полной мере встречается в эпоху Мэйдзи только у Масаока Сики. Новые *киго* связаны преимущественно с живой природой и материальной сферой (от садовых растений до предметов быта), тогда как названия осадков, типов погоды и т. п. пока остаются прежними. Также слова, пополнившие сезонный вокабуляр, воспринимаются одновременно как бытописательные детали и как романтические и эстетические символы. В хайку при этом новые *киго* представлены разнообразнее, чем в танка.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бара: сёка (Роза: начало лета)** // Кигосай : сайт. – URL: <https://kigosai.sub.jp/001/archives/2121#:~:text=%E8%96%94%E8%96%87%EF%BC%88%E3%81%B0%E3%82%89%EF%BC%89%20%E5%88%9D%E5%A4%8F%20%E2%80%93%20%E5%AD%A3%E8%AA%9E%E3%81%A8%E6%AD%B3%E6%99%82%E8%A8%98> (дата обращения 04.04.2025)
2. **Бреславец, Т. И.** Поэзия Мацуо Басё / Т. И. Бреславец. – Москва : Наука, главная редакция восточной литературы, 1981. – 152 с.
3. **Дайдзю:гокай. Масаока Сики то би:ру. Китай-но бундзин-га акогоарэга биахо:ру (Выпуск 15. Масаока Сики и пиво. Пивная, куда стремился выдающийся мастер словесности)** // Kirin : сайт. – URL: <https://wb.kirinholdings.com/about/activity/foodculture/15.html#:~:text=%E5%AD%90%E8%A6%8F%E3%81%AE%E4%BD%9C%E5%93%81%E3%82%84%E6%97%A5%E8%A8%98,%E3%81%AE%E3%81%A7%E3%81%AF%E3%81%AA%E3%81%84%E3%81%A0%E3%82%8D%E3%81%86%E3%81%8B%E3%80%82> (дата обращения 05.04.2025)

4. **Долин, А. А.** Поэтика «отражения природы» // История новой японской поэзии в очерках и литературных портретах / А. А. Долин // Окно в Японию : сайт. – URL: http://ru-jp.org/konrad_meiji_bungaku_16.htm (дата обращения 30.03.2025)
5. **Китахара, Х.** Кими то митэ икки-но вакарэ сурү токи мо дариа ва акаси дариа ва акаси (Как встретились мы / и как разлучились, / все так же / георгины алеют, / георгины алеют) / Х. Китахара // Танка-но кото : сайт. – URL: <https://tankanokoto.com/2022/08/kimitomite.html> (дата обращения 08.04.2025)
6. **Конрад, Н. И.** Конрад Н. И. Курс лекций по истории японской литературы эпохи Мэйдзи (1868–1912) (16) / Н. И. Конрад // Окно в Японию : сайт. – URL: http://ru-jp.org/dolin_15.htm (дата обращения 30.03.2025)
7. **Нанаки, К.** Хиясинсу усумурасаки-ни сакиникэри хадзимэтэ кокуро фуруи сомэси хи (Когда распустились / бледно-лиловые / цветки гиацинта, / в тот день угаил я впервые / волнение сердца) // Хиби-но куориа : сайт. – URL: <https://sunagoya.com/tanka/?p=7463> (дата обращения 08.04.2025)
8. **Никитина, Л. В.** Культура современного японского питания. Традиции и новации / Л. В. Никитина. – Москва : Ключ-С, 2024. – 160 с. – ISBN 978-5-6052249-0-7.
9. **Сакура, К.** Хайку-но кокусайка то киго. Масаока Сики-но хайкукан-о китэн-ни (Интернационализация хайку и сезонные слова. С точки зрения Масаока Сики на хайку) / К. Сакура. – Токио : Кадокава Сэтэн, 2023. – 364 с. – ISBN 9784-048845144.
10. **Сибата, Ю.** Нихон-но биисики «сибуй» (Японская эстетическая концепция «сибуй») / Ю. Сибата // Kogei Standard : сайт. – URL: <https://www.kogeistandard.com/jp/insight/serial/editor-in-chief-column-kogei/shibui/> (дата обращения 06.04.2025)
11. **Сики, М.** Хито-но ё-ни наритэ мо хисаси Кигэнсэцу (И в Век Людей / в мире навечно / День основания) // Хайку дэ:табэ:су : сайт. – URL: <https://haiku.octaviadata.com/content/%E4%BA%BA%E3%81%AE%E4%B8%96%E3%81%AB%E3%81%AA%E3%82%8A%E3%81%A6%E3%82%82%E4%B9%85%E3%81%97%E7%B4%80%E5%85%83%E7%AF%80> (дата обращения: 03.04.2025)
12. **Сосэки хайку db 1796 Хиираги-о сати оокарэ то кадзарикиэри** (База данных хайку Сосэки, 1796. Счастья побольше! / Остролиста ветвями / Дом украшаю) // Сосэки хайкусю: : сайт. – URL: https://sosekihaikushu.seesaa.net/article/201005article_466.html (дата обращения 03.04.2025)
13. **Сэйко: гакуин. Кё: ва нан-но хи ? Масаока Сики то Курисумасу** (Сэйко гакуин. Какой сегодня день? Масаока Сики и Рождество) // Ameba : сайт. – URL: <https://ameblo.jp/sj-seico/entry-12780691308.html> (дата обращения 02.04.2025)

14. **Такэда, Х.** Дзимму Тэнно:-но тярэндзи сэйсин, «Хито-но Ё»-о торихираку (Пытливый дух императора Дзимму: начало Века Людей) / Х. Такэда // Кокугакуин дайгаку мэдиа : сайт. – URL: <https://www.kokugakuin.ac.jp/article/340161> (дата обращения 05.04.2025)
15. **Федянина, В. А.** Буддийская традиция и японская поэзия сквозь призму «песен радости» (на материале цикла «Сто строф о временах года» Дзиэна) / В. А. Федянина, К. В. Болотская // Философский журнал. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 55–69. – DOI 10.21146/2072-0726-2023-16-4-55-69. – EDN MDFEXG.

Р. И. Буландо

**«СОЛО-ЛЕВЕЛИНГ» ПРЕПОДАВАТЕЛЯ: КАК ИИ
ПОМОГАЕТ НЕ ОБЛЕГЧАТЬ, А УСЛОЖНЯТЬ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ**

Аннотация: *Статья рассматривает трансформацию роли преподавателя в эпоху генеративного искусственного интеллекта. Через метафору solo-leveling анализируются два направления профессионального роста: углубление предметных навыков и расширение междисциплинарной компетентности. Показано, что ИИ, автоматизируя рутинные задачи, способствует развитию исследовательских практик студентов и усложнению образовательных заданий. Обсуждаются риски гиперреальности и значение критической рефлексии в цифровой образовательной среде. Делается вывод о важности активной педагогической модерации технологий для повышения качества обучения.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект в образовании, цифровая педагогика, профессиональное развитие преподавателя, глубокое обучение, междисциплинарные компетенции, кооперация человек–машина, педагогические стратегии.*

R. I. Bulando

**Enhancing Cognitive Complexity in Education: The Educator's
Solo-Leveling in the Age of AI**

Abstract: *This paper explores the transformation of the educator's role in the era of generative artificial intelligence (AI). Using the concept of solo-leveling, it outlines two trajectories of professional growth: deepening subject expertise*

and expanding interdisciplinary skills. It argues that AI, by automating routine tasks, enables educators to focus on higher-order thinking and research practices. The risks of hyperreality and the need for critical reflection in AI-assisted education are also addressed. The study highlights the importance of active pedagogical guidance to ensure meaningful student engagement.

Keywords: *artificial intelligence in education, digital pedagogy, educator professional development, deep work, interdisciplinary competencies, human-machine collaboration, cognitive complexity.*

В последние годы темпы развития систем генеративного искусственного интеллекта демонстрируют экспоненциальный рост, а ряд прогнозов указывает на потенциальное воздействие, сопоставимое, а в отдельных аспектах и превосходящее последствия промышленной революции [AI-2027 Scenarios: Education Outlook, 2025]. Данный феномен ярко наблюдается в учебной литературе, например, в пособии И. М. Петровой, посвященном современным цифровым технологиям, отсутствует подробное описание использования технологий генеративного ИИ, поскольку технология развилась так сильно лишь за последние 2–3 года [Петрова, 2022]. Однако в целом данная технология попадает под категорию цифровых инструментов, которые рекомендуется использовать в обучении [Сулейманова, 2020].

В новых условиях педагогическая деятельность не исчезает, а эволюционирует: преподаватель становится архитектором когнитивной среды, направляющей индивидуальное развитие учащихся. Для описания этой трансформации мы используем метафору из мира компьютерных игр – «соло-левелинг» (solo-leveling), подразумевающую индивидуальную траекторию постоянного повышения мастерства через преодоление всё более сложных задач. Несмотря на то, что термин может быть незнаком отдельным читателям, он точно передаёт суть нового образовательного процесса. Последнее время часто можно встретить применение игровой терминологии в описании

образовательного процесса, например, А. С. Коваленко писала о применении технологии «боевого пропуска», характерного для современных игр [Коваленко, 2023]. Стремление не упрощать, а усложнять когнитивные задачи обусловлено стремлением к развитию критического мышления, способности к самостоятельному решению проблем и более глубокому усвоению материала. Целью настоящей статьи является анализ того, каким образом ИИ может способствовать не упрощению, а усложнению когнитивных задач в образовательной практике, а также какие новые требования это предъявляет к работе преподавателя в условиях усиливающейся автономии обучающихся.

В классической парадигме технология рассматривалась как нейтральный инструмент, оптимизирующий трудовые издержки. Однако медиатеоретическая перспектива М. Маклюэна показывает, что каждая новая технология формирует собственную среду обитания человека, неизбежно трансформируя субъект [Маклюэн, 2003]. Генеративный ИИ отличается от предыдущих технологий тем, что способен создавать оригинальные продукты – тексты, изображения, код – на основе анализа и обучения, а не просто выполнять заданные инструкции. Он формирует активную когнитивную среду, изменяя практики мышления и поведения обучающихся. Следовательно, задача преподавателя – конструировать образовательную архитектуру, определяя зоны, где ИИ целесообразно усиливает деятельность учащихся (например, при автоматизации рутинных операций или расширении доступа к ресурсам), и участки, где необходимы ограничения для сохранения пространства творчества, критического анализа и самостоятельного мышления. Неправильное распределение этих зон может привести к утрате самостоятельности, развитию шаблонного мышления и некритическому

восприятию информации, что снижает образовательную ценность взаимодействия с ИИ.

В подобной конфигурации преподаватель выполняет функции режиссёра учебного опыта, проектируя сценарии образовательной деятельности, в то время как искусственный интеллект исполняет роль высококвалифицированного ассистента. На ИИ возлагаются рутинные задачи, такие как формативное оценивание студентов (текущая оценка успеваемости учащихся с целью корректировки учебного процесса), автоматизация составления расписаний и подбор типовых примеров для самостоятельной работы – именно те виды деятельности, которые занимают значительную долю организационной нагрузки преподавателя и поддаются стандартизации. Освободившийся ресурс преподавателя может быть перенаправлен на выполнение незаменимых функций: мотивацию обучающихся, наставничество, развитие критического мышления и формирование рефлексивной среды – задач, требующих эмпатии, личного взаимодействия и адаптивности, которые в настоящее время недоступны искусственному интеллекту. Таким образом, ИИ функционирует как инструмент усиления педагогической деятельности, а не как её замена.

Стратегическая позиция преподавателя предполагает управление рисками автоматизации, в частности рисками утраты контроля над содержанием деятельности и ослабления познавательной активности обучающихся. Сценарные исследования AI 2027 предостерегают: полное делегирование интеллектуального труда – таких аспектов, как анализ данных, составление кратких текстов и генерация идей – приводит к эффекту «пассивного наблюдателя», при котором специалист утрачивает связь с процессом принятия решений и контроля качества [AI-2027 Scenarios: Education Outlook, 2025]. Перенесённая в образовательный контекст, такая модель чревата дегуманизацией учебного процесса и снижением мотивации к

обучению через утрату чувства компетентности, снижение ощущения значимости собственного вклада и ослабление необходимости в самостоятельных усилиях. В ответ на эти угрозы преподаватель целенаправленно повышает порог сложности учебных задач, требует установления междисциплинарных связей и осуществляет экспертную валидацию ответов, сгенерированных ИИ. Экспертная проверка стимулирует студентов к глубокому осмыслению материала, формируя более высокий стандарт качества ответов и препятствуя поверхностному использованию ИИ. Тем самым преподаватель использует алгоритмы не для упрощения процесса, а как катализатор более глубокого понимания и интеллектуального развития.

Эффективное управление когнитивной средой, усиленной ИИ, требует постоянного развития не только учащихся, но и самого преподавателя. В этом контексте особое значение приобретает концепция вертикального «левелинга», подразумевающая углубление профессиональной экспертизы. В терминологии геймификации это соответствует целенаправленному развитию одного навыка до высокого уровня мастерства. Генеративный ИИ выполняет в этом процессе освобождает преподавателя от рутинных операций и позволяет сосредоточиться на деятельности высокого когнитивного уровня – таких как методическое конструирование учебного процесса, рефлексивный анализ педагогических практик, креативное проектирование заданий и индивидуализация образовательных траекторий. Концепция «глубокой работы» Deep Work К. Ньюпорта [Newport, 2016] определяет такую деятельность как концентрированную работу на пределе индивидуальных возможностей, создающую новую ценность и способствующую усилению навыка. В противовес ей стоит «поверхностная работа» Shallow Work – задачи низкой сложности и высокой фрагментированности. Делегируя ИИ выполнение процедур

поверхностного уровня (например, составление расписаний или подбор типовых источников), преподаватель высвобождает ресурс для разработки авторских образовательных проектов и анализа сложных методических вопросов. Однако избыточное делегирование несёт риск утраты связи с базовыми операциями, необходимыми для понимания целостности образовательного процесса, поэтому распределение задач должно оставаться осмысленным и контролируемым. Тем самым преподаватель повышает интеллектуальную насыщенность собственной профессиональной деятельности.

Интеграция ИИ не снижает, а повышает порог достижимого: ограничение по времени перестаёт быть критическим фактором благодаря автоматизации рутинных операций – таких как проверка тестов, формирование баз данных и подбор учебных материалов. Это позволяет преподавателю углубляться в нюансный анализ материала, требующий более высокой квалификации, методологической рефлексии и творческого подхода, что соответствует концепции вертикального профессионального роста. При этом важно учитывать возможные риски: чрезмерная когнитивная нагрузка и снижение мотивации при недостаточной подготовке студентов могут привести к фрустрации и затруднениям в обучении. Вертикальный рост, следовательно, проявляется в обращении к наиболее сложным аспектам дисциплины при поддержке алгоритмических инструментов.

Таким образом, эффективная работа преподавателя в когнитивной среде, усиленной ИИ, предполагает не только вертикальное углубление в сложные аспекты собственной дисциплины, но и горизонтальное расширение компетенций. Наряду с глубиной профессиональных знаний педагогу XXI века необходима широта междисциплинарных умений, что описывается метафорой T-shaped специалиста: вертикальная линия

символизирует глубокую доменную экспертизу, горизонтальная – способность взаимодействовать с сопряжёнными областями [Brown, Katz, 2019]. Генеративный ИИ облегчает освоение новых навыков, предлагая не только доступ к глобальным ресурсам, но и адаптивные рекомендации, персонализированные треки развития и ускоренное обучение базовым концепциям. Однако при расширении компетенций существует риск ослабления глубины основной дисциплинарной подготовки; его минимизация требует сохранения приоритета углублённой экспертизы и осознания вспомогательной роли новых умений.

Горизонтальное расширение компетенций преподавателя предполагает не только освоение отдельных навыков, но и формирование сложной структуры профессионального роста, которую можно описать метафорой «дерева навыков». Центральный ствол этого дерева формируют фундаментальные дисциплины, тогда как боковые ветви представляют собой междисциплинарные навыки, расширяющие возможности для усложнения и исследовательского углубления учебных заданий. В отличие от модели T-shaped специалиста, образ дерева позволяет наглядно представить многоуровневое и поступательное наращивание профессионального инструментария. К числу таких навыков относятся, например:

- цифровые гуманитарные практики (Digital Humanities);
- медиапроизводство и контент-креаторство;
- основы автоматизации и программирования;
- элементы геймификации учебного процесса.

Освоение этих направлений позволяет создавать комплексные учебные задания, интегрирующие анализ японских текстов с визуализацией данных, разработку мультимедийных проектов или проектирование игровых образовательных сценариев. Таким образом, цифровые гуманитарные практики

обеспечивают работу с большими объёмами культурной информации, навыки программирования способствуют автоматизации обработки данных и созданию интерактивных приложений, а геймификация помогает вовлекать студентов в образовательный процесс через игровые механики. Работа в тандеме с ИИ, в свою очередь, способствует постепенному расширению зоны ближайшего развития преподавателя, позволяя безопасно осваивать новые области и тем самым повышать когнитивную сложность курса без риска недостижимости учебных задач.

Переходя к рассмотрению зоны ближайшего развития обучающихся, отметим, что концепция зоны ближайшего развития, предложенная Л. С. Выготским, описывает интервал задач, которые студент способен решить при поддержке более компетентного партнёра [Mind in Society:..., 1978]. Процесс постепенного снятия внешней помощи получил название *скаффолдинга* (от англ. scaffolding – «строительные леса») – постепенного уменьшения поддержки по мере роста компетентности обучающегося. Оптимальный уровень задач удерживается чуть выше текущих возможностей, поскольку это стимулирует развитие без создания фрустрации. В цифровой образовательной среде часть функций наставника могут выполнять генеративные модели: при корректной интеграции в курс (например, через пошаговые подсказки в обучающих задачах) они выступают в роли «цифровых тьюторов», обеспечивая индивидуализированную поддержку на основе анализа поведения учащегося. Однако в отличие от традиционного живого наставничества, где помощь более гибкая и эмпатичная, цифровой скаффолдинг основан на алгоритмах и может быть менее чувствителен к нюансам. Использование ИИ в роли тьютора может быть неэффективным, если подсказки оказываются слишком шаблонными, плохо адаптируются к индивидуальным особенностям обучающегося или

формируют зависимость от внешней помощи. Поэтому важно проектировать алгоритмическую поддержку так, чтобы она оставляла пространство для самостоятельной работы и критического осмысления.

Преподаватель в роли менеджера проекта знаний планирует этапы образовательной деятельности, мониторит динамику выполнения задач и адаптирует содержание с учётом прогресса обучающихся. Для эффективного исполнения этой роли необходимы навыки стратегического планирования учебного процесса, оценки когнитивной нагрузки, гибкой адаптации заданий в зависимости от динамики группы и регулярного мониторинга индивидуального прогресса. ИИ интегрируется точно – на этапах выполнения рутинных операций, предоставления вспомогательных ресурсов или первичной проверки решений, – однако центральной опорой остаётся педагогический замысел. При отсутствии чёткого проектного сценария, некорректной настройки алгоритмической поддержки или нарушении баланса между самостоятельностью и автоматизацией попытка точечной интеграции ИИ может не привести к ожидаемому синергетическому эффекту. При грамотном сочетании человеческой и машинной работы студенты осваивают содержание на уровне аналитической глубины, оригинальности решений и способности к построению междисциплинарных связей – уровне, ранее считавшемся недостижимым в традиционных условиях. Преподаватель при этом реализует и демонстрирует модель исследовательского мышления.

Несмотря на потенциал синергии человека и ИИ в образовательной практике, возникает риск подмены реального когнитивного развития внешне успешной имитацией освоения материала. В этом контексте особую актуальность приобретает феномен симулякров, описанный Ж. Бодрийяром как «реальность, порождённая моделями без оригинала» [Бодрийяр,

2015]. Генеративный ИИ усиливает риск появления симулякров, поскольку способен быстро создавать визуально и формально убедительный контент без необходимости глубокого когнитивного участия со стороны обучающегося. Активное внедрение подобных инструментов создаёт гиперреалистичную образовательную среду, в которой учащийся предъявляет внешние индикаторы успеха, такие как автоматически проверенные тесты или формально завершённые отчёты, но не выходит за пределы собственной зоны ближайшего развития и не достигает подлинного понимания содержания. Для минимизации эффекта гиперреальности преподавателю необходимо внедрять задания, требующие рефлексивной работы, проектные задачи с открытыми условиями, нестандартные сценарии применения знаний, а также регулярно осуществлять экспертную валидацию ответов, выходящую за рамки формальной проверки.

Чтобы предотвратить превращение технологий в чисто декоративный элемент образовательной среды, преподаватель должен выполнять роль медиатора между машинной генерацией и реальными когнитивными процессами обучающихся. Практическая проверка интеграции ИИ-инструментов в учебный процесс включает три критерия, охватывающие основные аспекты эффективного обучения: соответствие использования инструмента целям курса и повышение когнитивной сложности заданий; наличие пространства для самостоятельного анализа и критического осмысления со стороны студента; прохождение информации валидации по педагогической цепочке преподаватель → ИИ → студент. Отсутствие системного контроля приводит к феномену «иллюзии роста»: учащиеся демонстрируют рост показателей (например, в быстро проходящих тестах с автопроверкой), тогда как содержательное понимание материала остаётся на прежнем уровне.

Таким образом, ответственность преподавателя в образовательной среде, усиленной ИИ, существенно расширяется: он становится гарантом информационной гигиены – контролируя достоверность источников, проверяя ИИ-генерированный контент на наличие ошибок и предвзятости, а также защищая обучающихся от манипулятивных технологий. Данная идея в целом распространяется на любые технологии в образовательном процессе, так И. Р. Нургалиев писал, что в контексте использования корпуса «преподаватель становится помощником» [Нургалиев, 2023, с. 1281] Преподаватель одновременно выступает носителем этического баланса между технологическими инновациями и гуманистическим смыслом обучения: интегрируя новые инструменты, он направляет их использование не только для повышения показателей, но прежде всего для развития критического мышления, творческих способностей и социальной ответственности студентов. Игнорирование этих обязанностей чревато дегуманизацией образовательного процесса, снижением качества усвоения знаний и ростом зависимости обучающихся от алгоритмических решений, что противоречит основным задачам образования.

При всей масштабности технологических изменений человеческое ядро образования остаётся инвариантным: эмпатия, ценностное воспитание и способность формулировать трансформирующие вопросы принадлежат исключительно преподавателю, поскольку эти качества требуют глубинного понимания уникальности обучающегося и не поддаются автоматизации. Технологические решения должны использоваться не как замена личности педагога, а как усилитель стратегического мышления – способности планировать образовательные траектории, предусматривать развитие ключевых компетенций и гибко адаптироваться к изменениям среды для

устойчивого роста обучающихся. Экспертные прогнозы расходятся относительно точной конфигурации образования через 5–10 лет, однако консенсус указывает на неотвратимое возращение человеко-машинного сотрудничества [AI-2027 Scenarios: Education Outlook, 2025], сочетающего алгоритмическую поддержку и педагогическое руководство. Например, В. А. Курдюмов отмечает, что портрет современного преподавателя включает стремление к постоянному саморазвитию и повышению квалификации [Курдюмов, 2020, с. 52]. Следовательно, дальнейший профессиональный рост преподавателя следует рассматривать как непрерывный процесс solo-leveling, проходящий под девизом: «усложнять с поддержкой» – то есть постепенно повышать когнитивную сложность учебных задач (в том числе и для себя), обеспечивая при этом сопровождение через скаффолдинг, обратную связь и адаптивные инструменты, чтобы сохранить мотивацию и эффективность обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бодрийяр, Ж.** Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. – Москва : ПОСТУМ, 2015. – 240 с. – ISBN 978-5-91478-023-1.
2. **Коваленко, А. С.** Элемент геймификации «боевой пропуск» как способ повысить мотивацию / А. С. Коваленко // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания : Материалы 5-й международной научно-практической конференции, Москва, 16–18 марта 2023 года. – Москва: Ключ-С, 2023. – С. 118–125. – DOI 10.56700/Kluch.2023.50.65.009. – EDN DVRZOM.
3. **Курдюмов, В. А.** Профессиональный портрет учителя китайского языка / В. А. Курдюмов, О. А. Малых // Иностранные языки в школе. – 2020. – № 8. – С. 49–53. – EDN LGHUAL.
4. **Маклюэн, Г. М.** Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. – Москва ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с. – ISBN 5-86090-102-X.

5. **Нургалиев, И. Р.** Психолого-педагогические основы обучения студентов японскому языку с помощью языкового корпуса на начальном этапе в языковом вузе / И. Р. Нургалиев // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 8, № 12. – С. 1275–1282. – DOI 10.30853/ped20230180. – EDN SFSLSX.
6. **Петрова, И. М.** Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях : Учебное пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика» / И. М. Петрова, А. М. Иванова, В. В. Никитина ; Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков. – Москва : Языки Народов Мира, 2022. – 259 с. – ISBN 978-5-6048046-8-1. – EDN LDOROG.
7. **Brown, T., Katz, B.** Change by Design, Revised and Updated: How Design Thinking Transforms Organizations and Inspires Innovation. – New York : HarperBusiness, an imprint of HarperCollinsPublishers, 2019.
8. **Newport, C.** Deep Work: Rules for Focused Success in a Distracted World. – New York : Grand Central Publishing, 2016. – p. 304. – ISBN-10 1455586692.
9. **AI-2027 Scenarios: Education Outlook, 2025.** – URL: <https://ai-2027.com/ai-2027.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).
10. **Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes.** Vygotsky, L. S., Cole, M., John-Steiner, V., Scribner, S., Souberman, E. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1978. – 174 p.
11. **Suleimanova, O. A.** The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science / O. A. Suleimanova, I. A. Gusei-nova, A. A. Vodyanit-skaya // Society. In-tegration. Education : Proceedings of the International Scientific Conference, Rēzekne, 22–23 мая 20–20 года. Vol. 4. – Rēzekne: Rēzeknes Teh-noloģiju akadēmija, 2020. – P. 657-669. – DOI 10.17770/sie20-20vol4.4851. – EDN WASBXL.

С. А. Быкова

СТИЛЬ ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ: МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ

Аннотация: В данной статье анализируются особенности стиля деловой документации в японском языке и обосновывается необходимость его изучения. Стиль деловой документации, или официально-деловой стиль, японского языка является одним из функциональных стилей и характеризуется рядом особенностей, в том числе строгой регламентацией форм различных документов и соблюдением правил делового этикета. Освоение этого стиля возможно путём выполнения студентами заданий по составлению различных документов на японском языке.

Ключевые слова: функциональный стиль, деловая документация, стиль деловой документации, формы документов, спецсеминар, методика обучения.

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова

S. A. Bykova

The style of business documentation in the Japanese language: teaching methods

Abstract: This paper analyzes the features of the business documentation style in Japanese and substantiates the need of studying it. The style of business documentation, or the official business style of the Japanese language, is one of the functional styles and is characterized by a number of features, including strict regulation of the forms of various documents and compliance with the rules of business etiquette. Mastering this style is based on completing assignments on drafting various documents in Japanese by students.

Key words: the functional style, business documentation, the business style, forms of documents, special seminar, teaching methods.

*The study was conducted under the state assignment
of Lomonosov Moscow State University*

Овладение основами стиля деловой документации при изучении японского языка является если не обязательным, то по крайней мере полезным и востребованным аспектом обучения на продвинутом этапе изучения японского языка [Быкова,

2019]. Несмотря на изменения в международной обстановке и отмечаемые в связи с этим негативные перемены в деловых и внешнеторговых и пр. отношениях, знание форм делового общения в письменной форме на японском языке необходимо и актуально. Это обусловлено необходимостью письменных переводов с русского языка на японский и с японского языка на русский, а также составления тех или иных документов на японском языке будущими специалистами-японоведами. Выпускник востоковедческого вуза независимо от того, какой язык он изучает, должен знать основы делового этикета страны изучаемого языка, что подразумевает овладение основными правилами деловой переписки и составления основных документов на соответствующем языке. При этом следует учитывать, что деловая переписка представляет собой набор многих форм и не ограничивается лишь составлением деловых писем.

Прежде всего следует определить, что именно подразумевается под понятием стиля деловой документации. В отечественном языкознании принято рассматривать этот стиль, именуемый официально-деловым, как один из функциональных стилей, т. е. «как разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере» [Большой энциклопедический словарь Языкознание, с. 567]. В соответствии с этим определением во всех языках выделяются обиходно-литературный стиль, газетно-политический, производственно-технический, официально-деловой и научный стили. Официально-деловой стиль – стиль деловых бумаг и специального общения в экономической, юридической, дипломатической сферах и государственных учреждениях.

При этом функциональный стиль является категорией социальной и исторической, зависящей от исторических условий использования языка и многообразия общественно-речевой практики различных народов. Поскольку эти условия различны в различных социумах, тексты, написанные или сказанные на различных языках, также различаются с содержательной стороны в соответствии с особенностями исторического процесса развития конкретной нации и её делового этикета.

Для японского языка с выделением в нём *ханасикотоба* «разговорные слова» и *какикотоба* «книжные слова», существованием эпистолярного стиля с его строгой регламентацией употребления тех или иных вводных фраз и концовок, формул приветствий и вежливых форм, употребляемых на письме, правил письменного этикета и многих других факторов представляется более уместным говорить о стиле деловой документации. Иными словами, имеется в виду стиль написания или составления 公文書 *ко:бунсё* «официальный документ». Этот стиль подразумевает использование специальных форм составления документов, предназначенных для использования в соответствующей области. Формы *ко:бунсё* в современном японском языке строго регламентированы, составитель того или иного документа должен соблюдать правила, предписанные деловым этикетом. Сравнивая стиль деловой документации в японском языке с официально-деловым стилем в русском и ряде европейских языков, можно констатировать, что ряд характеристик в этих двух стилях совпадают. Так, для официально-бытового стиля в русском языке характерны точность и однозначность, так как текст должен быть истолкован однозначно; логичность и последовательность изложения; стандартизация формулировок, т. е. использование клише и стандартных формулировок;

объективность и беспристрастность, т. е. отсутствие субъективных оценок и эмоций, представление информации строго на основе конкретных фактов; употребление специальных терминов, используемых в административной, экономической и других сферах; использование сложных синтаксических конструкций, в т. ч. сложных предложений .

К жанрам официально-делового стиля относят заявления, справки, резюме, анкеты, доверенности, рекомендации, законы, тексты конституций и др. Аналогичные характеристики и жанры фиксируются и на материале японской документации, но именно различия в исторических условиях развития и обязательность строгого соблюдения норм японского этикета, в частности делового, обусловили закрепление в системе документации на японском языке ряда других обязательных элементов. В связи с этим отметим обязательность вводных фраз и обращений, характерных для эпистолярного стиля японского языка (так, деловое письмо-жалоба, направляемое в фирму-партнёр, начинается с привычных для любого письма пожеланий процветания и пр., после чего следует негативная оценка действий партнёра), использование *канго*, слов из корней китайского происхождения, относящихся в основном к слою лексики *какикотоба* (см. выше), и других единиц того же слоя лексики (союзы типа 若しくは *мосикува* «или» и др.); употребление глагольной части в отглагольных послелогах в соединительной, а не деепричастной форме по типу (に) 対し (*ни тайси*) «по отношению к...» вместо (に) 対して (*ни тайситэ*). распространённость соединительной формы срединного глагольного сказуемого, использование форм книжного языка *бунго* и старой орфографии и другие характеристики.

Так же, как и в любом другом обществе, в Японии документы составляются для определённых целей, вследствие

чего, текст, например, закона или конституции страны стилистически отличается от рекомендации или резюме. Но в целом для документации на японском языке характерны сложные предложения, обилие в текстах однородных членов предложений, особых книжных концовок. Некоторые из этих характеристик присущи и эпистолярному стилю японского языка, но стиль деловой документации не следует отождествлять с эпистолярным стилем. Только в деловой документации употребляются, например, слова 甲 *ко*: «первый», «А» и 乙 *оцу* «второй», «Б» в соглашениях, контрактах, договорах, судебных исках и т. д.

Важным требованием при ведении деловой документации является правильное расположение в тексте различных его частей: адресата, отправителя, места печати и пр. Этому придаётся большое значение в соответствии с правилами японского делового этикета. При этом правила переписки внутри организации или фирмы и внешней переписки с другими организациями и фирмами несколько различаются при общности основных нормативов: использование размера А4, расположение текста по горизонтали, чёткое указание даты отправления или составления документа в верхней части документа справа, указание получателя слева в верхней части листа, отправителя – справа, пометка печати (при необходимости) на последний иероглиф в названии фирмы или организации, нумерация пунктов арабскими цифрами и пр. Все эти нормативы обязательны для ведения деловой документации и изучаются всеми, кому это необходимо, по регулярно издаваемым различным справочникам и наставлениям по деловой переписке.

Знание этих норм наряду с ознакомлением с различными формами деловых документов чрезвычайно важно для будущих специалистов. Разумеется, овладеть знаниями и навыками при усвоении этого сложного материала можно

только на продвинутом этапе, т. е. на выпускном курсе бакалавриата, когда студенты освоили знаки иероглифического минимума, большое количество лексики и грамматических форм и пр. Однако возникает справедливый вопрос: как этого добиться в условиях сравнительно небольшого количества аудиторных часов, отводящихся на изучение восточного языка на 4–м курсе, например, ИСАА МГУ и какую методику обучения целесообразно использовать? Более того, в течение нескольких последних лет сократилось количество часов, отводимых на ведение спецсеминаров на заключительном этапе обучения в бакалавриате. Это значительно усложнило процесс овладения основными навыками стиля деловой документации, для чего использовались возможности спецсеминара. При этом освоение основных форм документации на японском языке проводилось и проводится только для студентов, специализирующихся по японской филологии. Для студентов, специализирующихся по истории, экономике, политологии проводятся другие спецсеминары в соответствии с возможностями выпускающих кафедр. Изменения в Учебном плане, повлекшие сокращение аудиторных часов на спецсеминары, обусловили необходимость корректировки программы этого вида занятий. Неизменным осталось использование для проведения спецсеминара второго издания учебного пособия «Японский язык. Пособие по переводу документации» (далее – Пособие) [Быкова, Ямада, 2003]. Пособие продолжает оставаться актуальным, поскольку в нём представлены образцы документов на русском и японском языках, форма которых сохраняется на протяжении долгого периода времени. Поскольку восьмой семестр, в котором проводится спецсеминар, достаточно короткий, основной задачей для преподавателя является отбор наиболее важного для освоения материала и экономия аудиторного времени в целях его эффективного использования. Опыт показывает, что те или

иные формы составления или перевода документации с русского языка на японский и с японского языка на русский могут быть усвоены только в результате выполнения обучаемыми заданий, закрепляющих знания тех или иных правил ведения документации и терминологии, которые представлены в используемом Пособии. Иными словами, основой для ознакомления с различными формами документации на японском языке и овладения, пусть и в ограниченной степени навыками перевода и составления ряда форм документов на японском языке, является не теория вопроса, а практическая работа, выполнение соответствующих заданий. Поскольку в указанном пособии большинство текстов представлено в двух вариантах, на русском и японских языках, это позволяет значительно экономить время. Все темы изучаются по одной схеме: на вводном занятии читаются соответствующие тексты, на закрепляющем – студенты зачитывают тексты выполненных ими заданий. Поскольку, как указывалось выше, время внесло свои коррективы в освоение соответствующих навыков в связи с сокращением аудиторных часов на данную дисциплину, темы изучаются не в том порядке, в каком они представлены в Пособии. Работе над освоением учебного материала предшествует краткое ознакомление с основными правилами ведения документации на японском языке, которые изложены в Пособии, после чего начинается практическая работа по ознакомлению с рядом документов на японском языке. Преподаватель отбирает темы, которые связаны с переводом или составлением наиболее востребованных в будущей деятельности выпускника документов, и определяет порядок их освоения. Все темы изучаются на двух занятиях. На первом занятии по избранной теме читается соответствующий текст (образец документа) на японском языке, на втором – студенты представляют самостоятельно составленные ими тексты по теме, зачитывая их в аудитории. Как

правило первый документ на японском языке, который нередко предстоит составить выпускнику вуза при поступлении на работу, – резюме. За этим следует ознакомление с рекомендацией, которую будущий специалист нередко должен получить ещё на студенческой скамье в случае, например, поездки на стажировку. С работы по этой тематике и начинается работа в аудитории. За этим следует ознакомление с образцами доверенностей, свидетельств, соглашений, договоров и т. д. Каждый из студентов получает индивидуальное задание, при получении которого преподаватель определяет ситуацию составления документа, например, предмет соглашения и участвующие в нём стороны с указанием названий организаций или фамилий и имен участников. Так постепенно у студентов формируется набор самостоятельно выполненных и откорректированных в аудитории образцов документов, которые не только знакомят с основными нормами и правилами составления документации на японском языке, но одновременно обучают навыкам выполнения перевода документов с русского языка на японский и с японского языка на русский. Это, несомненно, будет способствовать успешному выполнению различных задач в будущей работе выпускников.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Большой энциклопедический словарь Языкознание.** – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 683 с.
2. **Быкова, С. А.** Методика обучения стилю деловой документации в японском языке / С. А. Быкова // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 18. Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе» (октябрь, 2018 г.) – Москва : Ключ-С, 2019. – С. 4–10.
3. **Быкова, С. А., Ямада, Я., Мидори.** Японский язык. Пособие по переводу документации. – Москва : Муравей, 2003. – 139 с.

Л. В. Васильева

**ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ
ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ЯПОНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
О ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ)**

Аннотация: *Статья посвящена вопросам, которые, становясь объектами исследований в ежегодно проводимых опросах общественного мнения о состоянии японского языка, указывают на актуальность затрагиваемых тем для носителей языка в каждый момент времени. Изучение результатов таких опросов в динамике может быть полезным для понимания языковой ситуации в Японии в целом.*

Ключевые слова: *японский язык, опросы общественного мнения, коммуникация, вежливость «кэйго», японские иероглифы, латиница.*

L. V. Vasilieva

**On the main trends in the modern language situation
in Japan (based on public opinion polls
on the Japanese language)**

Abstract: *The article focuses on certain problems researched in the annual public opinion polls on the Japanese language, which indicate the relevance of the topics raised for native speakers at each moment in time. Studying the results of such polls in dynamics can be useful for understanding the language situation in Japan as a whole.*

Key words: *Japanese language, opinion polls, communication, politeness «keigo», Japanese characters, Latin transcription.*

Языковая ситуация в любой языковой среде, оставаясь в своей основе стабильной, постоянно изменяется с течением времени и вследствие перемен, происходящих в обществе и мире. Для наблюдения за такими изменениями используются разные методы, в число которых входят и исследования путем опросов общественного мнения. Опросы общественного мнения о состоянии родного языка (*Кокуго ёрон тё:са*), которые проводятся среди жителей Японии ежегодно, начиная с 1995 года, помогают в реальном времени наблюдать за состоянием

японского языка и теми проблемами, которые волнуют и специалистов, и носителей. Попробуем посмотреть на языковую ситуацию в сегодняшней Японии, опираясь на содержание вопросов и проанализированных экспертами ответов из опросов о состоянии японского языка за последние годы. Материалы этих исследований регулярно публикуются на сайте японского Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий в формате докладов.

Посмотрим на результаты опросов за последние 5 лет с 2019 по 2023 год включительно. Как правило, они проводятся в феврале-марте года, следующего за исследуемым (в Японии это последние месяцы прошедшего финансового года), а отчеты аналитиков обычно публикуются в конце лета – начале осени. Для начала сравним блоки вопросов или обобщенные темы, которые становились предметом исследований в указанные годы.

2019	<ul style="list-style-type: none"> • Об отношении к родному языку • Об отношении к иностранцам [в Японии] и японском языке • О впечатлении от использования в речи слов и выражений вежливого языка <i>кэйго</i> • Об отношении к иероглифическим знакам, добавленным в иероглифический минимум в ходе его последнего обновления в 2010 году • О впечатлении от неологизмов и о понимании фразеологизмов
2020	<ul style="list-style-type: none"> • Об отношении к родному языку • О переменах в (повседневной) жизни и вопросах коммуникации [в связи с распространением новой коронавирусной инфекции] • О транскрипции латиницей • О впечатлении от некоторых часто встречающихся слов и выражений и о понимании фразеологизмов • Об отношении к иероглифическим знакам, добавленным в иероглифический минимум в ходе его последнего обновления в 2010 году

2021	<ul style="list-style-type: none"> • Об отношении к родному языку • О переменах в (повседневной) жизни и вопросах коммуникации • О транскрипции латиницей • О впечатлении от некоторых часто встречающихся слов и выражений и о понимании фразеологизмов
2022	<ul style="list-style-type: none"> • Об отношении к языку и его коммуникативной функции • О транскрипции латиницей • О впечатлении от некоторых часто встречающихся слов и выражений и о понимании фразеологизмов
2023	<ul style="list-style-type: none"> • Об отношении к языку и его коммуникативной функции • О транскрипции латиницей и записи заимствованных слов • О чтении, печатных и электронных изданиях и т. п. • О впечатлении от некоторых часто встречающихся слов и выражений и о понимании фразеологизмов

При взгляде на таблицу сразу становится очевидно, что темы исследований ежегодных опросов почти не меняются: лишь опрос 2019 года выделяется среди перечисленных большим разнообразием, опрос 2020 года – включением блока вопросов, касающихся изменений в языке в связи с пандемией коронавируса (об этом мы подробно писали в статье в сборнике 2022 года [Васильева, 2022, с. 55–64]). Однако следует отметить, что внутри тематических блоков, озаглавленных одинаково, вопросы могут быть либо сформулированы по-разному в разные годы, либо сфокусированы на каких-либо конкретных аспектах тем.

Так, в частности, в первом блоке вопросов в 2019 году у респондентов спрашивают о проявлениях беспорядка в японском языке и их отношении к ним, в 2020 году – о том, насколько они дорожат родным языком и почему. В 2021 году основной фокус смещен на то, насколько интересны и важны для носителей вопросы, связанные с родным языком и речью, а также что и как, по их мнению, можно исправить или улучшить в современной японской речи как на макроуровне

(задачи, стоящие перед обществом в целом), так и на уровне каждого носителя. Так, например, респондентов спрашивали, есть ли какие-то проблемы в речи (словоупотреблении) лично у них. И 67,6% респондентов ответили на этот вопрос утвердительно, с высокой частотностью указав в качестве примеров неумение правильно выбрать нужные слова и стиль речи в новой обстановке, плохое владение всеми уровнями вежливой речи *кэйго*, затруднениями при выборе, писать ли слово иероглифами или знаками слоговой азбуки и т. п.

В опросе 2022 года основное внимание в первом блоке уделено восприятию состояния языка и речи в целом, реагированию на встречающиеся в речи ошибки, а также способам повышения собственной грамотности и компетентности в родном языке. В последнем опубликованном на сегодняшний день опросе за 2023 год в том же первом блоке респондентов спрашивали об уровне их интереса к вопросам родного языка в целом, но кроме того в него были включены и вопросы о том, как японцы-носители реагируют в ситуации, когда их просят показать дорогу плохо говорящие по-японски иностранцы. Отметим, что о том, что они «обязательно откликнутся на просьбу» так или иначе утвердительно ответили в 2023 году 89% респондентов, причем не только в поколениях от 16 до 49 лет (от 94 до 95,7%), но и среди респондентов 60-69 лет (89,8%) и старше 70 лет (79%). Для помощи попавшему в затруднительное положение иностранцу респонденты готовы дополнять свой ответ жестами (82,2%), использовать программы-переводчики в своих мобильных устройствах (46,3%) или перейти на английский язык (46%).

Вопросы, связанные с коммуникацией с иностранными гражданами, постоянно проживающими в Японии или приезжающими в страну с туристическими целями, регулярно появляются в опросах о состоянии японского языка в

последние годы, что отражает всё большую открытость Японии разным формам взаимодействия с постоянно растущим числом иностранцев в ней. Так в опросе 2019 года отношению к иностранцам и вопросам коммуникации с ними посвящен целый большой блок. В этом блоке, в частности, есть вопросы о выборе языка для ведения диалога (японского или английского), стиля речи при общении на японском языке (разговор «как обычно» или нарочито простыми и понятными фразами) в ситуациях общения носителей языка с иностранцами. Несколько вопросов касаются необходимого уровня владения японским языком для комфортного и безопасного пребывания в Японии постоянно живущих в ней иностранцев, а также о степени осведомленности японцев о наличии в Японии специальных программ для изучения японского языка, которые организует правительство и администрации разных уровней для помощи этим иностранцам в изучении или повышении уровня японского языка. Стоит отметить, что вопросы о необходимом уровне владения японским языком для комфортного пребывания в стране появились в опросах о японском языке после разрушительного землетрясения и цунами в Восточной Японии 11 марта 2011 года, когда выяснилось, что информация экстренных служб для жителей пострадавших районов об опасности, о срочной необходимости и способах эвакуации, о расположении эвакуационных пунктов и т. п., распространявшаяся только на японском языке, зачастую не была понятна плохо знавшим японский язык иностранцам, оказавшимся в зоне бедствия, что приводило к трагическим последствиям. Именно после этих событий в рамках мероприятий по языковому планированию специально стали разрабатывать ряд мер по повышению уровня знания японского языка иностранцами, постоянно проживающими в Японии, а также разработке способов информирования в

случае стихийных бедствий с использованием более понятных даже не очень хорошо понимающим японский язык иностранцам, что и нашло отражение в опросах общественного мнения о состоянии японского языка.

Вопросы письменности, о которой носители говорят как об уникальной «особенности и привлекательности» своего языка (например, в опросе 2023 года письменность в этом качестве выбрали и тем самым поставили ее на первое место 64,2% ответивших на вопрос), становятся темами для исследования в рамках опросов регулярно, в том числе в рассматриваемых в этой статье докладах. Так в 2019 году респонденты отвечали на вопросы о том, стало ли им понятнее сразу улавливать смысл слов в текстах после того, как в эти слова, где до этого отсутствовавшие в иероглифическом минимуме иероглифы заменяли знаки слоговой азбуки, «вернулись» сами иероглифы, что произошло в результате обновления и дополнения иероглифического минимума постоянно используемых иероглифов «Дзё:ё:кандзихё:» в 2010 году. При этом в обоих случаях результаты сравнивали с «ожиданиями» от этого увеличения минимума на 196 знаков, взятыми из опроса за 2009 год. Респондентам было предложено для оценки лёгкости или сложности прочтения и понимания 174 слова, в которых были использованы 185 вновь включенных в минимум иероглифов из 196 (оставшиеся 11 – это те, что встречаются в топонимах). Результаты сравнения оказались разными для разных конкретных знаков и слов, но доли тех, для кого обновленные написания слов стали восприниматься труднее, выросли по сравнению с дореформенным 2009 годом больше, чем доли тех, кому читать и понимать стало легче.

В остальные рассматриваемые нами опросы с 2020 по 2023 год входили блоки вопросов о способах записи японских слов латиницей (*ро:мадзи*), причем, каждый раз эта проблема

рассматривалась с разных сторон: у респондентов спрашивали о предпочтительных для них способах указания долготы гласных при записи японских слов буквами латинского алфавита и вариантов записи ими же японских топонимов (2020 год); о том, насколько часто им приходится видеть записанные буквами латинского алфавита японские слова и о чувствах, которые они по этому поводу испытывают, приходится ли им самим прибегать к записи японских слов латиницей и при каких обстоятельствах это происходит (2021 год); об аббревиатурах, записываемых в текстах на японском языке, только латинскими буквами (2022 год); о предпочтительных для респондентов способах записи заимствованных слов знаками японской слоговой азбуки *катакана* (2023 год) и т. п. Такое пристальное внимание к аспектам письменности, связанным с взаимным проникновением слов разных языков друг в друга, отражает, на наш взгляд, уже упоминавшуюся нами выше в связи с вопросами коммуникации с иностранцами всё большую включенность Японии в процессы глобализации.

Ежегодные опросы общественного мнения по вопросам родного языка неизменно демонстрируют выраженный интерес японцев к своему языку, помогают увидеть с разных сторон те актуальные вопросы, которые находятся в фокусе внимания в каждый момент времени, а значит могут быть полезны исследователям для понимания и анализа языковой ситуации в Японии.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Васильева, Л. В.** Язык и общество в эпоху пандемии (по материалам опросов общественного мнения о состоянии родного языка. / Л. В. Васильева // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания (материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе, проблемы преподавания»), октябрь 2021 / отв. ред.

Л. Т. Нечаева. – Москва : Ключ-С, 2022 – Вып. 23. – С. 55–64. – ISBN 978-5-604 6922-3-3.

2. **Рэйва гонэндо «Кокуго-ни кансуру ёрон тё:са» но кэкка-но гайё.**
(Краткий очерк о результатах «Опроса общественного мнения по вопросам родного языка» в пятый год Рэйва (2023 г.) : сайт Агентства по культуре Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий, раздел «Языковая политика»; URL: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/tokeichosa/kokugo_yor onchosa/pdf/94116401_01.pdf (дата обращения 30.03.2025)
3. **Рэйва ёнэндо «Кокуго-ни кансуру ёрон тё:са» но кэкка-но гайё.**
(Краткий очерк о результатах «Опроса общественного мнения по вопросам родного языка» в четвертый год Рэйва (2022 г.) : сайт Агентства по культуре Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий, раздел «Языковая политика»; URL: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/tokeichosa/kokugo_yor onchosa/pdf/93945901_01.pdf (дата обращения 30.03.2025)
4. **Рэйва саннэндо «Кокуго-ни кансуру ёрон тё:са» но кэкка-но гайё.**
(Краткий очерк о результатах «Опроса общественного мнения по вопросам родного языка» в пятый год Рэйва (2021 г.): сайт Агентства по культуре Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий, раздел «Языковая политика»; URL: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/tokeichosa/kokugo_yor onchosa/pdf/93774501_01.pdf (дата обращения 30.03.2025)
5. **Рэйва нинэндо «Кокуго-ни кансуру ёрон тё:са» но кэкка-но гайё.**
(Краткий очерк о результатах «Опроса общественного мнения по вопросам родного языка» во второй год Рэйва (2020 г.): сайт Агентства по культуре Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий, раздел «Языковая политика»; URL: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/tokeichosa/kokugo_yor onchosa/pdf/93398901_01.pdf (дата обращения 30.03.2025)
6. **Рэйва ганнэндо «Кокуго-ни кансуру ёрон тё:са» но кэкка-но гайё.**
(Краткий очерк о результатах «Опроса общественного мнения по вопросам родного языка» в первый год Рэйва (2019 г.): сайт Агентства по культуре Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий, раздел «Языковая политика»; URL: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/tokeichosa/kokugo_yor onchosa/pdf/92531901_01.pdf (дата обращения 30.03.2025)

Е. О. Гераймович

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА
プライベート
НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ**

Аннотация: *Изучение языковых средств выражения посессивных значений в японском языке представляет интерес исследователей с точки зрения определения принципов их использования в речи носителями языка. Целью данной работы является описание семантического значения посессивного слова プライベート нурайбэ:то «личный», заимствованного из английского языка, на материале вхождений корпуса японского языка. Результаты лексико-семантического анализа данной языковой единицы показали, что значение и контексты употребления японского слова プライベート нурайбэ:то «личный» отличаются от оригинального английского слова «private». Синтаксическая позиция изучаемой языковой единицы в японских предложениях также меняется в зависимости от окружающих слов и лексической сочетаемости с определенными словами.*

Ключевые слова: японский язык, посессивность, семантика, лексико-семантический анализ, корпус.

Е. О. Geraimovich

**Lexical-semantic analysis of word
プライベート
based on corpus data**

Abstract: *The study of linguistic means of expressing possessive meanings in Japanese is of interest to researchers from the point of view of determining the principles of their use in speech by native speakers. The purpose of this work is to describe the semantic meaning of the possessive word プライベート, borrowed from English, based on the material of occurrences of the Japanese language corpus. The results of the lexical-semantic analysis of this language unit showed that the meaning and contexts of use of the Japanese word プライベート differ from the original English word private. The syntactic position of the studied language unit in Japanese sentences also changes depending on the surrounding words and lexical compatibility with certain words.*

Keywords: Japanese language, possession, semantics, lexical-semantic analysis, corpus.

Лексические средства выражения концептуальных значений личного пространства в японском языке представлены рядом слов, обладающих значениями приватизации и отчуждения. Как известно, концептуализация личного пространства в японском языке обладает специфическими особенностями, отличающими ее от западной культуры [ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык, 2022, с. 9]. Необходимо также упомянуть традиционный японский концепт 内外 *ути-сото* как концептуальную систему, упорядочивающую организацию личного пространства в японской языковой картине мира и предлагающую соответствующие средства вербализации этих отношений [Гераймович, 2024, с. 256].

В данной статье представлены результаты лексико-семантического анализа слова プライベート *пурайбэ:то* «личный» на материале письменного корпуса Национального института японского языка (NCCWJ) с целью конкретизации его основных значений, контекстов употребления и семантических компонентов. Лексико-семантический анализ на основе корпусных данных позволяет уточнить особенности употребления и нюансы значения слова, что определило выбор ведущего метода исследования [Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе, 2018, с. 7].

Заимствованное из английского языка слово プライベート *пурайбэ:то* «личный» в японском языке используется в различных контекстах и имеет несколько значений, которые могут варьироваться в зависимости от ситуации употребления.

Для начала приведем словарное определение к слову プライベート *пурайбэ:то* «личный», обратившись к японскому лексикографическому Интернет-источнику Goo: «Что-то личное, не публичное, частное», где в качестве синонима приводится слово 私的 *ситэки* «личный, частный» [Goo].

В качестве значений, которые передает оригинальное английское слово *private*, онлайн-словарь *Weblio* указывает такие слова, как 個人的な *кодзинтэки-на*, 一身上の *иссиндзё-но*, 内密の *наймицу-но*, 非公開の *хико:кай-но*, 非公式の *хико:сики-но*, 私営の *сиэй-но*, 民間の *минкан-но* [*Weblio*]. Из этого следует, что английское слово *private* содержит спектр значений, который средствами японского языка в основном можно передать через единичные полупредикативные прилагательные китайского происхождения и сочетание различных существительных с показателем родительного падежа *の но*, что свидетельствует об относительной лакунарности значений приватизации в японском языке. Взаимозаменяемость слова *プライベート нурайбэ:то* и вышеуказанных слов со значениями «частный, личный» возможно верифицировать или опровергнуть с помощью лингвистического эксперимента, в частности семантического экспериментального исследования, благодаря которому достигается наиболее точное описание круга значений выбранных слов [Сулейманова, 2013, с. 61].

Подтвердим словарные значения результатами лексико-семантического исследования. Проанализировав вхождения из корпуса письменного японского языка *ВССЖВ*, мы сделали вывод, что лексико-семантическое поле слова *プライベート нурайбэ:то* «личный» в целом можно разделить на четыре общие группы.

1. ПРОСТРАНСТВО

В большинстве случаев слово *プライベート нурайбэ:то* «личный» используется для обозначения личного пространства или частной жизни человека. Например, в контексте обсуждения границ личной жизни, слово может употребляться в фразах, связанных с необходимостью защищать свою частную жизнь от вмешательства извне. Приведем соответствующие примеры:

だからプライベートな質問はやめにして。

Дакара пурайбэ:то-на сицумон ва ямэ-ни ситэ.

«Так что хватит задавать личного характера».

常に他人の目にさらされ、プライベートが無くなる。

Цунэ-ни танин-но мэ-ни сарасарэ, пурайбэ:то га накунару.

«Обычно тайна личной жизни теряется, когда она выно-
сится на всеобщее обозрение чужих людей».

В дополнение необходимо отметить, что обозначаемое
личное пространство может носить не только абстрактный
характер, но и также обозначать место. Например,

たまにプライベートキッチンにてお料理レッスンを行ってい
ます。

*Тама-ни пурайбэ:то киттин-нитэ о-рё:ри рэссун-о
оконаттэимасу.*

«Иногда провожу занятия по кулинарии на личной кухне».

でもプライベートな2階には絶対入ってきません。

Дэмо пурайбэ:то-на никай-нива дзэттай хайттэкимасэн.

«Но на закрытый второй этаж ни в коем случае не захожу».

2. ВРЕМЯ

По аналогии с пространством слово *プ ラ イ ベ ー ト
пурайбэ:то* может использоваться для обозначения «личного
времени».

……私にとってプライベート・タイムは何より大切。

*…Ватаси-ни тоттэ пурайбэ:то тайму ва нани-ёри
тайсэцу.*

«…Для меня личное время – ценнее всего».

3. МЕРОПРИЯТИЯ

Слово также часто встречается в контексте частных
мероприятий, таких как вечеринки, встречи или собрания,
которые не предназначены для широкой публики.

完全プライベートなパーティーならさ、お写真公開させちゃダメっしょ。。。

Кандзэн нурайбэ:то-на на:ти: нара са, о-сясин ко:кай-сасэтя дамэ-ссё...

«Но если мы говорим об абсолютно закрытой вечеринке, нельзя же ведь фотографии заставлять публиковать...»

4. УСЛУГИ

В бизнес-контексте слово может использоваться для обозначения частных услуг, таких как консультации, или в рекламе продуктов. В таком случае, товары или услуги представляются индивидуально, а не в массовом порядке.

のんびりしたいプライベート派に!

Номбири-ситай нурайбэ:то ха-ни!

«Для тех, кто хочет расслабиться наедине с собой!»

Реализация данного значения коррелирует также с семантической группой слова *マイ* *ту*, также заимствованного из английского языка, которая отражает иллокутивный смысл направленности на единоличное использование того или иного предмета [Гераймович, 2025, с. 58].

5. ОТНОШЕНИЯ

В некоторых случаях слово может использоваться для обозначения близких или романтических отношений, подчеркивая их личный и закрытый характер.

В результате проведенного анализа было сделано наблюдение, что слово *プライベート нурайбэ:то* может рассматриваться как самостоятельная оппозиция слову *仕事* *сигото* «работа», не требующая слов *生活* *сэйкацу* «жизнь» и других. В таком случае значение слова *プライベート нурайбэ:то* расширяется, и его можно перевести как «личная жизнь». Например,

人生八十年時代といわれる今、六十四歳の私は、仕事でもプライベートでも、まだまだこれからだと思っています。

Дзинсэй хатидзю:нэндай то иварэру има, рокудзю:ёнсай-но ватаси ва, сигото дэмо пурайбэ:то дэмо, мада-мада корэ-кара да то омоттэимасу.

«Сейчас мне уже за восемьдесят, и думаю, что в свои шестьдесят четыре я был полон надежд и в работе, и в личной жизни».

私達の時は、、、プライベートと会社とは、きっちり分けて欲しいって人が多かったのに～。

Ватаси-тати-но токи ва... пурайбэ:то-то кайся-то ва, киттири вакэтэхосий-ттэ хито га оокатта нони～.

«А ведь в наше время... было много людей, которые хотели бы как следует разделять работу и личную жизнь～».

Подтверждение этому можно найти в онлайн-словаре Goo: «Может использоваться и как существительное в значениях 私生活 *сисэйкацу* “личная жизнь” или 私事 *сидзи* “личные дела”» [Goo].

Таким образом, синтаксически слово *プライベート пурайбэ:то* «личный» может занимать и как позицию определения, например *プライベートな楽しみ пурайбэ:то-на таносими* «личное развлечение», так и позицию подлежащего, субстантивирюясь:

仕事は仕事。プライベートはプライベート。切り分けましょ。
Сигото ва сигото. Пурайбэ:то ва пурайбэ:то. Киривакэмасё.

«Работа работой, а частная жизнь – частной жизнью. Давайте разделять».

Семантические компоненты значения слова *プライベート пурайбэ:то* «личный» могут варьироваться, что делает его перспективным объектом для дальнейшего исследования

средств вербализации отношений личного пространства в японском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гераймович, Е. О.** Отношение к личному пространству в английской и японской лингвокультурах / Е. О. Гераймович // Казанская наука. – 2024. – № 6. – С. 255–257. – EDN IRVNYM.
2. **Гераймович, Е. О.** Семантико-контекстуальный анализ японских посессивных слов с формантом ㇿゝ ту на основе корпусных данных / Е. О. Гераймович // Иностранные языки в высшей школе. – 2025. – № 1(72). – С. 54–59. – DOI 10.37724/RSU.2025.72.1.007. – EDN PQSIAI.
3. **Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе.** – Москва : ФЛИНТА, 2018. – 304 с. – ISBN 978-5-9765-3912-9.
4. **Словарь японского языка Weblio.** – URL: <https://www.weblio.jp/> (дата обращения: 08.04.2025).
5. **Сулейманова, О. А.** Пути верификации лингвистических гипотез: pro et contra / О. А. Сулейманова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2013. – № 2(12). – С. 60–68. – EDN REVTF.
6. **ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык** / Е. М. Османов, А. В. Филиппов, А. И. Габитова [и др.]. – Санкт-Петербург : Art-xpress, 2022. – 693 с. – (Issues Of Japanology = Вопросы японоведения № 9). – ISBN 978-5-4391-0801-5.
7. **Chunagon. Приложение для поиска в корпусе.** – URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/> (дата обращения: 08.04.2025).
8. **Гоо. Электронный словарный сервис.** – URL: <https://dictionary.goo.ne.jp/> (дата обращения: 08.04.2025).

А. С. ДЫБОВСКИЙ

**УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ
ФРАЗЕОЛОГИИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА
(СОКРАЩЕННАЯ ВЕРСИЯ)**

Аннотация: В этой статье особенности японской фразеологии исследуются с помощью семантического анализа. Автор считает, что уникальность японской фразеологии в первую очередь обуславливается сосуществованием в японском языке двух фразеологических систем – исконно японской и протокитайской, способных в результате симбиоза и взаимодействия в рамках единой языковой системы породить гибридные единицы различной степени сложности. В процессы фразеологизации лексики японского языка вовлекаются и западные заимствования.

Ключевые слова: японская фразеология, идиоматичность, атэджи, классификация ФЕ, протокитайские ФЕ, идеографические идиомы.

A. S. Dybovsky

**Universal and Specific Features of Japanese Phraseology
(abridged version)**

Abstract: This study examines the distinctive features of Japanese phraseology through semantic analysis of phraseological units. It argues that the complexity and diversity of Japanese phraseology stem mainly from the long-standing coexistence of two systems – the indigenous Japanese and the Proto-Chinese. Their interaction within a shared linguistic framework has produced hybrid expressions of varying idiomaticity. Western loanwords have also contributed to the phraseologization of the Japanese lexicon.

Keywords: Japanese phraseology, idiomaticity, ateji, ideographic idioms classification of phraseological units, proto-Chinese phraseological units.

ВВЕДЕНИЕ

Фразеология понимается как уникальная часть системы языка, связанная с лексикой и грамматикой, и порождаемая «уникальными правилами» [Баранов, 2014, с. 43]. По всей вероятности, фразеология относится к языковым универсалиям и существует во всех естественных языках. Цель этой

публикации состоит в том, чтобы описать общие контуры и специфические черты фразеологии японского языка. Было проанализировано несколько сотен исконно японских, а также около 500 протокитайских фразеологических композитов (далее – ПФК)².

Мы будем исходить из того, что важнейшими свойствами фразеологических единиц языка (далее – ФЕ) являются идиоматичность и устойчивость [Баранов, 2014, с. 44–64]. Вслед за А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским будем считать, что базовыми признаками идиоматичности ФЕ являются: 1) переинтерпретация исконного значения компонентов ФЕ, то есть наличие семантических сдвигов в значении хотя бы одного из компонентов ФЕ; 2) непрозрачность значения (правил его порождения, а также семантики компонентов и/или грамматической формы ФЕ), соответственно, невозможность выявления значения ФЕ по стандартным правилам взаимодействия лексики и грамматики; 3) усложнение способа указания на денотат ФЕ в результате метафоризации исходного выражения или его переносного употребления; «выражение является идиоматичным, если в нём обнаруживается один из перечисленных факторов или любая их комбинация» [Баранов, 2014, с. 44–45].

1. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЯПОНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Для выяснения сходства фразеологии японского языка с фразеологией, например, русского, попробуем обратиться к японской фразеологии с позиций фразеологических концепций В. В. Виноградова [Виноградов, 2001, с. 27–33], а также

²Протокитайскими фразеологическими композитами (протокитайскими фразеологизмами) мы будем называть фразеологизмы, заимствованные японцами из китайского языка в разные эпохи, а также фразеологизмы, созданные (и создаваемые) в Японии по китайским моделям.

А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [Баранов, 2014]. В. В. Виноградов подразделяется ФЕ русского языка на три класса. Подход В. В. Виноградова работает и в отношении японского языка. Как и ФЕ русского, ФЕ японского языка по степени идиоматичности подразделяются на три вида: 1) фразеологические сращения или «идиомы» (鬢太を張る *бинта о хару* – «залепить пощечину»; 度肝を抜く *догимо-о нуку* – «сильно испугать»); 2) фразеологические единства, для которых характерны метафоризация значения исходного выражения и/или его метонимические сдвиги (鼻が高い *хана-га такай* – букв. «нос высокий» → «заносчивый, высокомерный»; 口が堅い *кути-га каттай* – букв. «рот твёрдый» → «(некто) не болтлив»); 3) фразеологические сочетания, в которых сдвиги значения наблюдаются только у одного из компонентов и возможна вариативность компонентов ФЕ, например: 案 (計画、意見) を立てる *ан (кэйкаку, икэн) о татэру* – «Представить проект (план, мнение)».

Таким образом, трёхступенчатая классификация ФЕ В. В. Виноградова вполне пригодна для описания исконно японских ФЕ. Теперь попробуем применить к японскому языку систему, разработанную А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским на материале европейских языков.

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский подразделяют фразеологизмы русского языка на шесть классов [Баранов, 2014, с. 67–96], и для каждой группы ФЕ русского языка этой классификации можно найти аналоги в японском.

1. Идиомы, например: 目がない *мэ-га най* – «неравнодушен к чему-либо; слаб на что-то»; 口がうまい *кути-га умай* – «язык хорошо подвешен» (идиомы–комментарии); どうぞお構いなく *До:дзо окамаинаку* – «Пожалуйста, не утруждайтесь»; お気の毒さまです *Оки-но-доку сама дэсу* – «Примите мои соболезнования» (идиомы–перформативы) и т. д.

2. Коллокации, например: 喜びを浮かべる *ёрокиби-о укабэру* – «проявлять радость»; 意見を立てる *икэн-о татэру* – «высказывать мнение».

3. Пословицы, как и в русском языке подразделяющиеся на относящиеся (1) и не относящиеся (2) к фразеологии по наличию / отсутствию признаков идиоматичности: 1) 背に腹はかえられぬ *Сэ-ни хара ва каэрарэну* – букв. «Спину животом не заменишь» → «Обстоятельства сильнее нас»; «Плетью обуха не перешибёшь!»; 2) 井の中の蛙、大海を知らず *И-но нака-но кавадзу дайкай-о сирадзу* – «Лягушка на дне колодца не знает океана».

4. Грамматические фразеологизмы, как ФЕ, относящиеся в японском языке не столько к лексике, сколько к грамматике, например: ...やむを得ない *яму о энai* – букв. «не получаю прекращения» (в речи об объективной неизбежности чего-либо); ...にほかならない *...ни хока наранай* – «не что иное, как...» и т. д.

5. Фразеологизмы-конструкции – как важная часть японского речевого ритуала, например: なにとぞご指導、ご鞭撻のほどお願い申し上げます *Нани-то дзо госидо:, гобэнтацу-но ходо онэгаи итасимас* – «Как бы то ни было, надеюсь на ваше всестороннее содействие».

6. Ситуативные клише, связанные с ритуалами повседневного обихода, например: 恐れ入りますが *Осорэ иримас га* – букв. «Вношу страх, но...» → Прошу прощения, но...»; 恐縮ですが *(Кё:сюку дэс га)* – «Извините, что осмеливаюсь, но...» (вежливое вступление к просьбе); お疲れ様でした *(Оцукарэсама дэсита)* – «Хорошо поработали!» / «Спасибо за работу!» (вежливое завершение общения на работе).

Как видим, в японском языке имеются аналоги всех типов ФЕ русского языка, представленных в рассмотренных

концепциях. При этом некоторые классы японских фразеологизмов остались вне нашего внимания.

2. УНИКАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРОТОКИТАЙСКИХ ФЕ

Большая сложность японской фразеологии по сравнению, например, с русской обнаруживается при сопоставлении классификации ФЕ у В. В. Виноградова [Виноградов, 2001, с. 27–33] и С. А. Быковой [Быкова 1985, с. 15–29]. Три класса ФЕ В. В. Виноградова, дополняются у С. А. Быковой ещё тремя видами ФЕ, отражающими специфику японского языка [Быкова, 1985, с. 15–29]. В результате получается шесть специфических классов ФЕ: 1) слияния, 2) сращения, 3) комплексы, 4) единства, 5) объединения, 6) сочетания. В этой классификации второй, четвёртый и шестой классы ФЕ повторяют классификацию В. В. Виноградова, а в первый, третий и пятый помещаются ФЕ специфически японские ФЕ. Примечательно то, что на первом месте у С. А. Быковой стоят «фразеологические слияния», в нашей терминологии – протокитайские фразеологические композиты (далее – ПФК; в японской лингвистике – 熟語 *дзюкуго*). Для современного японского языка актуальны четыре разряда ПФК: двухкомпонентные, трёхкомпонентные, четырёхкомпонентный и пятикомпонентные (далее – П2ФК, П3ФК, П4ФК, П5ФК).

П2ФК представляют собой наиболее массивный и почти неисследованный класс ФЕ японского языка, например: 放胆 *хо:тан* – «смелость, решительность»; 放 *хо:* – «отпускать, освобождать», 胆 *тан* – «печень»; букв. «отпустить печень» (Как известно, древние китайцы считали печень вместилищем храбрости) [Дыбовский 2025].

П3ФК в японском языке представлены генетически гомогенными (состоящими из протокитайских корней, например: 唐変木 *то:хэмбоку* – «чудак, странный человек,

упрямец»; *букв.* «странное дерево из эпохи Тан»; 雪月花 *сэцугэцука* – «снег, луна, цветы» → «сезонная красота природы») и генетически негомогенными типами единиц. Для последних характерен симбиоз исконно японских и протокитайских основ и/или корней, например: 二枚舌 *нимайдзита* – «двуличие, лицемерие»; *букв.* «двойной язык»; см. [Дыбовский, 2024].

П4ФК исторически представляют собой максимы китайской мудрости. С точки зрения структуры для них характерны симметрия, параллелизм конструкций, гармония структуры и смысла; в них нередко наблюдается игра с синонимами и антонимами, числительными, различными типами иероглифов. Многие из них неразрывно связаны с историей и культурой Китая, например: 大器晚成 *дайкибансэй* – *букв.* «Большой сосуд долго делается» (*обр. в знач.:* «Большой талант созревает нескоро» (Лаоцзы); 羞花閉月 *сю:ка-хэйгэцу* – *букв.* «Смущаются цветы и прячется луна» (о невероятной красоте женщины).

Пятикомпонентные протокитайские фразеологические композиты (П5ФК) нередко связаны с китайской поэзией (漢詩 *канси* – «китайские стихи») и имеют переносное значение, например, фраза из стихотворения Юй Лянши, «Весенняя луна над горами» (春山夜月; эпоха Тан, 618–907 гг.) 弄花香滿衣 *ро:ка-ко:манъи* – *букв.* «Перебираю цветы, и одежда наполняется их запахом» – приобрела следующее значение: «Если находишься среди добрых людей, то и сам становишься лучше. Старайся окружать себя достойными людьми, пребывай в благотворном общении» [*Кугацу ко:тё: бурогу*].

Таким образом, важной чертой японской фразеологии является наличие большого массива двух, трёх, четырёх и пятикомпонентных ПФК, имеющих большое значение для письменного японского языка. ПФК тесно связаны с историей

и культурой Китая, грамматикой *вэньяня* и китайской иероглифической графикой.

3. АТЭДЗИ И ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ ФЕ

Культура так называемых «подставленных» иероглифов (当て字 *атэдзи*) пришла в Японию из Китая, где иероглифы могли использоваться фонетически для записи лексических заимствований, имён собственных и географических названий. При этом иероглифы обычно выбирались по принципу фонетического сходства с фиксируемым словом, иногда учитывались и семантические аспекты. В Японии *атэдзи* стали первым средством записи японских текстов. Несколько столетий проб и ошибок в области использования китайской графики для записи японских текстов (стихов, дневниковой и исторической литературы, а затем и художественных текстов) привели к появлению японских слоговых азбук, и, в конце концов, современной японской системы письма, интегрирующей китайские иероглифы и японские слоговые азбуки. Возникнув около полутора тысячелетий назад, культура *атэдзи* существует и в наши дни. Техника *атэдзи* в последние десятилетия подразделяются на три вида: 1) использование иероглифов как «фонетической транскрипции»; 2) нестандартное (нередко произвольное и оригинальное) использование иероглифов для передачи смысла, например, для графической фиксации исконно японских или заимствованных слов; 3) произвольные замены малоупотребимых (сложных для письма) иероглифов более простыми и употребимыми. Рассмотрим первые два вида.

Первый вид *атэдзи* активно использовался в процессе освоения японцами культуры Запада. Некоторые лексемы этого класса имеют отношение к П2ФК, например: 亜米利加合衆国 *Амэрика-гассю:коку* → 米国 *бэйкоку* – «Соединённые

Штаты Америки, США, Америка»; 阿蘭陀 *Оранда* – Голландия (*португ.* Olanda; *иначе* 和蘭 *Оранда*) → 蘭学 *рангаку* – *ист.* «голландские штудии» (изучение западных наук по голландским источникам в период Эдо). Эти примеры показывают, почему в японском общественно-политическом дискурсе США называются «Рисовой страной» (米国), историзм «голландоведение» (蘭学) становится «наукой о хризантемах» (蘭 *ран* – «хризантема»; 学 *гаку* – «наука»), а Россия – «Страной росы» (露西亜 *Росиа* → 露国 *Рококу* – «Россия»; *букв.* «Страна росы» [Аракава, 2017, с. 48]; см. также [Дыбовский, 2025, с. 95-98].

Ко второй разновидности *атэдзи* относятся всевозможные случаи нестандартного смыслового использования иероглифов для записи исконно японских и заимствованных слов, например: 1) たび «носки» → 足袋 *таби* («нога» + «мешок»); 2) おっと «муж» → 良人 *отто* / *рё:дзин* («добрый» + «человек»); 3) おかみ «хозяйка» → 女将 *оками* / *дзёсё:* («женщина» + «адмирал»); 3) タバコ «табак» → 煙草 *энсо:* («дым» + «трава»); 4) ウオッカ «водка» → 火酒 *касю* («огонь» + «саке»). Как видим, при помощи *атэдзи* создаются устойчивые сочетания иероглифов, сигнификатами которых являются значения исконно японских, а также заимствованных из индоевропейских языков слов. Сочетания иероглифов, таким образом, приобретают целостное неделимое значение, соответствующее значению исконного японского слова, и эти сочетания иероглифов являют собой своеобразную попытку создания «внутренней формы» [Потебня, 1989, с. 160] фиксируемых графически исконно японских слов. Интерпретация некоторых устойчивых сочетаний иероглифов, возникших как *атэдзи*, может быть непроста семантически, и некоторые устойчивые сочетания иероглифов, вероятно, могут быть названы идеографическими идиомами, например: 5) すし

«суши» → 寿司 *суси* («долголетие» + «начальник, управлять»); б) くらげ «медуза» → 海月 *курагэ* («море» + «луна»).

Таким образом, в результате закрепления в письменном японском языке творческого (игрового) использования иероглифов создаются идеографические фразеологизмы (熟字 *дзюкудзи*), которые являются графическими маркерами соответствующих исконно японских или заимствованных слов. Сочетания двух (или даже трёх) иероглифов дают графическую интерпретацию значений лексем. При этом иероглифическая графика дополняет и визуализирует значения исконно японских или заимствованных слов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом очерке мы показали, что японская фразеология обладает как универсальными, так и уникальными чертами. Последние связаны с культурным взаимодействием Японии и Китая. В современном японском языке сосуществуют два относительно независимых класса фразеологизмов. Это исконно японские и протокитайские фразеологизмы. Исконно японские ФЕ – это часть лексики слоя *ваго*, обычно понятной на слух вне иероглифической графики и лежащей в основе устной коммуникации японцев. ПФК неразрывно связаны с китайскими иероглифами, грамматикой *вэньяня*, а также с китайской этикой, эстетикой, историей и всем миром китайской духовной культуры. В коммуникации ПФК сосуществуют с *ваго* и являются неотъемлемой частью языковой культуры Японии, важным элементом культурного кода японского народа.

Уникальной чертой японской фразеологии является идиоматизация сочетаний иероглифов, связанная с культурой *атэдзи*. В результате применения оригинальной иероглифической записи для графической фиксации некоторых исконно

японских и заимствованных лексем возникали устойчивые сочетания иероглифов и графические идиомы, являющие собой идеографическую интерпретацию семантики соответствующих лексем. В последние полтора столетия ситуация в японской фразеологии осложняется большим массивом западных заимствований, также активно вовлекаемых в процессы фразеологизации лексики японского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аракава Киёхидэ** (рецензия) / Сунь Цзяньцзюнь. «Происхождение современного японского языка / Новые иероглифы, созданные в конце сёгуната (Токугава) и начале периода Мэйдзи» // Исследования по японскому языку. – Том 13, выпуск 1. – 2017. – С. 43–49.
2. **Баранов, А. Н.** Основы фразеологии. Краткий курс: учебное пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва : Флинта, 2014. – 308 с. – ISBN 978-5-9765-1567-3.
3. **Быкова, С. А.** Устойчивые словосочетания в современном японском языке / С. А. Быкова. – Москва : Изд-во МГУ, 1985. – 64 с.
4. **Ветров, П. П.** Фразеология современного китайского языка: синтаксис и стилистика / П. П. Ветров. – Москва : Восточная книга, 2007. – 368 с. – ISBN 978-5-7873-0395-7
5. **Виноградов, В. В.** Русский язык: грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. / 4-е издание. – Москва : Русский язык, 2001. – 720 с. – ISBN 5-200-03017-X.
6. **Гуревич, Т. М.** Японско-русский учебный словарь ёдзидзюкуго / Т. М. Гуревич. – Москва : Моногатори, 2011. – 144 с. – ISBN 978-5-98114-022-5.
7. **Дыбовский, А. С.** Двухсимвольные фразеологизмы современного японского языка / А. С. Дыбовский, М. В. Щепетунина // Дальневосточный филологический журнал. – 2025. – Т. 3, № 1. – С. 81–118.
8. **Дыбовский, А. С.** Трёхсимвольные фразеологизмы современного японского языка / А. С. Дыбовский // Дальневосточный филологический журнал. – 2024. – Т. 2, № 4. С. 71–102.
9. **Кугацу ко:тё: бурогу** / 9 月 校 長 ブ ロ グ 「 弄 花 香 満 衣 」 = Сентябрьский блог директора: 「弄花香满衣」 / URL: <https://nittai-ebara.jp/7915.html> (дата обращения: 11.08.2024). (In Jap.).

А. А. Елкина

**J-POP КАК ОКНО В ЯПОНСКУЮ КУЛЬТУРУ
И ЛИТЕРАТУРУ: ПОТЕНЦИАЛ ПЕСЕННОЙ ЛИРИКИ
В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА**

Аннотация: В статье исследуется роль песенной лирики J-Pop в изучении японского языка и культуры на примере творчества YOASOBI и Ёнэдзу Кэнси. Автор показывает, как тексты песен, связанные с литературными произведениями, помогают преодолеть трудности в изучении иероглифики, расширяют культурный кругозор и усиливают мотивацию учащихся.

Ключевые слова: J-Pop, японский язык, песенная лирика, YOASOBI, Ёнэдзу Кэнси, Миядзава Кэндзи, Ёсино Гэндзабуро, японская литература, японская культура.

A. A. Elkina

**J-Pop: A Gateway to Japanese Culture
and Literature – The Educational Value
of Song Lyrics**

Abstract: The article explores the role of J-Pop song lyrics in learning Japanese language and culture through the works of YOASOBI and Kenshi Yonezu. The author demonstrates how song lyrics connected to literary works help overcome difficulties in learning kanji, broaden cultural horizons, and enhance student motivation.

Key words: J-Pop, Japanese language, song lyrics, YOASOBI, Kenshi Yonezu, Kenji Miyazawa, Genzaburo Yoshino, Japanese literature, Japanese culture.

Чтение и восприятие иероглифических текстов на всех этапах изучения японского языка представляют основную трудность для обучающихся. Перед преподавателем всегда стоит непростая задача оказать помощь в поиске дополнительной мотивации для успешного запоминания иероглифов, а также преодоления «боязни чтения» подобных текстов [Сергеева, 2020, с. 219–228]. Таким вовлекающим и помогающим преодолеть психологический барьер ресурсом являются аутентичные материалы, в качестве которых зачастую выбираются манга, аниме, подкасты, художественная литература, пособия для японских детей и другие разнообразные тексты.

Как пишет Л. А. Воробьева, использование аутентичного материала в процессе обучения способствует эффективному формированию лингвистической и социокультурной компетенции, поскольку в нем содержится «живой язык», посредством которого более реальным становится познать культуру страны данного языка [Воробьева, 2016, с. 71]. Важным фактором является и соблюдение определенных критериев при отборе литературы для поурочного и внеклассного чтения, которые подробнее в своей статье описывает Н. Г. Румак [Румак, 2021, с. 110–122].

В этой связи из большого разнообразия таких материалов стоит уделить особое внимание учебному потенциалу песенной лирики, которая по своей сути является интермедийным текстом, то есть сочетающим в себе языки различных видов искусств. Песенная лирика позволяет в рамках одного материала соприкоснуться с разными слоями культуры и наглядно изучить менталитет носителей языка.

Учащиеся часто начинают знакомство с японским языком посредством аниме, где опенинги (открывающие композиции) играют важную роль. Эти песни знакомят с современной музыкой и исполнителями, повышая мотивацию к изучению языка. Зачастую песенная лирика является отсылкой к произведениям классической или современной художественной литературы. Подобные композиции представляют особую ценность при обучении японскому языку, поскольку выбор лексем и грамматики не будет ограничиваться только песней, его можно будет расширить за счет оригинального литературного первоисточника.

Однако без помощи преподавателя распознать интертекстуальные связи достаточно сложно, что затрудняет самостоятельную работу учащихся. Главной проблемой становится выбор подходящей песни, так как тексты часто содержат

сложную иероглифику, грамматику высоких уровней, культурно специфические символы (например, 季語 *киго* «сезонные слова») и метафоры. Эта многослойность требует от преподавателя особенно тщательного отбора и подготовки материалов [Ludke, 2009].

Среди современных музыкальных проектов, наиболее удачно воплощающих подобный принцип, выделяются такие исполнители, как YOASOBI и Ёнэдзу Кэнси, у которых каждая композиция – это диалог с литературным первоисточником. Так, например, дуэт YOASOBI успешно превращает новеллы с платформы monogatary.com в хиты, а Ёнэдзу Кэнси в своих песнях переосмысляет классическую японскую литературу – от произведений Миядзава Кэндзи и подросткового романа Ёсино Гэндзабуро «Как вы живёте?» до одного из популярных сюжетов ракуго.

Музыкальный дуэт YOASOBI, в который входят композитор и продюсер Аясэ и певица Икура, дебютировал в 2019 году. Их девиз «Novel into music» отражает концепцию превращения литературных произведений в песни [YOASOBI: сайт]. Многие композиции группы вдохновлены рассказами с платформы monogatary.com, где в свободном доступе публикуются работы молодых авторов. В своих интервью YOASOBI сами неоднократно упоминали, что данный принцип, заложенный в основу их творчества, помогает слушателям превратиться во внимательных читателей, которые одновременно могут наслаждаться двумя произведениями, пытаясь сопоставить сюжеты новелл и строки из песен.

Дебютная песня 「夜に駆ける」 *ёру ни какэру* «Уносясь в ночь» написана по мотивам новеллы Хосино Май 「タナトスの誘惑」 *Танатосу но ю:ваку* «Искушение Танатоса» [Monogatary: сайт]. На первый взгляд, здесь присутствует повествование о несчастной любви и смерти в виде олицетворяющего ее 死神

синигами «мрачного жнеца». Однако в сюжете новеллы упоминается одно важное социальное явление: главный герой работает в так называемой *ブラック会社* *буракку гайся* «чёрной компании» и описывает, как он измучен такой жизнью: «Для меня, работающего в очередной чёрной компании, проживающего жизнь в полном одиночестве, она была подобна ангелу, что спустился с небес». Таким образом, в любовную линию вплетается метафора невыносимого существования и работы в подобных организациях, доводящих людей до крайности.

Музыкальная композиция и текст произведения будут интересны учащимся с точки зрения поднимаемых философских, социальных и психологических проблем современного японского общества. Это позволяет адаптировать материал для разных уровней, поскольку в новелле присутствует большой пласт разговорной лексики и грамматика уровней N4–N3. Для дальнейшего обсуждения темы и освоения коммуникативной компетенции в рамках занятия рекомендуется использовать дополнительные новостные материалы с сайта NHK по социальным проблемам, затронутым в произведении, таким, как *過労死 каро:си* «смерть от переутомления», работа в «чёрных компаниях» и т. п.

Композиция 「あの夢をなぞって」 *ано юмэ о надзоттэ* «Вслед за тем сном» основывается на новелле Исики Соты 「夢の雫と星の花」 *юмэ но сидзуку то хоси но хана* «Капли мечты и звездные цветы» [Monogatary : сайт]. Это история любви со счастливым финалом. Произведение наполнено разнообразной синтоистской символикой, и студентам наверняка будет интересно ознакомиться с этой стороной жизни японцев. Помимо песни, существует также манга-адаптация и короткометражный фильм. Все эти материалы прекрасно взаимодополняют друг друга при прочтении оригинала.

Учащимся следует предложить сопоставить ключевые сцены в новелле, манге, клипе и фильме и обсудить с ними, например, особенности передачи синтоистской символики и ритуалов через визуальные медиа. Дополнительно можно провести небольшое исследование на тему празднования фестиваля фейерверков в Японии 花火大会 *ханаби тайкай* и выделить его описания в тексте. Также рекомендуется проанализировать отрывки о предвидении 予知 *ёти*, которое является стержнем повествования, и обсудить, как аналогичная тема раскрывается в других произведениях (например, в аниме «Твоё имя»).

В феврале 2022 года YOASOBI запустили проект 「はじめての」 *хадзимэтэ но* «Впервые», к которому четыре лауреата премии Сандзюго Наоки (Симамото Рио, Цудзимура Мидзуки, Миябэ Миюки и Мори Это) написали оригинальные рассказы, ставшие основой для новых песен группы [YOASOBI: сайт]. Все произведения были изданы в отдельной книге.

Песня 「海のまにまに」 *уми но мани мани* «По воле моря» основана на новелле Цудзимура Мидзуки 「ユーレイ」 *ю:рэй* «Призрак» и поднимает такие важные темы, как подростковое одиночество, школьный буллинг, дружба и обретение веры в себя [Синамото, Цудзимура, Миябэ, Мори, 2011]. Символика поезда, в котором ночью едет главная героиня, вероятно, является аллюзией на сказку Миядзава Кэндзи 「銀河鉄道の夜」 *гинга тэцудо: но ёру* «Ночь на Галактической железной дороге» (в русском переводе издана как «Ночь в поезде на Серебряной реке»), в которой лейтмотивом звучат темы жизни, смерти и перенесения утраты близкого человека. Более того, сопоставление текстов с клипами YOASOBI, полными символики, будет являться хорошим дополнением для дальнейшего переосмысления и обсуждения прочитанного.

В отличие от YOASOBI, которые фокусируются на современной литературе, другой популярный исполнитель, Ёнэдзу Кэнси, предлагает иной подход: он переосмысляет классические произведения, создавая диалог между традицией и современностью. Его песни, ставшие саундтреками к популярным аниме и сериалам, демонстрируют, как сюжеты литературы XIX–XX веков обретают новую жизнь в формате музыкальной лирики.

Являясь поклонником классической литературы [Ёнэдзу Кэнси *то бунгаку*: сайт], певец также посвятил одному из главных героев сказки Миядзава Кэндзи «Ночь на Галактической железной дороге» композицию под названием 「カムパネルラ」 *Кампанэрура* «Кампанэлла». Сюжет песни рассказывает о лучшем друге главного героя, Джованни, – мальчике по имени Кампанэлла, который пожертвовал собой, спасая своего товарища. В лирике есть прямые отсылки к тексту сказки: цветы горечавки, белые птицы и хвойные деревья, как символ памяти. Переосмысление сюжета оригинальной сказки происходит за счет обращения лирического героя (им может являться сам Джованни) к своему другу Кампанэлле, которому посвящена песня.

Сказка «Ночь на Галактической железной дороге» подойдет для чтения на средней и старшей ступенях изучения японского языка. Для учителя важно подготовить объяснение различных названий, к примеру, астрономических 南十字 *минами дзю:дзи* «Южный Крест», фитонимов 銀杏の木 *итё: но ки* «дерево гинкго» и флоронимов りんどうの花 *риндо: но хана* «цветы горечавки», а также символики, которая есть и в песне. Дополнительным материалом к оригинальной сказке послужит манга и русский перевод произведения, который интересно будет сравнивать с японским оригиналом. Закрепить знания предлагается с помощью просмотра и обсуждения

одноименной аниме-адаптации 1985 года режиссера Сугии Гисабуро.

Еще одним примером переосмысления классической японской литературы в творчестве Ёнэдзу Кэнси служит песня 地球儀 *тикю:ги* «Глобус» – заглавная тема аниме студии Ghibli «Мальчик и птица» (2023), созданного по мотивам подросткового романа Ёсино Гэндзабуро 「君たちはどう生きるか？」 *кимитати ва до: икиру ка* «Как вы живёте?» (1937). Роман о взрослении и самоопределении даст обучающимся важную пищу для размышлений о жизни и получаемом опыте, поможет лучше понять японскую ментальность [Ким, 2022, с. 80–84].

Текст произведения за счет вставок в виде писем, которые имеют тематические заголовки, строится по принципу «роман в романе». С учащимися можно проанализировать стилистику письменной речи, выделить клише и дать задание на написание собственного письма, адресованного другу. Существующая манга-адаптация может послужить «мостом» перед прочтением текста оригинального романа. Кроме того, допустимо предложить задание на сопоставление определенных эпизодов из манги и романа и, например, попросить проанализировать, как происходит визуализация размышлений главного героя.

Важным источником для анализа песенной лирики служит интервью музыканта, где Ёнэдзу Кэнси делится секретами создания песни «Глобус», рассказывает о своей любви к фильмам Миядзаки Хаяо и сам задается вопросом: «Как я жил до сих пор и как я буду жить дальше?» [Ёнэдзу, 2023, с. 48–51].

Помимо классической литературы в творчестве Ёнэдзу Кэнси присутствует обращение к другим жанрам. Примером служит композиция 「死神」 *синигами* «Мрачный жнец», основанная на одноимённом произведении ракуго. Сюжет песни

раскрывает тему жадности и противостояния судьбе. Материал знакомит учащихся с традиционным японским исполнительским искусством и его культурологическими аспектами.

В основе этого классического сюжета ракуго лежит адаптированная Санъютэем Энтё I сказка братьев Grimm «Смерть в кумовьях». Если в западной культуре принято изображать смерть как нечто трагическое или героическое, то в японской традиции к ней относятся философски или даже с юмором. Исполнители ракуго по-своему интерпретируют концовки произведения, но конечной целью всегда будет являться смех зрителя. Ёнэдзу Кэнси стилизует лирику под классический сюжет ракуго, в мелодии звучат старинные японские мотивы, а в тексте песни сохранено оригинальное заклинание из истории.

Отдельного внимания заслуживает визуальный ряд. В клипе певец уделяет много внимания деталям сценического исполнения ракуго, ведь песня была написана после посещения Ёнэдзу Кэнси одного из представлений, которое произвело на него огромное впечатление. Своим «выступлением» он в том числе отдает дань уважения Татэкава Данси – «одинокому гению ракуго» [*Ёнэдзу Кэнси ва «Синигами»*: сайт]. Демонстрация определенных движений во время снятия хаори, фирменные жесты, символика образов и аллюзии на оригинальную историю – все это делает клип отдельным цельным произведением со своими трактовками, которые могут помочь ученикам глубже понять сюжет. Оригинал сказки братьев Grimm для ознакомления также можно включить в материалы для домашнего чтения.

Разбор ракуго «Синигами» можно закрепить прослушиванием тематических подкастов, чтением адаптированной авторской манги [*Иппун дэ ёмэру. Манга дэ ракуго «Синигами»*: сайт], обсуждением символика образов в клипе

и эпизодом из аниме 「昭和元禄落語心中」 *Сёва гэнроку ракуго синдзю*: «Сёва-Гэнроку: Двойное самоубийство по ракуго» (2016).

Таким образом, работа с песенной лирикой YOASOBI и Ёнэдзу Кэнси на уроках японского языка открывает новые уникальные возможности для погружения в языковую среду. Подобные тексты, сочетая в себе поэзию, музыку и литературные отсылки, позволяют рассмотреть японскую культуру в многообразии ее проявлений – от философских и религиозных концепций до остросоциальных тем. Песня служит проводником между искусством и литературой: каждая композиция – это не просто учебный материал, а импульс для дискуссии, размышления и углубленного понимания японской культуры.

Указанный метод не только делает изучение языка более увлекательным, но и помогает развивать навыки структурного анализа предложений, понимание подтекста и запоминание лексики в контексте. Кроме того, работа с подобного рода материалами помогает преодолеть культурные стереотипы, предлагая рассмотреть живую многогранную картину японского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Воробьева, Л. А.** Аутентичный материал – цель и методы использования на занятиях по чтению по японскому языку / Л. А. Воробьева // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания : Материалы научно-методической конференции, Москва, 23–24 октября 2015 года. – Москва Ключ-С, 2016. – Выпуск 14. – С. 71–75. – EDN EOOLOI.
2. **Ёнэдзу Кэнси ва «Синигами»** («Мрачный жнец» Ёнэдзу Кэнси) // note.com : платформа. – URL: <https://note.com/canolaflower/n/n54f39ab5ce01> (дата обращения: 21.03.2025).
3. **Ёнэдзу Кэнси «Коно ё икиру ни агаи суру»** (Ёнэдзу Кэнси «Этот мир стоит того, чтобы жить») // SWITCH. Magazine for the new-journalism. – 2023. – Vol. 41, No 9 (September). – P. 48–51.

4. **Ёнэдзу Кэнси то бунгаку** («Кэнси Ёнэдзу и литература») // Kinokuniya : официальный сайт. – URL: <https://store.kinokuniya.co.jp/event/1728876675/> (дата обращения: 03.04.2025).
5. **Иппун дэ ёмэру. Манга дэ ракуго «Синигами»** («Синигами» – манга-ракуго для чтения за 1 минуту) // note.com : платформа. – URL: https://note.com/y_haiku/n/n43d2be2057e9 (дата обращения: 20.03.2025).
6. **Ким, Н. Н.** К вопросу о педагогическом значении романа Ёсино Гэндзабуро «Как поживаете?» в современной Японии, а также о возможности использования романа в преподавании японского языка / Н. Н. Ким // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания : Материалы 4-й международной научно-практической конференции, Москва, 10–12 марта 2022 года. – Москва : Ключ-С, 2022. – С. 80–83. – EDN YPJCTG.
7. **Ludke, K. M.** Teaching foreign languages through songs: Workbook / K. M. Ludke. – Institute for Music in Human and Social Development (IMHSD), University of Edinburgh. – 2009. – 41 p.
8. **Monogatary** : сайт. – URL: <https://monogatary.com> (дата обращения: 05.04.2025).
9. **Румак, Н. Г.** О расширении критериев отбора литературы для внеклассного чтения / Н. Г. Румак // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 4 (44). – С. 110–122. – DOI 10.25688/2076-913X.2021.44.4.11. – EDN IJOKLP.
10. **Сергеева, А. И.** К вопросу о преодолении боязни чтения японских иероглифических текстов / А. И. Сергеева // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания : материалы 2-й международной научно-практической конференции, Москва, 23–25 марта 2020 года. Том Выпуск 21. – Москва : Ключ-С, 2020. – С. 219–228. – EDN ENAVNB.
11. **Симамото, Р.** Хадзимэтэ но / Р. Симамото, М. Цудзимура, М. Миябэ, Э. Мори. – Токио : Суйринся, 2022.
12. **YOASOBI** : официальный сайт. – URL: <https://www.yoasobi-music.jp/> (дата обращения: 03.03.2025).

Ю. С. Клевенская

**ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЛИЧНЫХ
МЕСТОИМЕНИЙ ВТОРОГО ЛИЦА В ЯПОНСКОЙ
ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКЕ**

Аннотация: Многие современные исследователи говорят о явлении тю:сэйка (中性化), то есть постепенном нивелировании различий женской и мужской речи в японском языке. Тем не менее, ряд ученых отмечает, что в определённых дискурсах стереотипные представления о женской и мужской речи, продолжают культивироваться. Так, на рубеже веков к ним относили и жанр японской поп-музыки, в частности, песни о любви, где мужчины-исполнители традиционно применяли личное местоимение второго лица кими, в то время как женщины-певицы обращались к романтическому партнёру с помощью местоимения аната. Цель данного исследования – выяснить, сохраняется ли подобная дифференциация в современных песнях, или же поп-музыка также испытала на себе влияние тю:сэйка. В ходе исследования были проанализированы тексты наиболее популярных песен в мужском и женском исполнении разных лет. Материал отбирался в соответствии с ежегодными рейтингами музыкальных чартов, таких как Oricon и Billboard Japan.

Ключевые слова: японский язык, гендерная лингвистика, женская и мужская речь, система личных местоимений, тю:сэйка.

Y. S. Klevenskaya

**Gender differentiation of second person personal pronouns
in Japanese popular music**

Abstract: Modern researchers are exploring the phenomenon of chuuseika, in other words gradual levelling of the differences between male and female speech in the Japanese language. Nonetheless, certain scientists observe that on the contrary gender stereotypes of male and female speech are still cultivated in particular discourses. For instance, at the turn of the century Japanese pop music, especially love songs, was considered one of them, with male singers referring to their love interests with the personal pronoun “kimi”, while female singers opted for “anata”. The aim of the present research is to discover whether the same differentiation is still observed in modern pop music or was influenced by chuuseika. The research analysed most popular songs by male and female singers of different release years, selected according to the Japanese yearly song rankings provided by such platforms as Oricon and Billboard Japan.

Key words: *the Japanese language, gender linguistics, male and female speech, personal pronouns system, chuuseika.*

Ярко выраженная гендерная дифференциация японского языка вызывает повышенный интерес исследователей последние пятьдесят лет. Тем не менее, на всём протяжении своего развития подсистемы мужской и женской речи не являлись изолированными и чётко разграниченными. Зафиксированы многочисленные случаи взаимного проникновения элементов одной подсистемы в другую [Крнета, 2003]. Среди устойчивых характеристик современного состояния гендерной дифференциации японского языка выделяют тенденцию к *тю:сэйка*, то есть к постепенному нивелированию различий мужской и женской речи. Согласно Н. Д. Крнете, первые факты сближения мужской и женской подсистем наблюдались ещё в эпоху Мэйдзи (1868–1912 гг.) [Крнета, 2003, с. 135]. Во второй половине XX века в ответ на кардинальные перемены в японском обществе данная тенденция усиливается. В качестве одного из примеров можно привести результаты опроса, проведённого японской телерадиокомпанией NHK в 1980 году, согласно которым 68% респондентов считают, что женская речь стала грубее [Эндо, 2006, с. 86]. С другой стороны, засвидетельствованы факты проникновения элементов женской подсистемы в мужскую: например, модально-экспрессивная частица *ва* в конце предложения стала всё чаще встречаться в речи мужчин [Заболотнова, 2007]

При этом исследователи подмечают и обратное явление – намеренное поддержание и культивирование гендерных различий в речи в ряде дискурсов. Так, В. М. Алпатов выделяет рекламу и журналы, где в связи с адресностью и собирательностью образов мужчин и женщин сознательно применяются стереотипные черты мужского и женского речевого поведения [Алпатов, 2008, с. 141]. Также в наши дни гендерная дифференциация речи наравне с диалектными

особенностями и прочими языковыми явлениями служит источником для *якувариго*, то есть «ролевого языка», который применяется как в манге и аниме, так и в современной романистике и кинематографе для создания образов персонажей, их ярких и точных портретов за счёт всего нескольких реплик [Румак, 2023 с. 89].

На рубеже XX и XXI веков жанр популярной музыки, в особенности песни с любовной тематикой, также приводили в качестве примера намеренной культивации гендерных различий в языке. По результатам исследования К. Отиаи, опубликованного в статье «“*Ватаси*” *ни ва, утаэнаи, утаэтакунаи* “онна” *га ута*» (「わたし」には、うたえない、うたいたくない「女」がいた) в 2001 году, японские мужчины-исполнители традиционно применяли в своем творчестве личное местоимение второго лица *кими*, в то время как женщины-певицы обращались к лирическому собеседнику или романтическому партнёру с помощью местоимения *аната* [Цит. по: Алпатов, 2008, с. 142].

Цель данного исследования – выявить, продолжается ли культивация гендерных различий в японском песенном дискурсе на примере употребления личных местоимений второго лица *кими* мужчинами и *аната* женщинами, или же популярная музыка под влиянием *тю:сэйка* перестала быть жанром, активно поддерживающим гендерную дифференциацию японского языка. Предметом исследования выступают тексты популярных японских песен второй половины XX – первой четверти XXI века, которые отбирались в соответствии с рейтингами и музыкальными чартами разных лет, в том числе Орикон и Billboard Japan. Данный анализ представляется особенно актуальным в контексте подвижности японской системы личных местоимений и последних изменений в области гендерной дифференциации речи.

В японском языке личные местоимения могут отражать экстралингвистические факторы, такие как пол, возраст,

социальный статус говорящего или собеседника, а также степень близости между ними, наличие коммуникативного «преимущества» у одной из сторон или же уровень формальности ситуации. В качестве одного из оснований для разделения личных местоимений на группы можно выделить половую принадлежность говорящего. Встречаются как общеупотребительные местоимения, так и употребляемые исключительно или преимущественно мужчинами или женщинами. Следует отметить изменчивость японской системы личных местоимений: на протяжении истории часть местоимений вышла из широкого употребления (*сэсся* и т. д.), а некоторые сменили своё значение (*карэ*) или степень вежливости (*кисама*).

Так, личное местоимение второго лица *кими* «ты» произошло от существительного *кими* «господин, государь, князь», однако с течением времени утратило прежнюю высокую степень вежливости в связи с тем, что стало входить в широкий обиход [Крнета, 2020, с. 82]. В современном японском языке оно употребляется как фамильярное «ты» в адрес равному или же нижестоящему собеседнику. Исследователи также часто рассматривают его как преимущественно мужское местоимение. Тем не менее в наши дни *кими* распространяется в речи девушек и молодых женщин. *Аната*, напротив, считается более вежливым вариантом личного местоимения второго лица и, в связи с этим, приписывается к группе преимущественно женских местоимений, хотя и встречается в мужской речи при повышении формальности ситуации [Крнета, 2003, с. 49–50].

Для анализа диахронических изменений в употреблении личных местоимений второго лица в японских песенных текстах были выявлены наиболее популярные композиции 1964, 1984, 1994, 2004 и 2024 годов в соответствии с японскими музыкальными рейтингами и чартами Орикон и

Billboard Japan. Далее в процессе отбора были исключены песни иностранных исполнителей, а также песни японских артистов, в которых не встречаются личные местоимения второго лица. Также было учтено, что в тексте одной песни могли использоваться разные варианты рассматриваемых местоимений. Это объясняется как сюжетным замыслом (например, артист озвучивает слова и мысли других людей в тексте песни), так и составом исполнителей, будь то бой-бэнд, в котором один певец применяет *кими*, а другой *аната* (например, 嵐 – Hero), или же коллаборация артистов разного пола (например, Mrs. GREEN APPLE – ブルーアンビエンス (feat.asmi)).

Результаты исследования с учетом вышеизложенных факторов представлены далее в Таблице 1.

Таблица 1

**Результаты исследования личных местоимений
второго лица в японских популярных песнях**

Местоимение	Мужчины-исполнители		Женщины-исполнители	
	Кол-во	Проценты	Кол-во	Проценты
1964 год				
きみ	11 из 18	61,1%	–	–
あなた	3 из 18*	16,6%	12 из 13	92,3%
あんた	–	–	1 из 13	7,6%
おまえ	3 из 18	16,6%	–	–
きさま	1 из 18	5,5%	–	–
1984 год				
きみ	10 из 21	47,6%	2 из 19	10,5%
あなた	6 из 21	28,5%	17 из 19	89,4%
あんた	–	–	–	–
おまえ	5 из 21	23,8%	–	–
きさま	–	–	–	–

1994 год				
きみ	36 из 46	78,2%	8 из 30	26,6%
あなた	9 из 46	19,5%	22 из 30	73,3%
あんた	1 из 46	2,1%	–	–
おまえ	2 из 46	4,3%	–	–
きさま	–	–	–	–
2004 год				
きみ	60 из 65	92,3%	13 из 27	48,1%
あなた	5 из 65	7,6%	17 из 27	62,9%
あんた	–	–	–	–
おまえ	1 из 65	1,5%	–	–
きさま	–	–	–	–
2024 год				
きみ	44 из 57	77,1%	13 из 19	68,4%
あなた	16 из 57	28%	6 из 19	31,5%
あんた	2 из 57	3,5%	–	–
おまえ	1 из 57	1,7%	–	–
きさま	–	–	–	–

Как представлено в Таблице 1, в 1964 году ни в одной из песен женщин-исполнительниц не встречается местоимение *кimi*. Единственным исключением из общей тенденции к повсеместному применению *аната* является выбор его более фамильярной версии *анта* в композиции Сацуки Мидори «温泉芸者», лирической героиней которой является гейша с горячих источников в сельской глубинке.

Что касается певцов-мужчин, то выявленные в ходе анализа текстов песен три случая применения *аната* не противоречат тенденции к гендерной дифференциации местоимений 1960-х годов. Две песни Акиры Кобаяси носят юмористический характер. Например, в «恋の山手線» он применяет *аната*, говоря от лица типичной столичной

девушки своего времени и пародируя её увлечение шоппингом. Помимо женского местоимения *аната* в песне содержатся и другие элементы, характерные для женской речи, такие как *касира* в конце предложения. В песне Сатакэ Бабу «女心の唄», наоборот, серьёзными красками рисуется тяжёлая женская доля в ожидании настоящей любви.

Показательно также, что в статистике за 1964 год встречается не только более грубое личное местоимение второго лица *омаэ*, но даже ещё более сниженное по стилю *кисама* (Идзава Хатино – 男傘), причём вовсе не с целью оскорбить того, к кому обращается лирический герой песни, а лишь для создания мужественного и фамильярного образа.

В рамках данного исследования в 1984 году впервые в текстах песен популярных исполнительниц мы наблюдаем применение *кими*: у Мацуды Сэйко в «Rock'n Rouge», а также в версии *кимитати* в песне «君たちキウイ・パパイヤ・マンゴーだね» Накахары Мэйко. В остальных случаях употребляется *аната*, что составляет 89,4% от общего числа анализируемых песен.

У мужчин прослеживается большее разнообразие в выборе местоимений. Далее не встречается наиболее сниженное по стилю местоимение *кисама*, хотя следующее в градации по уровню вежливости местоимение *омаэ* используется в 23,8% случаев, в том числе в песнях о любви. Немногим обгоняя *омаэ*, вторым по популярности становится местоимение *аната* (28,5%), а в качестве наиболее частотного в мужской лирике по-прежнему остается *кими* (47,6%).

В 1994 году *аната* продолжает доминировать в женских песнях (73,3%), однако наблюдается рост случаев применения *кими*: в 8 из 30 отобранных композиций, что составляет 26,6%. *Кими* укрепляет свои позиции и в творчестве мужчин-исполнителей – количество песен достигает 78,2%. Местоимение *аната* по-прежнему занимает второе место по

частотности употребления – 19,5%, а *омаэ* начинает встречаться реже – в 4,3% случаев.

Данная тенденция продолжается и в 2004 году: использование *кими* мужчинами достигает своего пика (92,3%) в рамках данного исследования, а число песен, в которых мужчины-исполнители выбирают *аната* и *омаэ*, значительно снижается. Случаев употребления *кими* женщинами также становится все больше – 48,1%, хотя первенство все ещё остается за местоимением *аната* (62,9%).

Статистика за 2024 год демонстрирует как развитие тенденций предыдущих десятилетий, так и новые явления в системе личных местоимений в японских песнях. Прежде всего, в песнях женщин-исполнительниц, вошедших в Hot 100 Billboard Japan, чаще наблюдается *кими* (68,4%), чем *аната* (31,5%). В пользу процесса постепенного сближения женской и мужской речи выступает также увеличение частотности *аната* в песнях популярных вокалистов-мужчин в противовес гегемонии *кими* в начале XXI века (например, King Gnu – SPECIALZ, Mrs. GREEN APPLE – Soranji и др., Кэнси Ёнэдзу – さよーならまたいつか! и KICK BACK, Official 髭男 disarm – ミックスナッツ, Vaundy – 踊り子).

Таким образом, можно заключить, что разграничение личных местоимений второго лица *кими* и *аната* в мужских и женских песнях ярко проявлялось в 1960–1980-е годы, однако в 1990-е местоимение *кими* начинает всё чаще использоваться японскими певицами и в 2024 году в популярных песнях с женским вокалом встречается даже чаще, чем *аната*. Вместе с этим отметим, что, хотя *кими* всегда являлось наиболее частотным вариантом в песенных текстах исполнителей-мужчин, возможности выбора у них оставались шире, чем у женщин. Так, достигнув пика употребления на рубеже веков, частотность *кими* начала снижаться на фоне роста случаев

применения местоимения *аната* мужчинами. Более фамильярное и грубое *омаэ* стабильно встречалось от 1 до 5 раз в рассматриваемые годы, сохраняя за собой третью позицию по частоте употребления в песнях исполнителей-мужчин.

Анализируя применение личных местоимений второго лица, невозможно не обратить внимание на первое лицо. Интерес представляют диахронические изменения в использовании *боку* как в мужских, так и в женских песнях. У вокалистов-мужчин в 1964 и 1984 годах наблюдается как более мужественное и фамильярное местоимение *орэ*, так и более нейтрально-разговорное *боку*. Однако в 1994 и 2004 годах количество песен с местоимением *боку* у мужчин возрастает, и в текстах песен выстраивается устойчивая оппозиция *боку* – *кими* в качестве «я – ты» (например, Хираи Кэн – *思いがかさなるその前に* или Фукуяма Масахару – *It's Only Love*).

В рамках проведённого исследования применение женщинами традиционно мужского *боку* в популярных песнях было впервые зафиксировано в статистике за 1994 год. В первом случае в песне This Time «震える背中越しにさよなら» оно встречается в строках, которые исполняются дуэтом с вокалистом-мужчиной. Однако во втором случае в сольной композиции Накадзимы Миюки «空と君のあいだに» певица применяет не только *кими* для второго лица, но и *боку* для первого.

В 2004 и 2024 годах наблюдается дальнейшее проникновение местоимения *боку* в тексты женских песен не только в виде обозначения множественного числа *бокура* и *бокутати* (Утада Хикару – *誰かの願いが叶うころ*, Хамасаки Аюми – CAROLS), но и как альтернативы привычному женскому *ватаси* (например, Хамасаки Аюми – *Moments*, Хитото Ё – *ハナミズキ*, *Every Little Thing* – *また あした* и *一日の始まりに...*,

YOASOBI – 夜に駆ける, 群青 и 怪物). Вместе с тем в женских песнях наблюдается и *атаси*, более неформальная версия *ватаси*, характерная для женской речи (星街すいせい – ビビデバ, aiko – 相思相愛).

Отметим также, что в текстах песен 2024 года участились случаи применения певцами-мужчинами личного местоимения первого лица *ватаси*, что нарушает сложившуюся на рубеже веков пару *боку – кими* (например, Mrs.GREEN APPLE – ケセラセラ, Soranji и 青と夏, Кэнси Ёнэдзу – さよーならまたいつか!, Yuuri – ドライフラワー и др). Более того, зафиксирован единичный случай применения *атаси* вокалистом-мужчиной (Saucy Dog – シンデレラボーイ).

Таким образом, проследив изменения в употреблении личных местоимений второго лица в популярных японских песнях за последние шестьдесят лет, можно сделать вывод, что тенденция к строгой гендерной дифференциации *кими* и *аната*, характерная для 1960–1980-х годов, в XXI веке размывается и сходит на нет. Также, принимая в расчёт отмеченные в ходе исследования изменения в использовании местоимений первого лица, представляется обоснованным говорить об ощущении влияния *тю:сэйка* на дискрус японских популярных песен.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алпатов, В. М.** Япония: язык и культура / В. М. Алпатов. – Москва: Языки славянских культур, 2008. – 208 с. – ISBN 978-5-9551-0273-3.
2. **Заболотнова, М. В.** Специфика реализации гендерного фактора при переводе с японского языка: морфосинтаксический уровень: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: дис. ...канд. филол. наук / Заболотнова Марина Владимировна. – Челябинск, 2007. – 164 с.
3. **Крнега, Н.** Изменения в системе личных местоимений японского языка в XX в / Н.Д. Крнега // Труды института востоковедения РАН. – 2020. – № 29. – С. 81–89.

4. **Крнета, Н.** Мужская и женская речь в современном японском языке: специальность 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (японский язык)»: дис. ... канд. филол. наук / Крнета Наталия Драголюбовна. – Москва, 2003. – 158 с.
5. **Румак, Ю. С.** Ролевой язык «якувариго» в манге и аниме как объект перевода / Ю. С. Румак // Перевод как профессия, наука, творчество: материалы Всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием (Москва, 7–9 декабря 2022) / редкол.: Е. А. Похолкова, М. В. Полубоярова, К. И. Таунсенд. – Москва : Р. Валент, 2023. – С. 88–96.
6. **Эндо, О.** Культурная история японского женского языка (A Cultural History of Japanese Women's Language) / Ориэ Эндо. – Мичиган: The Center for Japanese Studies, the University of Michigan, 2006. – 139 с. – ISBN 978-1-9292-8039-1.

А. С. Коваленко

**МУЗЫКА И ТАНЕЦ КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ СЮЖЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ
АНИМАЦИОННОГО ФИЛЬМА «ИНУ-О: РОЖДЕНИЕ
ЛЕГЕНДЫ»)**

Аннотация: В статье представлен анализ анимационного фильма «Инуо: Рождение легенды» (2021) с акцентом на взаимосвязь музыки и танца с развитием сюжета. Исследование демонстрирует, как музыкальные и танцевальные элементы обогащают нарративную структуру фильма, служа важными средствами передачи эмоционального содержания и культурных ценностей. Кроме того, автор подчеркивает значимость данного анализа для формирования межкультурной компетенции у студентов. Понимание культурных кодов, представленных в произведении искусства, способствует углублению взаимопонимания и толерантности в условиях глобализации.

Ключевые слова: Культура Японии, театр «Но», диалог культур.

A. S. Kovalenko

**Music and Dance as auxiliary means for conveying the plot
(based on the animated film «Inuo: Birth of a Legend»)**

Abstract: This article presents an analysis of the animated film «Inuo: Birth of a Legend» (2021), focusing on the interplay between music and dance in the

development of the plot. The study demonstrates how musical and dance elements enrich the narrative structure of the film, serving as key means of conveying emotional content and cultural values. Additionally, the author highlights the significance of this analysis for fostering intercultural competence among students. Understanding the cultural codes presented in works of art contributes to a deeper mutual understanding and tolerance in the context of globalization.

Keywords: *Japanese Culture, Noh Theatre, dialogue of cultures.*

В настоящее время культурная идентификация важна как никогда. Е. Г. Тарева рассуждает о том, как применять инструменты «мягкой силы», чтобы обучать диалогу культур [Тарева, 2016]. Подобные инструменты помогают сформировать систему ценностей как у самих обучающихся, так и представить ее иностранцам, изучающим язык. Нургалиев И. Р. в своей работе поднимал вопрос о том, что межкультурные элементы бывает сложно внедрить в процесс обучения [Нургалиев, 2023], в связи с чем мы предлагаем рассмотреть анимационный фильм «Ину-о: рождение легенды» как средство способствующие развитию диалога культур и межкультурных связей.

Анимационный фильм «Ину-о: Рождение легенды» (2021) режиссера Масаки Юасы представляет собой яркий и многослойный художественный труд, который проливает свет на взаимодействие музыки и танца в контексте развития сюжета. Это произведение как никакое другое иллюстрирует национально-культурные компоненты, так необходимые для изучения восточной культуры [Воронина, 2021]. Это «изучение языка в культуре и культуры в языке» позволяет понимать языковые единицы... как результат культурного опыта японцев, как слова, отражающие культурную память носителей языка» [Смирнова, 2023, с. 208–209].

Возникая на стыке традиционной японской культуры и современных художественных тенденций, «Ину-о» не только увлекает зрителей визуальными и аудиальными образами, но

и служит мощным средством передачи социальных и эмоциональных смыслов. Музыка и танец в этом фильме выступают не просто как элементы фона, они становятся активными участниками повествования, формируя атмосферу, раскрывающую внутренний мир персонажей и подчеркивающую ключевые конфликты.

Анализ музыкальных и танцевальных элементов в «Ину-о» предоставляет уникальную возможность для исследования культурных кодов, закладывающих основу взаимопонимания между народами. А. Г. Фесюн отмечает, что для Японии в принципе в определённый период времени стало естественным использовать межкультурный переход, когда народы стали взаимодействовать между собой [Япония: цивилизации, культура, язык, с. 389]. Через призму этого фильма мы можем увидеть, как искусство служит универсальным языком, способным преодолевать барьеры и углублять понимание культурных традиций.

Цель данной статьи – проанализировать связь музыки и танца с развитием сюжета в анимационном фильме «Ину-о: Рождение легенды» и подчеркнуть важность этого анализа для формирования межкультурных связей и диалога культур. Мы рассмотрим, как музыкальные и танцевальные элементы не только обогащают сюжетную линию, но и создают контекст для дальнейшего диалога о культурных различиях, общих ценностях и эмоциональной выразительности.

«Ину-о: Рождение легенды» – это анимационный фильм, выпущенный в 2021 году. Фильм сочетает элементы фэнтези, музыки и традиционной японской культуры.

Для более глубокого анализа представим краткий пересказ сюжета анимационного фильма «Ину-о: Рождение легенды».

Фильм открывается со сцены во время периода Камакура (1185–1333) в Японии, сюжет затрагивает исторические

события минувших дней – войну Тайра и Минамото породившую в Японии легенды о том, что неупокоенные духи воинов Тайра остались в этом мире и мстят людям [Федянина, 2011, с. 118, 123–124]. Главный герой, Ину-о, – это мальчик с физическими аномалиями, который с юных лет сталкивается с жестоким обращением из-за своей внешности. Он сын известного представителя театра «Но» по имени Сампо, поэтому имеет тягу к танцам, музыке и публичным выступлениям. Его жизнь меняется, когда он встречается монахов, которые рассказывают ему истории о буддизме и о том, как важно найти свое предназначение.

Он использует свои недостатки как источник вдохновения, создавая уникальный стиль, который сочетает элементы традиционной японской музыки с более современными музыкальными и танцевальными жанрами, такими как рок, хип-хоп, брейкданс, контемп.

Музыка связывает Ину-о с культурными традициями и способствует созданию мощной эмоциональной связи с людьми. Однако по мере того, как его популярность растёт, возникают и трудности, такие как недовольство со стороны более консервативных элементов общества, в частности его отца и императора.

По мере развития сюжета мы узнаем, что его отец отдал душу Ину-о в обмен на популярность своей труппы, завладев таким образом песнями странствующих монахов, убивая их. Это и стало причиной внешнего вида Ину-о и того, почему он, исполняя песни погибших монахов, преображался, постепенно превращаясь в красивого юношу. В итоге отец Ину-о погибает от рук демона, с которым заключил сделку, а Ину-о чтобы спасти своего друга Томоно отрекается от своей труппы и становится актером классического театра «Но».

Работая над анализом данного произведения, мы хотели бы ответить на вопрос – как режиссёр при помощи музыки и танца передает личностное развитие Ину-о?

В начале истории преобладают традиционные японские мотивы в музыке и изображении. На примере незрячего Томоно, в будущем друга Ину-о, мы можем видеть этапы обучения музыкальному искусству бродячих монахов.

Когда на экране появляется отец Ину-о, император или монахи в кадре звучит традиционная японская музыка, для исполнения которой используются такие инструменты как кото, флейта хякухачи, сямисэн и т. п.

Когда Томоно и Ину-о встречаются и решают объединиться для исполнения истории воинов клана Хэйкэ с целью развеять проклятие Ину-о, мы можем наблюдать первые отличия. Сами герои, скорее всего, являются подростками, и не удивительно, что их выступления пропитаны бунтарским духом рок-н-ролла. Помимо того, что сама музыка звучит в данном жанре, визуально мы видим множество деталей, дополняющих этот образ. Например, Томона и другие музыканты обуты в гэта на высокой платформе, что в целом достаточно традиционно для Японии того времени, но явно отсылает нас к сапогам, которые носила группа «Kiss», отсылки на творчество которой мы еще встретим.

Томона не просто играет на биве, он забрасывает инструмент за спину как Джимми Хэндрикс и Стивен Вай.

Ину-о в свою очередь во время исполнения песни танцует брейкданс, который явно контрастирует с вымеренными движениями танца театра «Но».

По мере взросления персонажей и роста их популярности среди обычных людей формируется и образ труппы «Ару-дза». Можно сказать, что это своего рода название их группы, которое происходит от глагола «ару» и слова «дза», обозначающего театральную труппу. Сам Томоно говорит о том, что

это название обозначает, что «мы здесь, мы существуем и никуда не пропадем». Их костюмы становятся ярче, как и макияж. Монахи недовольно отзываются о Томоно говоря, что «он раскрашен как девушка легкого поведения, негоже так выглядеть!». Это отсылает нас к извечной борьбе между пожилым и молодым поколениями, непринятию самовыражения через визуальные образы, такие как одежда и макияж. Томона в поиске своего стиля часто носит макияж, отсылающий нас к вышеупомянутой группе «Kiss».

Во втором выступлении Ину-о и Томоно мы видим прямую отсылку ко всеми известному ритму, придуманному Фредди Меркури в песне «We will rock you». Можно проследить, что Масаки Юасой создает временную параллель с музыкой – подростковые годы Ину-о и Томона выражались через музыку 70-х, более старший период представлен музыкальными веяниями 80-х и 90-х годов, а также хип-хоп движениями в танце Ину-о.

Завершающее выступление Ину-о перед императором разительно отличается от предыдущих. Герои выросли, у них появились свои ценности. Ину-о избавляется от проклятья и имеет тело обычного человека, которое позволяет ему танцевать в стиле контемп, танцевальном жанре, который зародился в начале 00-х. Музыка так же претерпела изменения и стала отдавать поп-культурой, пик которой приходился на то же десятилетие.

Анимационный фильм «Ину-о: Рождение легенды» оказался не только захватывающей историей, но и важным объектом для исследования взаимосвязи музыки, танца и развития сюжета. В ходе анализа было установлено, что музыкальные и танцевальные элементы играют ключевую роль в формировании эмоциональной структуры картины, углубляя понимание внутреннего мира персонажей и обогащая сюжетные повороты. Эти элементы служат как

средства передачи культурных ценностей и традиций, так и инструментами для выражения универсальных человеческих переживаний. Мы видим, как творчески Масаки Юасой подошел к тому, чтобы показать историю развития театра «Но», сделав ее понятной и интересной для современного поколения.

Кроме того, понимание культурных кодов, заложенных в искусстве, способствует созданию более глубокого взаимопонимания и уважения в современном мире.

Таким образом, анализ анимационного фильма позволяет не только углубить знания о японской культуре, но и развить умение диалога культур, которые являются неотъемлемой частью современного образования. Мы надеемся, что результаты данного исследования вдохновят дальнейшие работы в этой области и будут способствовать более широкому признанию ценности искусства как средства культурного обмена.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Воронина, Л. А.** Роль национально-культурного компонента при обучении иностранному языку (на примере корейского) / Л. А. Воронина, С. А. Летун // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 49–56. – DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-49-56. – EDN ZIFZEN.
2. **Нурғалиев, И. Р.** О межкультурном подходе в обучении японскому языку: проблемы и перспективы / И. Р. Нурғалиев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2023. – № 10. – С. 98–101. – DOI 10.37882/2223-2982.2023.10.26
3. **Смирнова, М. А.** Лингводидактический потенциал анимэ и манга при обучении вежливому стилю японского языка / М. А. Смирнова // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания : Материалы 5-й международной научно-практической конференции, Москва, 16–18 марта 2023 года. – Москва : Ключ-С, 2023. – С. 207–212. – DOI 10.56700/Kluch.2023.64.68.020. – EDN QVYHZU.

4. **Тарева, Е. Г.** Обучение языку и культуре: инструмент «мягкой силы»? / Е. Г. Тарева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2016. – № 3 (23). – С. 94–101. – EDN WLSIZP.
5. **Федянина, В. А.** Концепция гневных духов в исторической теории монаха Дзиэн / В. А. Федянина // Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 118–126. – EDN NXCNHV.
6. **ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык** / Е. М. Османов, А. В. Филиппов, А. И. Габитова [и др.]. – Санкт-Петербург : Art-xpress, 2022. – 693 с. – (Issues Of Japanology = Вопросы японоведения № 9). – ISBN 978-5-4391-0801-5. – EDN WAJLUU.

Н. Крнета

ОБ ОПЫТЕ СОЗДАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА СРЕДНЕГО УРОВНЯ

Аннотация: *Приступая к созданию пособия, описывающего грамматику какого-либо языка, авторы решают для себя сначала теоретические, а потом практические вопросы. Теоретическими являются вопросы направленности создаваемого пособия (выбор между более теоретическим или практико-ориентированным подходом), целевой аудитории, объема материала. Практические вопросы включают в себя проблемы отбора материала, формы его подачи и структурирования, способы повышения наглядности и доступности информации, а также формы контроля степени усвоения материала. В данной статье описан опыт создания практической грамматики среднего уровня японского языка «Японский язык. Полная грамматика в схемах и таблицах» авторов Н. Крнета и Н. Г. Румак.*

Ключевые слова: японский язык, учебное пособие, практическая грамматика, средний уровень сложности.

N. Krneta

Creating an intermediate practical grammar of the Japanese language

Abstract: *When creating a textbook of grammar of a language, author faces both theoretical and practical issues. Theoretical issues include the defining the nature of the textbook (choosing between more theoretical or practical-oriented approach), the target audience and the volume of material. Practical issues*

include problems of selecting material, forms of its presentation and structuring, ways to improve the clarity and understanding of information, and forms of monitoring the degree of assimilation of the material. In this article we describe the experience of creating a practical grammar of the intermediate level of the Japanese language «Japanese language. Complete Grammar in Diagrams and Tables» by N. Krneta and N. G. Rumak.

Key words: *the Japanese language, textbook, practical grammar, intermediate.*

Обучение языку представляет собой непрерывный процесс, который можно поделить на условные этапы или уровни с целью облегчения классификации учебного материала, определения его оптимальных видов и способов подачи для данного этапа, оценки усвоенного объема знаний, создания опорных точек для лучшей ориентации в процессе обучения самих учащихся, что должно повышать их мотивированность и самоконтроль.

В самом общем виде принято выделять начальный уровень (англ. elementary, яп. 初級 *сёкю:*), средний уровень (англ. intermediate, яп. 中級 *тё:кю:*) и продвинутый уровень (англ. advanced, яп. 上級 *дзё:кю:*). Исходя из специфики требований, предъявляемых к объему и видам знаний и навыков, которые предполагается усвоить учащимся на каждом из этапов, разрабатываются и соответствующие учебные пособия.

Представленное в данной статье учебное пособие «Японский язык. Полная грамматика в схемах и таблицах» авторства Н. Крнета и Н. Г. Румак является практической грамматикой, предназначенной для среднего этапа изучения японского языка. Оно второе в серии одноименных пособий, в каждом из которых дается описание устойчивых грамматических конструкций, частей речи, морфологических и синтаксических конструкций и явлений японского языка начального и среднего уровня соответственно. Подобный подход при разделении изучаемого материала был обусловлен следующими теоретическими соображениями.

Граматику языка можно описать и презентовать в пособиях двух видов: теоретических и практических грамматиках. Их цели, задачи и способ изложения материала различаются. Целью теоретических грамматик является системное представление фонетики, морфологии и синтаксиса описываемого языка путем подробного представления его структуры, типологических особенностей, глубинных связей, языковых явлений, которые могут представлять собой языковые универсалии и т. д. Поэтому в таких грамматиках объектом описания являются не конкретные грамматические конструкции, а грамматические явления, такие как залог, наклонение, модальность и т. д., которые только иллюстрируются конкретными примерами и конструкциями. Язык и стиль изложения научный, язык описывается как целостная взаимосвязанная система без деления на уровни сложности. Примерами таких грамматик японского на русском языке являются «Грамматика современного японского языка» И. В. Головнина и «Теоретическая грамматика японского языка» В. М. Алпатова, П. М. Аркадьева и В. И. Подлесской. Целевая аудитория этих грамматик указана в их предисловии и описании: «Для студентов-филологов, аспирантов, преподавателей, всех изучающих японский язык» [Головнин, 1986, контртитул] и «...это учебник, предназначенный для студентов – лингвистов и филологов, изучающих японский язык...» [Алпатов, 2008, с. 5]

Практическая грамматика в форме учебного пособия предназначена для изучающих определенный язык, которые в массе своей не являются филологами, что обуславливает объем и способ подачи материала. Основная задача таких грамматик заключается в наглядном и доступном для понимания изложении материала с целью предоставления учащимся инструментария для понимания и анализа конкретных текстов и создания грамматически правильных текстов на

изучаемом языке. Поэтому во главу угла ставится описание форм конкретных грамматических конструкций и грамматических явлений, передаваемое ими лексическое и/или грамматическое значение, сочетаемость с другими частями предложения и частями речи. По объему представленного материала практические грамматики могут претендовать на то, чтобы быть всеобъемлющими, описывать выборочно грамматические явления разных уровней сложности или ограничиться попыткой разбора грамматики только определенного уровня. Если на японском языке общие практические грамматики существуют напр., [Нихонго бункэй дзитэн, 1999], то на русском языке подобные издания в одном томе представляются нецелесообразными, из-за их большого объема. Выборочные грамматики, такие как [Томамацу, 2015] представляются полезными для быстрого получения основной информации и обзора самых часто используемых конструкций. Их недостатком является то, что в силу самой своей природы (понемногу обо всем в ограниченном объеме), они годятся в качестве справочного материала, но не для комплексного изучения языка.

С нашей точки зрения, наиболее эффективными для обучающихся являются практические грамматики, в которых материал подобран в соответствии с уровнем знаний учащихся и требованиям, предъявляемым к тому объему информации, которую они должны освоить на данном этапе. Такой подход освобождает учащихся начального и среднего уровней от необходимости вычленения нужной на данный момент информации из большого объема другой, зачастую непонятной, облегчает их самостоятельную работу, делает их задачи и цели более ясными.

Одним из вопросов при создании практической грамматики определенного уровня является выделение тех конструкций и языковых явлений, которые должны быть описаны. В случае с

первым пособием в серии авторы опирались преимущественно на тот объем грамматики, который охвачен учебником Л. Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих» в двух частях, так как он является своего рода «эталонным» учебником для русскоязычных студентов японского языка. Для следующего пособия подход был изменен, и авторы основывались на грамматических явлениях, которые по большей части входят в уровень № 3 экзамена на владение японским языком Норёку сикэн и часть конструкций уровня № 2. Официального списка такой грамматики нет, так что были использованы различные справочные материалы, предназначенные для сдающих этот экзамен соответствующего уровня и экзаменационные материалы предыдущих лет. В дополнение были использованы японские грамматики, как общие, так и те, которые позиционировались как грамматики среднего уровня (напр., Удзихара, 2022, и Макино, 1995).

Материал в пособии сгруппирован в несколько разделов: грамматические конструкции, отглагольные и отыменные послелого, сложные глаголы, падежные показатели, заключительные модально-экспрессивные частицы и словообразовательные аффиксы. Каждый раздел, кроме модально-экспрессивных частиц и сложных глаголов, сопровождается упражнениями с ключами для проверки знаний учащихся и самопроверки. Внутри каждого раздела единицы расположены по порядку японского алфавита *годзюон*.

Структура разделов различается. В таблицах представлены сложные глаголы, падежные показатели, модально-экспрессивные частицы и словообразовательные аффиксы. Внутри таблицы приводятся значения, примеры употребления, а также даются комментарии. Грамматические конструкции и послелого, ввиду необходимости подробного объяснения значений, правил использования и сравнения с другими синонимичными конструкциями и послелогоми требовали

более наглядного представления. Поэтому каждая конструкция и послелог оформлены в виде отдельной статьи. Каждая статья имеет следующую структуру: заголовок (конструкция записанная хираганой и иероглифами, и ее перевод на русский язык), схема ее употребления внутри предложения с примером на японском языке и переводом его на русский, сочетание с разными частями речи, описание значения, указание на стиль в котором используется, а также отличия от синонимичных конструкций, примеры использования с переводом на русский язык. Например,

いっぼうで (一方で) [«с другой стороны», «а»; «и в то же время»]

A+一方で+B

父は家族を大切にする一方で、一人で時間を過ごすのを好んだ。

Отец дорожил семьёй и в то же время любил проводить время один.

△ V(3)+一方で (惜しむ一方で) / Aい+一方で (安い一方で)

Av な+一方で (静かな一方で)

N+の・である+一方で (学生の一方で・学生である一方で)

① В предложении приводятся два противоположных понятия, состояния, действия, которые происходят параллельно в одно время.

Деятель в придаточном и основном предложении может быть один, но это могут быть разные люди. Основное значение конструкции противопоставительное, но подразумевается, что указанные действия, состояния происходят одновременно.

② Деятель совершает два не связанных, но однотипных действий в одно и то же время.

1. 入学試験を合格する人がいる一方、落ちる人もいる。 Есть люди, которые успешно сдают вступительные экзамены в университет, а с другой стороны, есть и те, которые (экзамен) проваливают.

2. この商品は若者に人気な一方で、老人からの批評はあまりよくない。 Этот товар популярен у молодёжи, а отзывы пожилых не особо хорошие.

3. あの人は日本語を学ぶ一方で、韓国語も学んでいる。 Он учит японский язык, и в то же время изучает корейский язык.

4. 良夫君は春子と付き合う一方で、雪子ともデートをしていた。 Ёсио встречался с Юкико, и в то же время ухаживал за Харуко.

Все условные обозначения (А, В, V, А い и т. д.) расшифрованы с примерами в начале пособия. Там же даны и определения основных грамматических понятий, которые встречаются в объяснениях (например, глагол контролируемого действия, адресивные формы и т. д.).

На среднем уровне изучения языка учащийся уже не может получить весь объем необходимой информации от преподавателя. Количество самостоятельной работы возрастает пропорционально повышению уровня знаний. Данное пособие является одновременно и обучающим и справочным материалом, призванным облегчить ему эту задачу. Учащийся может наглядно ознакомиться с грамматическими единицами и проверить точность своего понимания сделав упражнения. Схематичность объяснений позволяет в более общем виде представить себе оформление и функционирование каждой единицы, а примеры использования конкретизируют предоставленную информацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алпатов, В. М.** Теоретическая грамматика японского языка. [В 2-х кн. Кн. I] / В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлесская. Российский государственный гуманитарный университет, Институт востоковедения РАН. – Москва : Наталис, 2008. – 560 с. – ISBN 978-5-8062-0291-9.
2. **Головнин, И. В.** Грамматика японского языка / В. И. Головнин. – Москва : Издательство Московского университета, 1986. – 317 с.
3. **Макино, С.** A Dictionary of Intermediate Japanese Grammar (Словарь грамматики японского языка среднего уровня) / С. Макино, М. Цуцуи. – Япония : Japan Times, 1995. – 760 с. – ISBN 978-4-7890-0775-7
4. **Нечаева, Л. Т.** Японский язык для начинающих. Часть 1. и Часть 2. / Л.Т. Нечаева. – Москва : Московский лицей, 2010. – ISBN 978-5-7611-0291-0, 978-5-7611-0489-1
5. **Нихонго бункэй дзитэн** (Словарь грамматических форм японского языка) / под редакцией Ю. Сунакава. – Токио : Куросио, 2023. – 620 с. – ISBN 978-4-87424-949-9.
6. **Томомацу, Э.** Донна токи до: цукау. Нихонго хё:гэн бункэй дзитэн (Когда и как использовать. Словарь грамматических форм и конструкций японского языка), 7-е изд. / Э. Томомацу, Дз. Миямото, М. Вакури – Япония : ALC Press Inc, 2015. – 531 с. – ISBN 978-4-7574-1886-8
7. **Удзихара, Ё.** Курабэтэ вакару. Нихонго хё:гэн бункэй дзитэн. Сёто:кю:хэн (Сравним чтобы понять. Словарь грамматических конструкций японского языка. Начальный и средний уровни) / Ё. Удзихара, Т. Киёсима и др. – Япония : Jрисати, 2022. – 208 с. – ISBN 978-4-8639-2562-5

А. В. Кудряшова, Н. Г. Румак

**О РАЗРАБОТКЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ПОСОБИЯ
К УЧЕБНИКУ Л. Т. НЕЧАЕВОЙ «ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК
ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ»**

*Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени
М. В. Ломоносова «Теория и практика преподавания иностранных
языков», номер ЦИТИС 122041400073-2*

Аннотация: *В изменяющихся условиях преподавания японского языка возникла необходимость разработки пособия, знакомящего начинающих преподавателей с методикой преподавания по ставшему уже классическим учебнику Л. Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих». Авторы, опираясь на собственный многолетний опыт работы с этим учебником, предлагают различные варианты применения его на занятиях в зависимости от количества часов и распределения обучения по аспектам.*

Ключевые слова: *методическое пособие, учебник, преподавание японского языка.*

A. V. Kudryashova, N. G. Rumak

**On creating a guideline for the textbook
by L. T. Nechaeva «Japanese language
for beginners»**

*The study was conducted under the state assignment of Lomonosov
Moscow State University № 122041400073-2*

Abstract: *In changing surroundings of Japanese language teaching necessity to create a guideline emerged in order to introduce methods of teaching Japanese language to freshly coming teachers using an almost classical textbook by L. T. Nechaeva “Japanese language for beginners”. The authors, using their own long-term experience of working with this textbook suggest different ways of work depending on the hours arranged for the discipline and division of classes into different aspects.*

Keywords: *guideline, textbook, teaching of Japanese language.*

Традиционно программа ОВЯ (японский язык) при работе на 1 курсе ИСАА МГУ предполагала 10 часов так

называемого «основного аспекта», 4 часа «устного аспекта» и 2 часа работы с носителем языка. В последнее время данное распределение было слегка изменено: 10 часов «основного аспекта» и 6 часов «устного аспекта». В данной статье речь пойдёт о преподавании «основного аспекта», преподаватели которого, в первую очередь, пользуются учебником Л. Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих» (в 2 томах) [Нечаева, 2019].

18 уроков в учебнике 1 части, рассчитанные на 250 часов аудиторных занятий (основы нормативной грамматики, 600 лексических единиц, 230 иероглифов), можно условно разделить на два блока: вводный (уроки 1–5), знакомящий учащихся с японской фонетикой и одной из двух азбук японского языка, и основной (уроки 6–18), объясняющий базовую японскую грамматику, лексику и иероглифику и предлагающий тексты и упражнения для отработки изучаемого материала. Уроки 2 части (уроки 19–30, 2000 лексических единиц, 360 иероглифов, рассчитана на 250 часов ауд. занятий) сохраняют структуру основного блока 1 части учебника.

При изучении уроков первого блока на один урок отводится по 2–4 аудиторных часа (это распределение зависит также от наличия или отсутствия сдвоенных занятий по 180 мин.). На занятиях (деление на аспекты на этом этапе не предусмотрено) преподаватель объясняет произношение японских звуков, делая упор на верную постановку артикуляционных органов, и показывает написание знаков японской азбуки *хирагана*, попутно вводя принципы японской письменности. Учебник предлагает фонетические тексты (набор лексических единиц, подобранных в соответствии с изучаемой графикой и фонетикой), лексику для запоминания, а также упражнения, направленные на отработку изучаемых правил.

В качестве дополнительных материалов учащимся предлагаются прописи, разработанные к данному учебнику

О. Р. Лихолетовой [Лихолетова, 2014], прописи в распечатках и т. п. Кроме того, для облегчения запоминания лексики, можно познакомить учащихся с простейшими грамматическими правилами, в первую очередь, построением определительных словосочетаний и конструкций с соединительным союзом **ТО** между существительными.

Особенность разрабатываемого пособия состоит в том, что для облегчения работы начинающих преподавателей в нём представлены различные дополнительные материалы (схемы, таблицы, иллюстрации) для адаптации сугубо текстовой информации, а также предлагается поминутная разбивка видов деятельности во время аудиторного занятия. Например, время первых двух уроков (90 и 90 мин.) предлагается распределить следующим образом (один из вариантов):

УРОК 1 (90 мин.)
РАБОТА В АУДИТОРИИ

1) Знакомство, «самопредставление» всех студентов, составление списка с ФИО и контактами – 15–20 мин.

2) Общая информация о формате занятий, требованиях, учебниках, тетрадях, значимости написания от руки, навыков запоминания информации и т.д. – 15–20 мин.

3) Разбор УРОКА-1:

* фонетика (гласные, долгие гласные, дифтонги, согласные) – §1-6 (10–15 мин) упр. № 1, № 4, № 7–10 мин.

* тонизация §7, упр. № 9 – 8–10 мин.

* понятие азбуки «кана», слоговой характер азбуки. Отработка навыков письма от руки – переписывание с доски в тетради всей азбуки в кириллице («годзю:он») – 20 мин.

* письменность – написание рядов А, КА § 9–10 – 15–20 мин.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

- переписать в общую рабочую тетрадь «годзю:он» в кириллической транскрипции,
- выучить порядок следования звуков «годзю:он»,
- прочитать текст №1 и словарь к тексту №1,
- прописать ряды А, КА по 3 строчки каждый знак.

УРОК 1-2 (90 мин.)

РАБОТА В АУДИТОРИИ

1) Контроль присутствия на уроке.

2) Проверка домашнего задания: (30 мин.)

Наличие общей тетради для работы в классе;

Наличие таблицы «годзю:он»; знание порядка следования звуков;

Чтение текста №1 устно по очереди;

Наличие прописанных рядов А, КА;

Прописывание у доски знаков рядов А, КА для закрепления.

3) Упражнения № 3, № 6, № 14 устно – 20 мин.

4) Упражнение № 12 письменно у доски (латиницей, кириллицей, хираганой) – 15 мин.

5) Разбор УРОКА 2, §1–9 – 25 мин.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

- повторить «годзю:он»;
- написать конспект §1 урока 2 в общей рабочей тетради;
- выучить наизусть слова из словаря к тексту № 1 и тексту № 2;
- прописать ряды СА, ТА по 3 строчки каждый знак;
- упр. № 1, № 4, № 9 (урок 2) устно.

Кроме этого, авторами пособия предлагаются примечания-подсказки по организации того или иного вида работ или регулирования времени занятия, например:

Занятия по основному аспекту часто бывают сдвоенными (два занятия в день по 90 мин.). В соответствии с этим можно перераспределить время, уделив внимание не только теории, но и практике. Так, для отработки фонетических правил можно в аудитории проработать упражнения, записанные кириллицей, включая упражнение № 9, где даны модели тонизации. Упражнения, записанные хираганой и латиницей, можно предложить прочитать вслед за преподавателем.

Наоборот, если занятие не сдвоенное (т. е. 90 мин.), практическую отработку можно сократить до минимума, оставив её в качестве домашнего задания и уделив этому внимание на следующем занятии.

Точно так же можно варьировать объём домашнего задания, исходя из объёма занятия и промежутка между занятиями: если первое занятие не сдвоенное, можно дать на дом первую часть заданий, а вторую проработать вместе со студентами на следующем занятии.

На следующем этапе (основной блок 1 части и 2 часть учебника) уроки строятся по единому шаблону: объясняется грамматический материал, снабжённый примерами; вводится новая письменность (в уроках 6–8 – азбука катакана и иероглифика, далее только иероглифика), предлагаются использующие новую грамматику, лексику и иероглифику тексты для чтения и перевода, снабжённые комментариями, и большое количество грамматических, лексических и иероглифических упражнений на подстановку, замену, перевод, установление соответствия и т. д.

На данном этапе занятия разделяются на указанные выше аспекты. Преподаватели «основного аспекта» больше внимания уделяют грамматике, лексике и иероглифике, преподаватели «устного аспекта» – диалогической речи, ролевым

играм, устной речи, устному переводу, ответам на вопросы и т. п. Для этого в каждом уроке учебника предусмотрены диалогические тексты, продолжающие тему урока, а также упражнения на развитие устной речи (описание картинки, ответы на вопросы, выступление по теме и т. п.).

Пример поминутной разбивки урока основного аспекта:

УРОК 7-2. ЗАНЯТИЕ 2 (посвящённое уроку 7, 90 мин.)
РАБОТА В АУДИТОРИИ

1. *Контроль присутствия на уроке. Сбор прописей. 2 мин.*
2. *Фонетическая разминка: проговаривание рядов годзю:он по разным интонационным моделям, скороговорки (хором, индивидуально), упр. № 1 (интонирование предложений). 5–10 мин.*
3. *Проверка устного домашнего задания: чтение на оценку текстов № 7-1 и № 7-2, упр. № 29. Проверка перевода текстов. Обсуждение речевого этикета (комментарии). 15–20 мин.*
4. *Отработка грамматики: устное выполнение упр. № 4–5, № 7, № 8 (выборочно), упр. № 9, № 11. 10–15 мин.*
5. *Выполнение иероглифических упражнений (см. пояснение выше) № 2–3, № 31–39. 10–15 мин.*
6. *Выполнение в тетрадях упр. № 27 (5–7 предл. по одной картинке на выбор). 10–15 мин.*
7. *Проверка (студенты по очереди устно зачитывают свои предложения, остальные по цепочке переводят на русский язык). 10–15 мин.*

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

- *обратный перевод текстов № 7-1 и № 7-2;*
- *письменный перевод упражнений № 12, № 15;*
- *подготовка к разбору иероглифов у доски.*

В пособии для уроков из основного блока также даются общие комментарии и пояснения к выполнению тех или иных заданий, например, упомянутое пояснение к иероглифическим упражнениям:

Рекомендуется подключать крупную моторику: «прописывать» иероглиф в воздухе, одновременно называя все его чтения и значения. Упр. № 25–28 можно также выполнять письменно у доски. Необходимо познакомить студентов с понятием «полный разбор иероглифа».

В методическом пособии планируется использовать большое число дополнительных материалов: схемы, таблицы, прописи, грамматические упражнения из японских и российских учебников [Стругова, Шефтелевич, 2002; Сёкю: нихонго, 1990], тексты для чтения из японских учебников и пособий [Таносий ёмимono, 2013], а также разнообразный иллюстративный материал из различных учебных пособий и сети Интернет [Маруяма, 1991]. Дополнительные материалы даются для большей наглядности, разъяснения, иллюстрации отдельных лексических, грамматических или иероглифических единиц, а также выделения значимых особенностей языка.

Для контроля усвоения материала регулярно проводятся лексико-иероглифические диктанты, контрольные работы, проверка домашних заданий у доски и в тетрадях, чтение и перевод текстов вслух, написание сочинений и изложений, устные выступления и т. п. Для этого используются рабочие тетради студентов, тетради для контрольных работ, тетради для сочинений. В методическом пособии приводятся примеры диктантов, самостоятельных и проверочных работ, дополнительных текстов, созданных авторами пособия, например:

ТЕКСТ НА КОНТРОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

(12 урок (фрагмент))

Каждое утро я встаю в семь часов. Я ем банан. Пью сок (ДЗЮ:СУ), а кофе (КО:ХИ:) не пью. Потом я слушаю новости по радио. В восемь часов я иду в институт. Обычно я еду на автобусе, но иногда еду на такси.

Занятия в институте начинаются в девять утра, а заканчиваются в три часа дня. До обеда мы занимаемся японским языком. В начале урока мы делаем упражнения на произношение. Потом учитель объясняет нам новую грамматику.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПРОВЕРОЧНАЯ РАБОТА

(22 урок (фрагмент))

Заполните таблицу:

предмет	перевод	глагол «снимать»	глагол «надевать»
одежды			
джинсы			
юбка			
свитер			
шляпа			

ГРАММАТИКА «ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ПОСЛЕЛОГИ»

(24 урок)

1. について - о, об, про
2. によって+V / による+N - в зависимости от
3. に向かって - в направлении
4. として - в качестве, в роли
5. にとって - для, касательно (кого-то)
6. において - применительно, касательно, о, в
*Служебное слово 通り - в соответствии, согласно
その通り - СОНО ТО:РИ - по, согласно
元通り - МОТО ДО:РИ - в первоначальном виде

Примеры (прочитайте и переведите на русский язык):

- 1.日本についていろいろな面白い話をしてくれました。
- 2.それは人によりますが、私はその方がいいと思います。
- 3.天気は日によってちがいます。
- 4.海に向かって座ると、きれいな景色がながめられます。
- 5.かれはPTAのメンバーとして会議に来ました。
- 6.一年生にとってこのテキストはむずかしいです。
- 7.ニューヨークにおいて会議が開かれました。
- *8.そのお寺は火事の後、元通りに建て直されました。

В настоящее время, в связи с изменением нормативов по распределению нагрузки на кафедре японской филологии ИСАА МГУ, часы «основного» аспекта перераспределены между преподавателями (8+2 часов в неделю). Это, в свою очередь, вынуждает преподавателей перестраивать работу по распределению материала. В таких условиях возрастает необходимость более тесного взаимодействия преподавателей разных аспектов, умение быстро переключаться между различными видами активности, тщательное планировать время на тот или иной вид деятельности. Так, например, написание контрольных работ может переместиться на занятия по «устному» аспекту, а проверка двустороннего перевода текста – на занятия по «основному» аспекту. В данных условиях наличие методического пособия, помогающего более четко и последовательно распределить время на разные виды учебной деятельности, представляется весьма актуальным.

Структура пособия включает в себя альтернативные варианты стратегии построения каждого из 30 уроков и богатый дополнительный материал в виде текстов, таблиц и схем. Разрабатываемое методическое пособие к учебнику Л. Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих» учитывает изменения в распределении нагрузки и предлагает пошаговый

разбор возможных подходов к использованию учебника с учётом выделяемого времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Лихолетова, О. Р.** Иероглифические прописи к учебнику Л. Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих»: учебное пособие по обучению японской письменности. / О. Р. Лихолетова. – 4-е изд. – Москва : Московский Лицей, 2019. – 43 с. – ISBN 978-5-7611-0483-9.
2. **Маруяма, К.** Сёкю:ся-но тамэ-но нихонго-но экё:дзай. (Иллюстрированные материалы по японскому языку для начинающих) / К. Маруяма – Киото, 1991. – 66 с. – ISBN-10.-4893-5815-70.
3. **Нечаева, Л. Т.** Японский язык для начинающих : учебник: в 2-х частях. Ч. 1 / Л. Т. Нечаева – Москва : Московский лицей, 2019. – 352 с. – (Авторский учебник) – 978-5-7611-0489-1
4. **Сёкю: нихонго рэнсю:** (Начальный уровень японского языка. Упражнения) / То:кё: гайкокуго дайгаку-фудзоку нихонго гакко: – 3-е изд. – Токио, Сансэйдо, 1991. – 332 с. – ISBN 4-385-40717-7.
5. **Стругова, Е. В.** Читаем, пишем, говорим по-японски. Уроки 1–20 : учебник: в 2-х частях. Ч. 1 / Е. В. Стругова, Н. С. Шефтелевич. – Москва : Муравей, 2002. – 368 с. – (Авторский учебник) – ISBN 5-8463-0062-6.

Н. В. Кутафьева

МОДУСНАЯ КАТЕГОРИЯ АППРОКСИМАЦИИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Данная статья посвящена анализу частиц, используемых для выражения значения приблизительности. С помощью модусной категории аппроксимации говорящий может выразить не только значение приблизительности, но и свое отношение к содержанию высказывания. Прекозитивные частицы, как правило, выражают нейтральное значение, посткозитивные частицы – субъективное отношение говорящего. Понимание значения частиц будет способствовать их правильному использованию студентами, изучающими японский язык.

Ключевые слова: японский язык, частицы, аппроксимация, модусная категория.

N. V. Kutafeva

**Modal category of approximation
in Japanese language**

Abstract: *The paper is devoted to the analysis of particles used to express the meaning of approximation. With the help of the modal category of approximation, the speaker can express not only the meaning of approximation, but also the speaker's attitude to the content of the sentence. Prepositive particles, as a rule, express a neutral meaning, postpositive particles express a speaker's subjective attitude. Understanding the meaning of particles will help students learning the Japanese use them correctly.*

Key words: *Japanese language, particles, approximation, modal category.*

Категория аппроксимации – модусная категория, с помощью которой говорящий может выразить свое субъективное отношение к содержанию высказывания и к окружающей действительности. С помощью аппроксимации можно выразить свои мысли неточно или приблизительно, аппроксимация связана с нежеланием (или неумением) человека прямо выражать свои мысли.

Категория аппроксимации выражается в основном лексическими средствами, т. е. используются объединенные инвариантной функцией выражения значения приблизительноности или приблизительноной оценки качества или количества в языке. Важно, что значение всех этих единиц языка направлено не на отражение реалий окружающей действительности, а на их оценку или интерпретацию говорящим субъектом в языке [Болдырев, 2005, с. 33].

В данном случае нас интересуют служебные слова, а именно, частицы в японском языке. Аппроксимация – модусная категория, тем не менее, по нашему мнению, внутри данной категории частицы, выражающие данное значение, можно разделить на две группы: нейтральные и субъективные. С помощью частиц первой группы выражается нейтральное значение аппроксимации, с помощью частиц второй группы

говорящий не только выражает приблизительное значение, но и выражает свое субъективное отношение к содержанию высказывания и к окружающему миру.

Рассмотрим нейтральные препозиционные частицы 約 *яку* и およそ *оёсо*, с помощью которых можно выразить приблизительное значение.

約 *яку* может использоваться в функции существительного со значениями «обещание; сокращение», например, на сервере Kotobank (это сервер, позволяющий искать термины во многих словарях. Он охватывает широкий спектр контента: от энциклопедий до биографических словарей, японских, англо-японских и японо-английских словарей, современных терминологических словарей и технических глоссариев, и информация регулярно обновляется) [URL: <https://kotobank.jp/dictionary/>] приведены словосочетания 約を交わす *яку-о кавасу* «заключать соглашение», 約を守る *яку-о мамору* «соблюдать обещание». Однако, в сбалансированном корпусе современного письменного японского языка (Balanced Corpus of Contemporary Japanese (BCCJ), [URL: <https://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/>] созданном государственным НИИ японского языка и Министерством культуры, образования и спорта, мы не нашли ни одного самостоятельного использования указанных выше сочетаниях. Как правило, 約 *яку* используется как морфема в составе слов 約束 *якусоку* «обещание, договор», 契約 *кэйяку* «контракт, договор», 予約 *ёяку* «предварительный заказ», 節約 *сэцуяку* «экономия», 要約 *ё:яку* «резюме, краткие выводы» и др.

Частица 約 *яку* является моносемантической и монофункциональной. Она выражает значение «приблизительно» и используется в препозиции к существительным с количественным значением. Использование данной частицы, очевидно, не

вызывает проблем, поскольку в справочниках и учебной литературе ей не уделяется особого внимания.

(1) 約 1 か月のあいだ雨が降った。Яку иккагэцу-но айда амэ-га футта. «Примерно в течение одного месяца шел дождь».

Частица *およそ* *оёсо* является полисемантической и полифункциональной. Как служебное слово она может использоваться в функции определения к существительному, при этом наблюдается транспозиция, частица переходит в разряд полнозначного существительного, в этом случае значение *およそ* *оёсо* близко к значению наречий *大体 дайтай* «в общем, в целом», *概略 гайряку* «в основном, в общем».

(2) 誰が真犯人か、およその見当はついている。Дарэ-га синханнин ка, оёсо-но кэнтю: ва цуйтэ иру. «У меня есть примерное представление о том, кто настоящий преступник».

Частица *およそ* *оёсо* может переходить в разряд наречий. В этом случае *およそ* *оёсо* используется в препозиции к глаголу в утвердительной форме, при этом значение *およそ* *оёсо* близко к значению наречия *すべて субэтэ* «все» или словосочетания *一般的に* *иппантэкини* *иттэ* «обычно так говорят».

(3) およそ食べられるものなら何でも食べます。Оёсо табэрарэру моно нара нан дэмо табэмасу. «Я ем все, что можно есть».

Частица *およそ* *оёсо* также может использоваться в препозиции к глаголу или предикативному прилагательному в отрицательной форме, в этом случае значение *およそ* *оёсо* близко к значению наречий *まったく маттаку* «совсем не», *ぜんぜん дзэндзэн* «совсем не».

(4) これはおよそおもしろくない本だ。Корэ ва оёсо омосирокунай хон да. «Это совсем не интересная книга».

В том случае, если частица *およそ* *оёсо* используется в препозиции к числительному, это синоним частицы *約 яку* «примерно, приблизительно».

(5) この機会はおよそ三百万円ほどするそうだ。 *Коно кикай ва оёсо самбьякуман эн ходо суру со: да*. «Говорят, что этот механизм стоит примерно 3 млн. йен». В данном примере используются две частицы со значением аппроксимации *оёсо* и *ほど* *ходо* [Хага и др., 1996].

Далее рассмотрим постпозиционные частицы *ほど* *ходо*, *くらい*/*ぐらい* *курай*/*гурай*, *ばかり* *бакари*, с помощью которых говорящий выражает свое отношение к содержанию высказывания и передает свои чувства относительно указанного количества.

Служебные слова *ぐらい* *гурай* / *くらい* *курай*, *ほど* *ходо* и *ばかり* *бакари* являются полисемантическими и, в частности, могут указывать на аппроксимацию и степень. При обозначении количества они являются взаимозаменяемыми.

(6) 海外旅行は十回ぐらい / ほど / ばかりしたと思います。
Кайгай рёко: ва дзю:кай гурай / ходо / бакари сита то омоимасу. «Примерно 10 раз съездил в заграничное путешествие».

Существуют варианты *ぐらい* *гурай* и *くらい* *курай*, связанные с позицией употребления в предложении. Если частица стоит после существительного, оно произносится и записывается как *ぐらい* *гурай*, если она следует после указательных местоимений *この* *коно* «этот», *その* *соно* «тот», *あの* *ано* «вон тот» – как *くらい* *курай*.

Частица *ほど* *ходо* является полисемантической и выражает значение степени и приблизительности.

При выражении степени частица используется после существительного или местоимения и передает значение «самая высокая или самая низкая оценка».

(7) クラスで、彼ほど勉強する人はいない。*Курасу-дэ, карэ ходо бэнкё: суру хито ва инай*. «В классе нет человека, который бы учился лучше, чем он».

При выражении приблизительности она используется после числительного (словосочетания с числительным) с количественным значением. При выражении приблизительного количества частица *ほど* *ходо* является более формальной по сравнению с *ぐらい* *гурай*, поэтому *ほど* *ходо* используется для выражения вежливости, а также в тех ситуациях, когда говорящий выражает просьбу и извинение.

(8) 電車の事故があつて、会社に30分ほど遅れそうです。 *Дэнся-но дзико-га аттэ, кайся-ни 30 пун ходо окурэсо: дэсу.* «Произошла авария на поезде, и я опоздаю в фирму примерно на 30 минут» (ситуация: звонок подчиненного начальнику) [Синнихонго..., 2002, с. 30-31].

Говорящий, используя приблизительное значение частицы *ほど* *ходо*, оставляет выбор для слушающего и, таким образом, смягчает свое сообщение

(9) りんごをください。 *Ринго-о кудасай.* «Дайте, пожалуйста, яблоки».

いくつですか。 *Икуцу дэсу ка.* «Сколько?».

五つほど。 *Ицуцу ходо.* «Примерно 5» [Нихонго..., 2001, с. 528].

Частица *ほど* *ходо* используется, в том случае, когда говорящий указывает некоторое значение, которое не превышает максимальный или минимальный предел.

(10) 駅まで歩いて30分ぐらいかかるそうですね。いいえ、そんなにかかりません。10分ほどでいきますよ。

Эки-мадэ аруйтэ 30 пун гурай какару со: дэсу нэ. Ииэ, соннани какаримасэн. 10 пун ходо-дэ икэмасу ё. «Говорят, что до станции пешком потребуется примерно 30 минут». «Нет, столько не потребуется. Примерно за 10 минут можно прийти».

Частица *ばかり* *бакари* может использоваться после числительных и существительных.

(11) – 時間ばかり待ってください。 *Итидзикан бакари маттэ кудасай*. «Подождите примерно один час пожалуйста»

При этом, как и в случае с частицей *ほど ходо*, говорящий не только указывает приблизительное количественное значение, но и смягчает свое высказывание.

(12) 1000円ばかり貸してくてませんか。 *1000 эн бакари каситэ курэмасэнка?* «Не мог бы ты одолжить мне примерно 1000 иен?».

После существительных частица *ばかり бакари* передает значение «одно и то же», усиливая значение существительного.

(13) ラーメンばかり食べていないで、野菜や肉も食べなさい。
Ра:мэн бакари табэтэ инайдэ, ясай я нуку мо табэнасай. «Не ешь одно и то же (рамэн), овощи и мясо тоже ешь».

Частица *ばかり бакари* может использоваться также после наречий со значением «немного»: *少し сукоси* «немного», *わずか вадзука* «всего лишь», *少々 сё: сё:* «немного».

(14) 来るのが少しばかり遅すぎたようだ。 *Куру но-га сукоси бакари ососугита ё: да*. «Похоже, приход был немного поздним. Похоже, (ты, он) немного опоздал».

Указанные служебные слова являются взаимозаменяемыми, тем не менее существуют семантические различия. Так, в работе Наоко Тино говорится, что, используя служебное слово *ぐらい гурай* «примерно», говорящий не акцентирует внимание на верхнем или нижнем пределе приблизительного количества [Chino, 2001, с. 75].

С помощью служебного слова *ほど ходо* говорящий акцентирует верхний предел приблизительного количества [Chino, 2001, с. 77]. Таким образом, приведенное выше предложение (6) можно перевести как «10 раз и не более съездил в заграничное путешествие».

С помощью служебного слова *ばかり* *бакари* говорящий напротив акцентирует нижний предел приблизительного количества [Chino, 2001, с. 78]. Соответственно, приведенное выше предложение (6) можно перевести как «не менее 10-ти раз съездил в заграничное путешествие».

А предложение (5) можно перевести как «Говорят, что этот механизм стоит примерно 3 млн. йен и не более».

Таким образом, в японском языке аппроксимация – это способ выражения приблизительного количества, который основан на использовании комплекса со значением точного количества перед которым препозитивно или за которым постпозитивно следуют служебные слова со значением «приблизительно».

Используя комплекс (частица + числительное или числительное + частица), говорящий смягчает высказывание, выражает просьбу или оставляет выбор за слушающим. Кроме того, с помощью различных служебных слов можно указать на верхний или нижний предел количества, либо не акцентировать на этом внимание, и таким образом выразить свои субъективные чувства.

Мы считаем, что использование разнообразных и многочисленных средств выражения приблизительного количества связано не только с языком, но и с культурой Японии, в которой одним из ключевых концептов является концепт *曖昧 аймай* «неясный, неопределенный, туманный, двусмысленный».

Кроме того, правильное понимание значения частиц будет способствовать их правильному использованию студентами, изучающими японским язык на продвинутом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Болдырев, Н. Н.** Категории как форма репрезентаций знаний в языке / Н. Н. Болдырев // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. к юбилею проф. Н. Н. Болдырева / отв. ред. Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова. – Тамбов : ТГУ, 2005. – С. 16–40. – ISBN 5890162012, 9785890162014.
2. **Balanced Corpus of Contemporary Japanese (BCCJ)** : сайт – URL: <https://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/> (дата обращения 04.12.2024).
3. **Kotobank** : сайт URL: <https://kotobank.jp/dictionary/> (дата обращения 09.02.2025).
4. **Нихонго бункэй дзитэн** (Словарь образцов предложений японского языка). – Токио : Курошио, 2001. – 693 с. – ISBN 4-87424-154-9 С 3081.
5. **Синнихонго-но тю:кю:. Кё:си ё: сидо:сё** (Новый учебник японского языка среднего уровня. Пособие для преподавателей: учеб. пособие / Association for overseas technical scholarship. – Токио : Сури:э:нэттова:ку, 2002. – 187 с. – ISBN 4-88319-232-6 С 0081.
6. **Хага, Я.** Аймайго дзитэн (Словарь неясных слов) / Я. Хага, М. Сасаки, М. Кадокура. – Токио : То:кё:до: , 1996. – 300 с. ISBN 4-490-10421-9 С 1581.
7. **Chino Naoko.** All about Particles: A Handbook of Japanese Function Word / N. Chino. – Tokyo, New York, London : Kodansha International, 2001. – 149 p. – ISBN 978-0-87011-954-5.

А. С. Лебединова

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО ЯПОНСКОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ ПРАЗДНИКОВ)

***Аннотация.** В статье рассматриваются современные подходы к преподаванию иностранных языков, акцентируется внимание на необходимости внедрения креативных методов обучения. Использование праздников как темы для занятий помогает интегрировать культурные аспекты и повысить мотивацию учащихся. Предлагаются практические рекомендации, такие как просмотр видео, мастер-классы и коммуникативные настольные игры, что способствует созданию увлекательной учебной атмосферы.*

Ключевые слова. тематические занятия, игровые методы, креативные методы, методика преподавания.

A. S. Lebedinova

**Practical issues of conducting thematic classes
in Japanese (on example of holidays)**

Abstract. *The article examines modern approaches to teaching foreign languages, focusing on the need to introduce creative teaching methods. Using holidays as a topic for classes helps to integrate cultural aspects and increase students' motivation. Practical recommendations are offered, such as watching videos, conducting master classes and playing communicative board games, which contribute to the creation of an exciting learning atmosphere.*

Keywords. *Thematic classes, game methods, creative methods, teaching methods.*

В современном вузовском образовании часто используются классические методы и технологии. Постоянная работа с учебником или фронтальные опросы становятся рутинной, которая угнетающе действует на студентов. Каждое занятие бывает не отличить от другого.

Это повышает важность эмоциональной разрядки как с точки зрения психологического комфорта студентов, так и с точки зрения повышения эффективности преподавания. Нельзя не отметить мнение И. Л. Бим, что «чем ярче, нагляднее, образней, ситуативней и мотивированней предъявление действия, тем эффективнее восприятие, внимание, первичное осмысление, запоминание» [Бим, 1988, с. 86].

Однако по мнению Е. Г. Таревой современный преподаватель для обучающегося – «проводник в глобальный информационный мир межкультурной коммуникации, инструмент для постоянного саморазвития, а также национального и глобального самоопределения» [Тарева, 2022, с. 210], он делает занятие интересным и увлекательным, что входит в понятие внутрипредметной интеграции [Гулиянц, 2017, с. 73]. Интеграция в целом является одной из основных тенденций в лингводидактике [Болотская, 2021]

Следовательно, важно реализовать различные новые технологии и методы, активизирующие деятельность студентов на занятии, увлекающие их.

Мы соглашаемся с А. С. Коваленко в том, что необходимо учитывать также то, что «изобилие игровых упражнений приводит к снижению мотивации обучающихся, преподавателю становится «нечем удивлять» и заинтересованность студентов падает» [Коваленко, 2020, с. 89].

Принимая во внимание вышесказанное, нам кажется, что наиболее всего для яркого проведения, реализации педагогической креативности и творческих идей подходят занятия, приуроченные к праздникам, отмечающимся как в России, так и в Японии.

Принимая во внимание вышесказанное, нам кажется, что наиболее всего для яркого проведения, реализации педагогической креативности и творческих идей подходят занятия, приуроченные к праздникам, отмечающимся как в России, так и в Японии.

Мы соглашаемся с упомянутой выше А. С. Коваленко в том, что «современный учитель иностранного языка должен черпать вдохновение для выполнения своей деятельности из реалий современного окружающего его и обучающихся мира» [Коваленко, 2023, 119]. Праздники сочетают в себе традиционное и современное, отражают культуру и быт Японии, что особенно важно при формировании социокультурной компетенции, означающей «знания о стране изучаемого языка (её культуре, традициях и национальных обычаях, верованиях и ценностных ориентирах)» [Григорьева, 2019, с. 253].

В данной статье мы бы хотели описать некоторые приемы, использованные нами в тематических занятиях, приуроченных к различным праздникам.

ПРОСМОТР ТЕМАТИЧЕСКИХ ВИДЕО

Одним из ярких и эффективных приемов может быть просмотр видео, соответствующих теме праздника. Это могут быть аутентичные, переводные или обучающие видеозаписи: в каждом типе есть свои преимущества и недостатки, выбор стоит делать в зависимости от уровня, нужд и предпочтений отдельной группы.

Аутентичные видеозаписи могут быть отрывками праздничных эпизодов аниме, кинофильмов, где демонстрируются реалии Японии, посвященные празднику. Например, рождественский эпизод аниме сериала «K-ON!» (реж. Наоко Ямада), где персонажи обсуждают ホワイト・クリスマス *ховайтто курусумасу* «белое, снежное Рождество», едят традиционные для этого праздника тортики со свежей клубникой. Также это может быть просмотр видеоклипов, например back number – Christmas song, где употребляется много лексики, связанной с зимой и Рождеством: 鐘が鳴る *канэ-га нару* «колокольчик звенит», 寒さが心地よい *самуса-га кокоти ёй* «приятный холод», 聖夜 *сэйя* «сочельник», т. д. Музыкальные композиции в целом будут благотворно влиять на атмосферу праздничного занятия.

Подобным примером музыкальной композиции является переводная песня из анимационного фильма «Кошмар перед Рождеством» (реж. Тим Бёртон) – This is Halloween. В ее японской версии большое количество актуальной тематической лексики – 不思議 *фусиги* «удивительный», 悲鳴 *химэй* «воплль», 鋭い牙 *сурудой киба* «острые клыки», 恐怖 *кё:фу* «ужас», т. д. Помимо создания красочных рабочих листов для отработки материала, интересным приемом будет сопоставление оригинального и переводного текста. Также студенты испытывают воодушевление, сопоставляя голоса озвучания.

Многие японские обучающие каналы (напр., Nihongo no mori [Нихонго-но мори], Akane-teki nihongo и др.) или каналы

языковых школ снимают видео, посвященные праздникам. Они актуальны с той точки зрения, что там показываются бытовые особенности их празднования. Например, описываются «виды шоколада» на День Святого Валентина (本命チョコ *хоммэй тёко* «шоколад для возлюбленного», 友チョコ *томо тёко* «шоколад для друга», 義理チョコ *гири тёко* «шоколад для вышестоящего», 逆チョコ *гяку тёко* «шоколад от юноши для девушки», 自分チョコ *дзибун тёко* «шоколад для себя»), т. п. Язык таких видео нередко упрощен, темп речи умеренный, что делает их более простыми к пониманию.

ПРОВЕДЕНИЕ МАСТЕР-КЛАССОВ

Еще один способ разнообразить тематическое занятие – проведение мастер-класса. Он должен быть увлекательным и легко воспроизводимым в условиях аудитории.

Мы предлагаем создание оригами, сопровождаемое видео руководством. Для этого не нужно большой подготовки: только бумага, в отдельных случаях еще клей и ножницы. Современные материалы предлагают не только классические фигурки, но и много милых, популярных мотивов.

Помимо деятельной составляющей, веселой атмосферы на занятии, создание оригами сопровождается указаниями на японском языке: согнуть, распрямить, перевернуть, т. д.

НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ

Коммуникативная настольная игра – хорошая активность для тематического занятия. Мы соглашались с А. В. Поляковой в том, что «играя, студенты проявляют больше внимания и заинтересованности, самостоятельности. Дидактическая игра позволяет снизить психологическое напряжение: исчезает скованность студентов, меняется их эмоциональный настрой. Игра способствует максимальному самораскрытию личности студентов» [Полякова, 2008, с. 97].

В нашей практике были использованы такие игры как J-роп 狩歌 *кару ута* «игра *карута*» [J-роп карута. Карута кихон сэтто] и «Да, Темный Властелин» [Правила игры «Да, Темный Властелин!»], проведенная на японском языке. В обоих случаях это официально изданные игры, их правила более подробно можно посмотреть на сайтах.

J-роп 狩歌 *кару ута* «игра *карута*» [J-роп карута. Карута кихон сэтто] состоит из колоды карточек-типичных слов, которые встречаются в песнях в жанре j-роп: あなた *аната* «ты», 時 *токи* «время; когда», 愛 *ай* «любовь», 心 *когоро* «сердце; душа», т. д. Они раскладываются по столу и включается подобранная преподавателем музыкальная композиция, не знакомая студентам. Студенты вслушиваются в текст и выхватывают карточки, когда звучит соответствующее слово. Можно играть как группа на группу, так и отдельно. Разумеется, есть вероятность, что студенты неправильно расслышат или пропустят слово, но это не мешает общей позитивной атмосфере.

Следующая настольная игра – «Да, Темный Властелин» [Правила игры «Да, Темный Властелин!»]. Изначально события происходят в мире фэнтези, игроки – слуги Темного Властелина, которые оправдываются за проваленное задание и перекалывают вину друг на друга, для опоры используя карточки. В случае тематического занятия, роль Темного Властелина исполняет преподаватель, а роль виноватых – студенты. Это может быть Санта-Клаус и Эльфы, Амур и Валентинки, король Эмма и Демоны (на *сэцубун*), т. п.

Правила игры могут сначала показаться запутанными, поэтому их можно предложить изучить заранее, попробовать сыграть на обычном занятии по японскому языку. Но на наш взгляд «Да, Темный Властелин» стоит временных затрат: в практике был случай, когда, студенты, вдохновившись применением на уроке, по собственной инициативе сделали

новогоднее издание игры, самостоятельно придумав, нарисовав и переведя карточки на японский язык.

КОСТЮМЫ

Креативные костюмы или аксессуары также могут поддерживать атмосферу тематического занятия. Например, на День Святого Валентина можно прийти в розовом или красном, надеть аксессуары со сладостями, на празднование Рождества – в карнавальных зимних костюмах, договориться соблюдать красно-бело-зеленый дресс-код. Общие черты у костюмов определяются заранее. На перерыве или после занятий может быть проведена фотосессия: общая увлекательная деятельность поспособствует развитию командного духа, сплочению группы студентов.

Таким образом, мы видим, какое разнообразие приемов может быть применено в рамках тематического занятия. Внедряя их, мы получали положительные отзывы от студентов, сами могли наблюдать, как активно проходил урок. Тематические дни позволят разбавить рутину, студенты смогут перевести дух, чтобы с большим рвением и заинтересованностью приступить к дальнейшим занятиям, активизируется запоминание и усвоение материала. Также в них можно включить ту деятельность, актуальную информацию о культуре и языке, которую не уместить в обычную пару в силу больших временных затрат или уместности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бим, И. Л.** Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: пробл. и перспективы : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / И. Л. Бим. – Москва : Просвещение, 1988. – 256 с.
2. **Болотская, К. В.** Интеграция на уровне высшего иноязычного образования: связь лингвистики и лингводидактики / К. В. Болотская // Новые тенденции лингводидактики: слово молодым ученым: сборник статей магистрантов и аспирантов / редкол. : Е. Я. Орехова,

- С. А. Герасимова, И. В. Макарова. – Москва : Языки Народов Мира, 2021. – С. 15–18. – EDN NGYCHK.
3. **Григорьева, Е. Я.** Становление лингвокультурологии как нового подхода к преподаванию языков и культур / Е. Я. Григорьева, Е. И. Черкашина // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания, Будапешт, 17–18 мая 2019 года / Российский культурный центр в г. Будапеште, Научно-исследовательский и методический центр русистики Университета им. Л. Этвеша. – Будапешт: Российский центр науки и культуры в Будапеште (Представительство Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества) в Венгрии), 2019. – С. 250–255. – EDN KWPVWQ.
 4. **Гулиянц, А. Б.** Применение интегративного подхода в профессиональной подготовке переводчиков в вузе / А. Б. Гулиянц, С. Б. Гулиянц // Интеграция в образовании: проблемы и пути решения, Чебоксары, 24 сентября 2017 года. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2017. – С. 71–75. – EDN YOBACV.
 5. **Коваленко, А. С.** Применение игровых элементов на занятиях по японскому языку в вузе в процессе формирования языковых навыков / А. С. Коваленко. // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания : [сборник] / Ассоциация преподавателей японского языка России и стран СНГ. – Москва : Ключ-С, 2020. – вып. 21. – С. 88–96. – EDN ZAUUJS.
 6. **Коваленко, А. С.** Элемент геймификации «боевой пропуск» как способ повысить мотивацию / А. С. Коваленко // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания : Материалы 5-й международной научно-практической конференции, Москва, 16–18 марта 2023 года. – Москва : Ключ-С, 2023. – С. 118–125. – DOI 10.56700/Kluch.2023.50.65.009. – EDN DVRZOM.
 7. **Нихонго-но мори** (Лес японского языка) : сайт. – URL: <https://nihongonomori.com/> (дата обращения: 09.04.2025).
 8. **Полякова, А. В.** Дидактическая игра на начальном этапе изучения японского языка в вузе / А. В. Полякова // Иностранные языки в школе. – 2008. – № 4. – С. 96–100. – EDN JXTNRX.
 9. **Правила игры «Да, Темный Властелин!»** : сайт. – 2025. – URL: https://hobbygames.ru/download/rules/Aye_Dark_Overlord_rules.pdf (дата обращения: 09.04.2025).
 10. **Тарева, Е. Г.** Учитель французского языка в новом лингвообразовательном измерении / Е. Г. Тарева // Романские тетради: Романия как цивилизационное понятие : Сборник научных статей / Отв. редактор

Л.Г. Викулова. Том 2. – Москва : Языки Народов Мира, 2022. – С. 209–218. – EDN FZPAOB.

11. **Akane's Japanese class** : сайт. – URL: <https://akanesenseijp.com/> (дата обращения: 09.04.2025).
12. **Ж-роп карута. Карута кихон сэгто** (Ж-роп игра карута. Основной сэт каруты) // Агэ то мэта. Хаquinel (Агэ и так далее: сайт. – <https://www.haquinel.com/works/caruuta-basic-set> (дата обращения: 09.04.2025).

А. В. Леленкова

**ОЦЕНКА ИЗУЧЕНИЯ АСПЕКТА «СОВРЕМЕННЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ» НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРАКТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПЕРЕВОДА**

Аннотация: *В данной статье рассматриваются вопросы оценки студентами изучения аспекта японского языка «Современный исторический текст» с точки зрения его актуальности и полезности для развития навыков перевода. Также отдельное внимание уделяется проблемам корректности перевода текстов специализированной тематики, и анализируются наиболее типичные ошибки.*

Ключевые слова: *японский язык, исторический текст, специализированная терминология, проблемы корректности перевода.*

A. V. Lelenkova

**Assessment of learning the «Modern historical text» course
in Japanese in terms of acquiring theoretical
and practical translation skills**

Abstract: *The paper examines the results of students' assessment of learning the «Modern Historical Text» course in Japanese in terms of its relevance and effectiveness for the translation skills improvement. The paper also focuses on the problems of making an accurate translation of texts on specialized issues. The most typical translation errors are also analyzed.*

Key words: *the Japanese language, historical text, specialized terminology, translation accuracy issues.*

Аспект практического курса японского языка «Современный исторический текст» преподается студентам 3–4 курсов, обучающимся по направлению «История Японии» на Кафедре японоведения СПбГУ. Данный аспект предусматривает чтение и работу с текстами исторической тематики. Предлагаемые к изучению тексты написаны на современном японском языке и посвящены различным вопросам истории Японии. При этом темы текстов охватывают очень обширный хронологический пласт – от доисторического периода (原始時代 *гэнси дзидай*) до новейшего времени (現代 *гэндай*).

Работа в рамках такого специализированного аспекта требует комплексного подхода в разработке методики преподавания и при определении целей курса. Действительно, цели обучения, которые ставит преподаватель при работе с историческими текстами достаточно разнообразны и варьируются от простого чтения и понимания сути текстов до перевода и анализа исторических документов и научно-исследовательских монографий. Однако в данной статье мы обратимся к трем основным целям и постараемся рассмотреть некоторые проблемы и вопросы, возникающие при отработке указанных навыков:

1. изучение исторической терминологии;
2. приобретение навыков работы с историческими исследованиями и их перевода;
3. приобретение навыков поиска и определения корректного перевода специализированных терминов и понятий [Леленкова, 2016].

Известно, что выполнение качественного перевода по специализированным темам предполагает не только хорошее владение языком, но и владение понятийным аппаратом. В случае с переводом текстов исторической тематики важны многие факторы: общая эрудиция, знание и понимание хода

истории и исторических процессов, национально-культурных особенностей народа конкретной страны (Японии) или региона, способность мыслить шире, а не просто передавать информацию, написанную в тексте, представлять общую ситуацию, видеть контекст событий, выявлять причинно-следственные связи и т. д.

Как утверждает американский лингвист и антрополог Э. Сепир, «язык не существует вне культуры, т. е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Цит. по: Попов, 2021, с. 175]. Также, согласно его мнению, культура являет собой то, что «данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают.....Соответственно, содержание языка неразрывно связано с культурой» [Цит. по: Попов, 2021, с. 175]. Исходя из этих размышлений, можно сказать, что, язык в некотором роде формирует особенности культуры того или иного народа. Следовательно, без знания культурного наследия нации сложно, а порой и невозможно понять смысл многих языковых явлений [Попов, 2021].

Такое же утверждение справедливо и для понимания смысла исторических реалий. Характерные черты развития истории государства и народа во многом определяют и языковые особенности исторической терминологии. И здесь часто возникает проблема корректности перевода того или иного термина или понятия в соответствии с историческими явлениями и реалиями конкретной страны, а также исторического периода. В связи с этим при переводе текстов заданной тематики необходимо, прежде всего, сформировать лексическую базу, опираясь на принятую в отечественной историографии терминологию.

Вполне естественно, что обучающиеся ещё не имеют достаточного количества знаний и опыта, чтобы быстро

ориентироваться в заданной для перевода теме. Для того чтобы составить общее представление проблем, связанных с выполнением корректного перевода исторических текстов, и способов их решения, был проведен опрос студентов. Респондентами выступили обучающиеся 3–4 курсов, и им было предложено ответить на следующие три вопроса:

1. С чем возникают наибольшие трудности при переводе текстов исторической тематики?

2. К каким материалам обращаетесь при поиске вариантов перевода определенной терминологии?

3. Что представляется наиболее полезным в изучении данного аспекта с точки зрения профессионального изучения японского языка?

Суммируя ответы на первый вопрос, мы пришли к выводу, что в ходе работы с историческими текстами основные трудности студенты испытывают при переводе отдельных лексических единиц, имен собственных, названий указов или законов, исторических событий, существующих социально-политических реалий и пр. Также возникают трудности с использованием соответствующей периоду терминологии.

С одной стороны, как отмечают респонденты, любое историческое событие связано с общим ходом истории, и оно лучше понимается, если быть достаточно эрудированным во всеобщей истории. Однако, с другой стороны, одних только общих знаний может быть недостаточно в вопросе перевода более детализированных явлений или событий из истории Японии. В таком случае возникает необходимость в более подробном ознакомлении с конкретной темой и, следовательно, углублении своих знаний по специальности.

Таким образом, студенты оценивают работу по переводу исторических текстов на японском языке сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, они отмечают полезность изучения

специализированной лексики и терминологии, которые не преподаются в рамках программы других аспектов. Вторых, работа над переводом подобных текстов стимулирует их обращаться не только к словарям или справочникам, но и к чтению большего количества различных учебных пособий и научных исследований в области истории Японии, что, в свою очередь, способствует их развитию в профессиональном смысле.

Стоит также отметить, что трудности с выполнением корректного перевода отдельных терминов или понятий возникают у студентов в основном при работе с текстами, в которых затрагиваются темы более ранних периодов истории Японии: древность, средневековье, раннее новое время, а также новое время. Для понимания, о чем идет речь, приведем несколько примеров.

Пожалуй, наибольшее количество студентов делает ошибку при переводе слова 豪族 *го:дзоку*, что означает «род» или «могучий род». Видимо, опираясь на исторические реалии европейских стран или англоязычную литературу, студенты ошибочно переводят этот термин как «клан». Такой термин вряд ли может быть применим к периоду древности истории Японии, так как термин «клан» в его историческом значении обозначает наименование рода у кельтских народов.

Также в содержании текстов, затрагивающих темы периода древности, часто используется словосочетание 階級分化 *кайкю: бунка*. Часто обучающиеся спешат переводить его как «классовое деление», что также является не корректным переводом в контексте реалий древнего общества Японии. В данном случае словосочетание лучше перевести описательно, например «появление социального расслоения» или «начало процессов социального неравенства».

Например, перевод таких терминов, как 大和政權 *ямато сэйкэн* – «государство Ямато», следует знать из общего курса

по истории Японии и не путать понятие *сэйкэн* в его современном значении – «политическая власть», «правительство», «администрация» и пр.

Что касается перевода конкретных указов, законов, социально-политических явлений, существующих систем и пр., то здесь рекомендуется обращаться к проверенным источникам и проверять, какие варианты перевода укоренились в русскоязычной историографии.

Например, систему 初期荘園 *сёки сё:эн* достаточно сложно перевести дословно. Однако, если знать и понимать исторический контекст, то данный термин можно перевести несколькими возможными вариантами даже с использованием дополнительного пояснения: «система раннего землевладения»; «поместное землевладение раннего типа» (частное землевладение придворной аристократии, буддийских монастырей, синтоистских святилищ).

Интересен пример ошибки в переводе названия закона 墾田永年私財法 *кондэн эйнэн сидзай-но хо:*, выпущенного в XVIII в., то есть в период средневековья в Японии. Студенты, которые пытаются перевести название закона дословно, не обращаясь к специализированной литературе на русском языке, ошибочно переводят его как «Закон о пожизненной приватизации целины». Очевидно, что современный термин «приватизация» (яп. 私財 *сидзай*) неприменим к исторической действительности средневековья, и обучающимся всегда следует учитывать реалии определенной эпохи. В русскоязычных источниках можно найти несколько наиболее подходящих вариантов перевода: «закон о праве вечного частного владения земельными наделами»; «закон о переходе неводеланных земель в вечную собственность» и др.

Как мы видим, при выполнении перевода текстов исторической тематики нельзя обойтись без изучения вопроса на

родном языке. Отвечая на второй вопрос о перечне материалов, используемых при переводе, большая часть респондентов (80%) отметила учебное пособие «История Японии» в 2-х томах под ред. А. Е. Жукова. Однако на втором месте по популярности ответов (70%) оказалась справочная литература из интернет-ресурсов (Wikipedia.org, Kotobank.jp), что указывает на то, что многие обучающиеся всё ещё предпочитают быстрый и легкий поиск информации обстоятельному и глубокому изучению материала. Примерно половина респондентов (40%) упомянула ещё одно учебное пособие «История Японии» под ред. Д. В. Стрельцова. Далее по нисходящей шкале в процентном выражении были обозначены монографии по истории Японии таких авторов, как М. В. Воробьев, А. Н. Мещеряков, М. В. Грачёв, Ю. Д. Кузнецов, Г. Б. Навлицкая, И. М. Сирицын, А. А. Гальперин, Л. Д. Гришелева, В. В. Кожевников и др. Представленный студентами список работ и их авторов, которые уже давно пользуются авторитетом в отечественном японоведении, указывает на то, что современные обучающиеся всё же осознают важность работы с качественной научной литературой для формирования понятийного аппарата.

С другой стороны, при ответе на вопрос об использовании конкретных материалов, некоторые студенты отметили, что порой они сталкивались с проблемой наличия нескольких вариантов перевода одного и того же явления, события, понятия и пр. в разных учебных пособиях.

В качестве примера можно привести разные варианты перевода названия правительственного учреждения периода Мэйдзи 北海道開拓使 *хоккайдо: кайтакуси* – «Комиссия по колонизации Хоккайдо» или «Комиссия по развитию (освоению земель) Хоккайдо». Единства мнений по переводу этого органа нет, но в то же время представленные варианты

переводов в равной степени корректны. Сам термин 開拓 *кайтаку* означает «освоение», «поднятие целины» и пр. Термин «колонизация» в данном случае, скорее всего, употребляют в значении «внутренней колонизации», что подразумевает процесс заселения и освоения пустующих земель своей страны. Таким образом, в случае возникновений сомнений относительно правильности употребления той или иной терминологии обучающимся рекомендуется обращаться также и к энциклопедическим или толковым словарям русского языка, где можно найти сразу несколько значений слов.

Наконец, рассмотрим результаты ответов студентов на третий вопрос, в котором обучающихся просят дать оценку аспекту с точки зрения его полезности при профессиональном изучении японского языка в целом.

Ответы	Популярность ответов в процентном выражении
Изучение специализированной лексики и терминологии по профилю подготовки (история Японии).	85 %
Приобретение и развитие навыка перевода японского текста специализированной тематики.	80 %
Изучение новых и повторение изученных грамматических конструкций в их контекстуальном применении в тексте.	30 %
Развитие культурной компетенции: аспект способствует расширению знаний и кругозора по истории и культуре Японии.	20 %
Знакомство с выдержками из текстов, написанных с использованием устаревших форм японского языка.	10%

В представленных ответах, помимо рассмотренных выше вопросов об употреблении специализированной лексики и расширении знаний по истории и культуре страны изучаемого языка, обучающиеся отметили важность изучения и проработки грамматических конструкций.

Действительно, согласно справедливому замечанию Л. Т. Нечаевой, «...тексты грамматически должны опираться на изученную грамматику, т. е. должен соблюдаться принцип **преимущества**, но также надо стремиться к **углублению и расширению** знаний студентов по грамматике, обращать внимание на новые нюансы употребления изученной грамматики и новые, ещё не изученные явления» [Нечаева, 2018, с. 170].

Например, основная грамматическая база, используемая в текстах исторической направленности, но написанных на современном японском языке, во многом идентична той, которая распространена в коммуникационной культуре. При этом понятие «коммуникационная культура» в данном случае включает в себя язык японских СМИ, научно-популярных статей, новостных репортажей, документальных передач и т. д. [Леленкова, 2021]. Из этого следует, что работа с современными историческими текстами также помогает углубить полученные на других языковых занятиях знания. Например, такой многосторонний подход способствует более твердому усвоению языкового материала общественно-политической или экономической тематики, пройденному в рамках занятий по аспектам «пресса» или «научный текст» [Борисова, 2017].

Подводя итог, можно сказать, что перевод текстов или информации исторической тематики требует, помимо аккуратного обращения с грамматическими правилами японского языка, тщательного ознакомления с темой на

родном языке, внимательности, вдумчивости, объективности и непредвзятости в изложении материала. Проверка фактических деталей и достоверности информации также всегда важны во избежание совершенных грубых ошибок, которые впоследствии могут привести к некорректному пониманию ситуации, событий, проблемы и пр. Поиск верного перевода побуждает студентов обращаться к учебным пособиям или монографиям на родном языке, что способствует углублению их знаний по истории Японии.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Борисова, А. А.** Формирование новой терминологии в современных текстах и проблемы преподавания аспектов «Пресса» и «Современный исторический текст» / А. А. Борисова, А. В. Леленкова // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания / отв. ред. Л. Т. Нечаева. – Москва : Ключ-С, 2017 – Вып. 16. – С. 34–43. – EDN YJXORT.
2. **Леленкова, А. В.** Вспомогательные методы изучения современных исторических текстов на японском языке с использованием ИКТ / А. В. Леленкова // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики / отв. ред. В. М. Панфилова. – Елабуга : Б.и., 2021. – С. 127–130. – EDN ZPPVIB.
3. **Леленкова, А. В.** Особенности работы с современными историческими текстами на японском языке / А. В. Леленкова // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания / отв. ред. Л. Т. Нечаева. – Москва : Ключ-С, 2016 – Вып.14. – С. 128–134. – EDN XXUWPV.
4. **Нечаева, Л. Т.** Критерии отбора текстов для перевода с японского языка на русский в группах с разным профилем обучения / Л. Т. Нечаева // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания / отв. ред. Л. Т. Нечаева. – Москва : Ключ-С, 2018 – Вып.17. – С. 167–174. – EDN WBEAII.
5. **Попов, Д. В.** Лингвокультурологический аспект взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры / Д. В. Попов // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики / отв. ред. В. М. Панфилова. – Елабуга : Б.и., 2021. – С. 175–177. – EDN VJLDVI.

С. М. Марков, В. В. Шумилова

**ХРИЗАНТЕМА (КИКУМОН) КАК СИМВОЛ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ЭТНИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ ЯПОНИИ**

Актуальность: актуальность данного исследования заключается в более глубоком понимании роли цветов (в частности хризантемы) в японской культуре и литературе, а также раскрытии разнообразия цветочной символики, которые имеют свои архетипы, связанную с историей страны. Цель работы – определить роль хризантемы-кикумон в формировании национальной идентичности японцев, проследить её историю и рассмотреть современное её использование. В ходе исследования были применены следующие общенаучные методы: анализ – для обзора информации на данную тему; индукция – для нахождения литературных произведений о хризантеме; конкретно-научные: сравнительный метод и аналогия – для анализа использования образа хризантемы в государственных символах страны восходящего Солнца. Было выявлено, что хризантема стала символом Японии ещё в древние времена. Она ассоциируется с национальной идентичностью и гордостью за свою страну, а в настоящее время используется в государственной символике Японии, включая герб, флаг и монету в 100 иен. Исследование подтвердило, что хризантема играет важную роль в государственной символике Японии и продолжает оставаться популярным символом, отражая глубокие культурные и исторические корни страны.

Ключевые слова: Япония, цветок, хризантема, кикумон, государственная символика, культура.

S. M. Markov, V. V. Shumilova

**Chrysanthemum (kikumon) as a symbol of state power
and ethnic culture of Japan**

Abstract: The relevance of this research lies in a deeper understanding of the role of flowers (in particular chrysanthemums) in Japanese culture and literature, as well as revealing the diversity of floral symbols that have their own archetypes associated with the history of the country. The purpose of the work is to determine the role of the kikumon chrysanthemum in the formation of the national identity of the Japanese, trace its history and consider its modern use. The following general scientific methods were used in the course of the study: analysis – to review information on this topic, induction – to find literary works about chrysanthemums; specifically scientific: comparative method and

analogy - to analyze the use of the image of chrysanthemums in the state symbols of the land of the rising Sun. It was revealed that the chrysanthemum became a symbol of Japan in ancient times. It is associated with national identity and pride in one's country, and is currently used in the national symbols of Japan, including the coat of arms, flag, and 100 yen coin. The study confirmed that the chrysanthemum plays an important role in the national symbols of Japan and continues to be a popular symbol, reflecting the deep cultural and historical roots of the country.

Keywords: *Japan, flower, chrysanthemum, kikumon, state symbols, culture.*

Вопрос о том, какие символы лежат в основе цветочной символики в Японии, остаётся открытым и может быть предметом дискуссии среди исследователей. Некоторые считают, что цветочная символика в Японии основана на древних традициях синтоизма, в то время как другие отмечают в ней проявление буддизма, в частности дзэн-буддизма [Марков, Маркова, 2018, с. 237]. Сложно сразу разрешить данную культурологическую дилемму, но ясно, что ответ следует искать в этническом восприятии мира и древней национальной культуре миропонимания.

В этой связи, верно заметил В. Г. Белинский: «У каждого народа две философии: одна учёная, книжная торжественная и праздная, другая – ежедневная, домашняя, обиходная... Тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи» [Белинский, 1953–1959]. Итак, какие народные традиции мы обнаруживаем в цветочной символике?

Суть дела в том, что сегодня мы оцениваем японские духовные практики как искусство, отличающееся своей уникальностью, но до периода Нового времени, эпохи так называемого «открытия страны», японцы не были знакомы с термином «искусство» в европейском его понимании. Книжный смысл искусства им был неизвестен, лишь в эпоху Мэйдзи появился термин «*гэйдзюцу*» для обозначения «искусства».

Если говорить о книжной культуре, то следует упомянуть японский «Путь», в европейской трактовке «Дао», заимствованный из даосской духовной практики, но переосмысленный на синтоистский манер [Марков, 2018]. В результате переосмысления рождаются исключительно японские «пути», среди которых мы выделяем «Путь цветов» (*кадо*). Для сравнения есть «Путь чая» (*садо*) и другие. Все они имеют свою внутреннюю логику или каноны, впрочем, одухотворенную религиозными традициями, считает японовед М. П. Герасимова [Герасимова, 2017, с. 63]. Хотелось бы отметить, что в пересечении китайской религии и местных традиций складывался особый язык «путей» и миропонимания: «...Изготовление чего бы то ни было становилось творческим актом (морально-религиозным – прим. авторов). Изготавливаемый предмет всегда был единственным в своем роде, неповторимым, как сама Природа, и воспринимался не только утилитарно, но и как образ, значимый сам по себе» [Герасимова, 2017, с. 64]. Иными словами, для японцев в «искусстве» главное «не-Я», а суть самой Природы (*синра бансё*). Лишь в конце XIX века японские духовные «пути» заметили и оценили европейцы. В частности, японские гравюры, известные как *укиё-э* стали использоваться в импрессионизме как картины «изменчивого мира».

Цветок в японской культуре – это не просто эстетическое восприятие, а национальный символ, пронизывающий все аспекты жизни («пути») от рождения до смерти. Его образ сопровождает японца от повседневного быта до сложных философских концепций и литературных произведений. Как заметил японский поэт Басё «Коль скоро ты видишь, то не можешь не видеть цветы... <...> Когда нет цветов в твоих мыслях, ты подобен дикому зверю» [Басё, 2011, с. 59]. В сборнике японской поэзии Манъёсю, или «Антология мириад

листьев», составленном в VIII веке упоминается 50 сортов цветов, в том числе хризантема.

В Японии каждый цветок ассоциируется с определёнными философскими понятиями и идеями как синтоизма, так дзэн-буддизма, в котором отражаются быт, традиции, религиозные и мифологические воззрения. Как нам представляется, изучение японской цветочной символики будет способствовать лучшему пониманию национальной специфики мировосприятия и ценностных ориентаций японцев. Это касается, как считает С. М. Марков, «книжных» терминов для понимания японской культуры. Так, «макото – синтоистское понимание истины, истинности, правды, реальности. Макото – философско-эстетическое понимание, лежащее в основе японской духовности, понимания мира сущего (Универсума), в гносеологии – постижение истинной сущности вещей (мира). Другая установка, связанная с макото, называется по-японски *бамбуцу иттай*, что в примерном переводе означает постижение всеобщей связи единичного в мире Единого» [Марков, 2022, с. 91–92].

Если вернуться к книжной культуре, то следует в «пути» цветов упомянуть хокку (хайку) – стихотворения в форме трёхстишья, где выражается целая комбинация ощущений: «от удивления и восхищения до умиления и сожаления, всегда выраженными в настоящем времени» [Герасимова, 2012, с. 229]. Например, «Видели всё на свете / Мои глаза – и вернулись / К вам, белые хризантемы» (Мацуо Басё) [Японские трехстишия, 1973, с. 204].

В период Хэйан (794–1185) хризантема приобрела статус государственного цветка страны. Она стала неотъемлемой частью императорского двора и японской аристократии. Богатые японские семьи часто устраивали «Пиршества хризантем», в процессах которых люди пили *кикудзакэ* (саке),

которое настаивалось на лепестках хризантемы. В японской бытвой культуре считалось, что желтая хризантема избавляет от несчастий, а белая – символ жизни и бессмертия. Бедняки устраивали *кику-авасэ* (яп. 菊合) – конкурс, в котором все желающие делились на две команды и соревновались в красоте принесённых ими хризантем [Мицкевич, 2023, с. 67].

Хризантема – один из самых знаменитых символов Японии, который играет важную роль в культуре и искусстве этой страны с древнейших времен, но только в период Эдо (1603–1868), то есть в эпоху рождения японского самосознания как особого этноса и этики чести самурая бусидо, она стала использоваться как особый знак императорской власти. Выбор был сделан в её пользу по разным причинам, прежде всего в период возникновения так называемого «японского духа» требовалась особая символика. В результате долгих поисков была выбрана хризантема, имеющая множество разновидностей по цвету и форме, что позволяло создать разнообразные изображения и орнаменты для обозначения власти и чести самураев, а также как символ долголетия и процветания.

Образ хризантемы в этот период можно было увидеть на каждой второй гравюре, фарфоровой посуде, одежде и предметах быта и интерьера. В первой половине XIX века зарождается традиция *кику-нингё* (яп. 菊人形 *kiku ningyo*) – уличная выставка хризантем и украшения ими могильных плит, ибо, как считали в те времена японцы, этот цветок символизирует бессмертие. Сейчас – это традиция превратилась в искусство создавать куклы из живых хризантем. Участники *кику-нингё* представляли на суд зрителей и прохожих своё искусство культивированных хризантем. В это же время, считает, японский историк Иэнага хризантема стала появляться в картинах ямато-э, написанных на *сёдзи* (дверях

или «перегородках» в доме) и *бёбу* или *бёбу-у*, то есть картины на складных ширмах [Иэнага, 1972, с. 87].

В мифологии хризантема считается символом солнца и богини Амаэрасу, главной богини всех синтоистских богов, более того, прародительницы японских императоров. Согласно древним мифам, хризантема так же, как лотос и ирис, имеет божественное происхождение. По легенде, бог творения Идзанаги, сбежав от старой злой ведьмы на землю, решил умыться в реке. Сброшенные драгоценности превратилась в цветы: браслеты в лотос и ирис, а ожерелье в золотую хризантему.

В эпоху Мэйдзи (1868–1912) император решив увековечить образ любимого цветка необычным способом; он учредил Высший Орден Хризантемы в двух степенях: Орден Хризантемы с цепью и Орден Хризантемы на Большой ленте. В императорском эдикте № 1 от 4 января 1888 г. указано, что Орденом Хризантемы с цепью «награждаются те, кто уже является обладателем Ордена Хризантемы на Большой ленте». Награждение им было предусмотрено только в отношении принцев императорской семьи, высшей аристократии, национальных героев и глав иностранных государств. При этом в случае государственных визитов в Японию иностранных суверенов Орден Хризантемы с цепью и Орден Хризантемы на Большой ленте иногда вручались одновременно [Орден Хризантемы / Портал о наградах, орденах... стран мира. URL: <https://onagradah.ru/orden-khrizantemy/#>].

В XX веке в Японии решили возродить символ хризантемы как знак государственной идеологии. Так, в годы Второй мировой войны была взята на вооружение новая модель боевого самолета, получившая название *сирогика* или *гекиоко* («белая хризантема»). Государственные чиновники надеялись, старые символы в новой обертке помогут им выиграть

несправедливую войну на Тихом океане. В современном понимании японцев хризантема – это символ богатой истории, культуры, традиций и ценностей страны. Она ассоциируется с осенью, долголетием и императорской властью.

Говоря о государственных символах, нельзя не упомянуть об истории создания государственного флага и герба, также непосредственно связанной с цветами. Впервые бело-красный символ был замечен в «Повести о Хейке», написанной в XII веке о самураях, которые, якобы, носили с собой белые веера с изображением солнца как талисман воина, о которой рассказывается в художественном эпосе «Ину-о: Рождение легенды» режиссера Масааки Юаса (2022).

С этнической идентификацией связано рождение японского флага, что было обусловлено открытием страны для международной торговли. С этой целью к середине XIX века жители «страны восходящего солнца» придумали свой отличительный знак: на белом полотне изображалось красное солнце с 16 лучами (что соответствует количеству лепестков у хризантемы), позже лучи убрали. В Японии его называют *кёкудзицу-ки*.

В основу изображения герба, как считает А. Н. Мещеряков, легло очертание императорской печати в виде хризантемы эпохи китайского влияния Хэйан (794–1185), что в переводе буквально означает «мир» [Мещеряков, с. 2003]. Правители времени зарождения самурайского сословия стали использовать хризантему как государственный символ (кикумон) мира и спокойствия. Что интересно, формально герб в Японии отсутствует, а вместо него используется рисунок хризантемы (кикумон). Его изображение есть на обложке японского паспорта, на зданиях официальных учреждений власти, монетах, памятных орденах в честь исторических важных событий.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что семантика цветов в японской культуре имеет свою внутреннюю логику или закономерности: символика цветов складывалась веками на основе легенд и истории страны, которая играет важную роль в понимании японской традиции и объясняет современное восприятие мира японцами. В 1869 году император Мэйдзи утвердил хризантему в качестве национального цветка Японии, а в 1916 году она стала официальным символом императорской семьи. С тех пор хризантема прочно вошла в государственную символику Японии и стала одним из самых узнаваемых её элементов в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Басё, М.** По тропинкам Севера / Мацуо Басё / пер. В. Марковой. – Москва : Азбука, 2011. – 62 с.
2. **Белинский, В. Г.** Евгений Онегин / В. Г. Белинский // ПСС: В 13-ти т. Том VII. – Москва, 1953–1959. – С. 431–472.
3. **Герасимова, М. П.** О специфике «японского» (красота мгновения, исчезающего в Вечности) / М. П. Герасимова // Япония : ежегодник / Российская акад. наук, Ин-т востоковедения [и др.] ; [гл. ред. Э. В. Молодякова]. – Москва : АИРО-XXI, 2012. – С. 223–238. – EDN YTRHED.
4. **Герасимова, М. П.** Имплицитность японского искусства. Причины и следствия / М. П. Герасимова // Японские исследования. – 2017. – № 4. – С. 62–79. – EDN ZXRJZZ.
5. **Иэнага, Сабуро.** История японской культуры / Сабуро Иэнага. – Москва : Прогресс, 1972. – 231 с.
6. **Марков, С. М.** Канон инь/ян в философии, традиционной китайской медицине и Дальневосточной культуре: мировоззренческий и методологический аспекты / С. М. Марков, Т. А. Маркова // Россия–Китай: история и культура : Сборник статей и докладов участников XI Международной научно-практической конференции, Казань, 18–20 октября 2018 года. – Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2018. – С. 231–238. – EDN ZBDHSX.
7. **Марков, С. М.** «Книга перемен» в духовной традиции дальневосточной культуры / С. М. Марков // Ученые записки Комсомольского-на-

- Амуре государственного технического университета. – 2018. – Т. 2, № 3 (35). – С. 35–40. – EDN MFYYUKT.
8. **Марков, С. М.** Макото и нихонга в романе Харуки Мураками «Убийство командора2: социально-этические принципы осмысления прошлого и настоящего / С. М. Марков / Интеллектуальная культура Беларуси: проблемы интерпретации философского наследия и современные задачи гуманитарного знания: В 2 т. Т. 2 / ИФ НАН Беларуси; редкол. А.А. Лазаревич [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2022 . – С. 90–93.
 9. **Мещеряков, А. Н.** Книга японских символов. Книга японских обыкновений / А. Н. Мещеряков. – Москва : Наталис, 2003. – 556 с. – ISBN 5-8062-0067-1
 10. **Мицкевич, А.** Исследование изображений растений на японском чайном сервизе / А. Мицкевич // Наука и инновации. – 2023. – № 7 (245). – С. 65–70. – EDN EGKUEF.
 11. **Орден Хризантемы** / Портал о наградах, орденах и медалях России, СССР и стран мира. [Электронный ресурс] // URL: <https://onagradah.ru/orden-khrizantemy/#> (дата обращения: 05.03.2025 года).
 12. **Японские трехстишия: Сборник** / пер. с яп. В. Марковой. – Москва : Худож. лит-ра, 1973. – 343 с.

М. В. Мишукова

ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ НА ПРИМЕРЕ ВИДЕОИГР: СУЩЕСТВУЮЩИЕ РЕАЛИИ И ВЫМЫШЛЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Аннотация: *В данной работе рассматривается проблема перевода выдуманной терминологии. Основываясь на закрепленных в практике способах перевода существующих реалий, а также на научных исследованиях, посвященных переводу вымышленных реалий, делается попытка характеризовать способы перевода вымышленной внутриигровой терминологии.*

Ключевые слова: *японский язык, перевод, выдуманные реалии, видеоигры.*

M. V. Mishukova

**Translation of specific terms as presented
in videogames: existing cultural terms
and specific terms**

Abstract: *The paper examines translation of newly created, specific terms. Based on existing strategies for translating cultural terms and other works on translation of newly created terms, the author attempts to list strategies that could be applied when translating game-specific terms.*

Key words: *the Japanese language, translation, cultural terms, videogames.*

Подготовка высококвалифицированных переводчиков подразумевает обучение работе с широким спектром текстов, начиная от юридических и заканчивая художественными. Последнее может похвастаться жанровой разнообразностью, благодаря чему в обучении их переводу нужно рассматривать все аспекты, с которым может столкнуться переводчик, например, перевод терминологической лексики [Гринев, 1982]. Если говорить о работе с японским языком, то, безусловно, нельзя игнорировать такой фактор, как японская языковая картина мира (далее – ЯКМ), отличная от европейской. Так, А. С. Коваленко поднимает вопрос важности учета ЯКМ при обучении японскому, но и вопроса перевода не может игнорировать данный фактор [Коваленко, 2023]. Культура безусловно находит свое отражение в картине мира, а значит при переводе художественного текста необходимо учитывать один из культурных аспектов – реалии [Язык, культура, социум: *essentia et existentia*, 2023].

Следует отметить, что реалии хоть и характерны для всех художественных текстов, жанр фэнтези, получивший распространение в массовой культуре, склонен включать выдуманные автором элементы истории. Таким образом, неизбежны столкновения с вымышленными терминами, будь то имена

собственные или авторские реалии (также именуемые авторскими неологизмами или квазиреалиями). Вопрос перевода выдуманных реалий с западных языков неоднократно рассматривался в работах ученых, а также среди восточных языков подобная тема получала огласку в контексте перевода с китайского языка [Вашкявичус, 2020]. Однако работы, посвященные переводу авторских реалий с японского языка, встречаются гораздо реже, несмотря на растущий интерес к японским новеллам, манга и играм жанров, которым характерна такая лексическая особенность. Дополнительно, согласно стандарту ЕМТ (European Master's in Translation), процесс обучения переводу должен способствовать «формированию у него [переводчика] способности проанализировать и обосновать свое переводческое решение» [Сулейманова, 2019, с. 313]. Умение не только адекватно перевести реалию, но и обосновать выбор стратегии, востребован на рынке переводов с японского языка. Также в результате прохождения профессиональной подготовки должна быть сформирована переводческая компетенция. Е. О. Гераймович отмечает следующую особенность перевода как творческого процесса: «перевод является одним из самых трудоемких и сложных видов человеческой деятельности, поскольку в его процессе происходит не механическая замена слов одного языка на другой, а перенос смыслов, которые обозначены этими словами» [Гераймович, 2023, с. 109]. Перевод в такой трактовке находит особенно большое проявление в вопросе перевода реалий.

Множество современных ученых и практикующих переводчиков говорят о необходимости проявлять переводческую креативность не только в выборе стратегии перевода диалогов, но и в выборе подхода к переводу специфичных имен собственных и авторских реалий. Так Суваннасанха отмечает

особенность перевода имен в серии игр «Ace Attorney» – все имена, встречающиеся в данной игре, происходят от японских слов или выражений, и поэтому для сохранения адекватности от переводчика потребовалось найти подход, который бы сохранил изначальную интенцию, но при этом звучал органично для аудитории, говорящей на английском языке [Suvannasankha, 2019, с. 59].

Изучение имен собственных и реалий нескольких японских компьютерных игр позволило заключить, что авторские реалии в зависимости от их письменной и фонетической составляющей можно классифицировать следующим способом:

- 1) термины, содержащие заимствование из менее известного аудитории иностранного языка;
- 2) термины, состоящие из сочетаний иероглифов, сложенных по смысловому компоненту. Получившийся термин интуитивно понятен японскому игроку, поскольку имитирует слова из категории *канго*;
- 3) термины, состоящие из нескольких слов с вариацией в формах. Степень простоты восприятия данной категории зависит от распространенности оригинального слова – подобные морфологические манипуляции естественны для языка, например, таким образом появилась часть неологизмов в период пандемии COVID-19 [ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык, 2022, с. 277];
- 4) термины с сочетанием нескольких слов разных частей речи;
- 5) термины, состоящие из сочетаний существительных *ваго*, *канго* и заимствований;
- 6) термины, содержащие отмеченное *окуриганой* альтернативное чтение при существующей иероглифической записи.

Такое разнообразие как письменной и фонетической составляющих, так и их источников, говорит о необходимости отдельно рассмотреть способы перевода авторских реалий с японского языка.

Проанализировав работы как отечественных, так и иностранных исследователей, мы считаем возможным рассмотреть следующую категоризацию стратегий перевода при работе с авторскими реалиями:

- 1) прямой перевод (калькирование);
- 2) описательный перевод;
- 3) транскрипция или транслитерация;
- 4) адаптация;
- 5) транскреация;
- 6) локализация.

Прямой перевод реализуется посредством перевода каждого из компонентов записи авторского термина. Применение данной переводческой стратегии актуально для всех видов терминов, однако прибегание к прямому переводу терминов определенной категории может привести не к достаточно адекватному переводу. Применение прямого перевода для слов, записанных азбукой *катакана*, поможет сохранить смысл, заложенный в этот термин автором, однако, неправильный выбор лексемы не исключает недопонимание или неверную трактовку. Дополнительно, прямой перевод слов *канго* может сделать термин слишком громоздким, а также, в зависимости от особенностей истории, перевод слов *ваго* или *канго* может лишить текст заложенной автором культурной окраски.

Описательный перевод подразумевает использование описания сущности явления в качестве перевода реалии. Данный перевод также актуален для всех видов терминов, но необходимо отметить, что излишне частая реализация данной

стратегии в рамках одного перевода может быть деструктивна: не исключено дальнейшее появление синонимичного термина – тогда новая лексема может вызвать необходимость либо изменить перевод старой, либо создать ассоциацию нового термина со старым. Также использование описания, подобно прямому переводу, стирает специфику реалии. К описательному переводу часто прибегают в случае, если термин требует лаконичной записи, но при этом не имеет короткого прямого перевода. В Dragon Quest XI локация под названием 冥府 *Мэйфу*: «Мир мертвых» получила перевод The Void «Пустота». Вероятно, решение опустить дополнительные аспекты оригинального термина обуславливается последующим объяснением – вскоре игрок узнает, что персонаж «находится в мире между живым и мертвым».

Под транскрипцией в качестве стратегии перевода понимается отражение звуковой составляющей реалии. Часто данная стратегия используется при необходимости сохранить соответствующий культурный окрас, и подобное имеет место быть и при работе над авторскими реалиями. Транслитерация, подразумевающая отражение письменной составляющей слова, может показаться странной для японского языка. Данная стратегия предлагается к использованию при переводе терминов, имеющих свои корни в другом иностранном языке, чья система записи уже позволяет реализовать транслитерацию. Однако частое прибегание к данным способам перевода на русском языке может привести к «засорению» произведения новыми словами и вызвать путаницу, поэтому рекомендуется избирательно подходить к их применению. Перевод с помощью транскрипции или транслитерации особенно характерен для терминов, содержащих альтернативное чтение. В таких случаях теряется смысловая составляющая, выраженная иероглифами, однако сохраняется задуманная автором

фонетическая особенность. Например, в «Tales of Vesperia» термин 魔導器 отмечен как реалия, имеющая чтение ブラスティア *бурасутиа*. В английской версии игры термин получил перевод «Blastia». Можно предположить, что отсутствие передачи смысловой составляющей иероглифов было компенсировано контекстуальным объяснением значения термина.

Предлагаемые нами последующие три термина – адаптация, транскреация и локализация – имеют несколько трактовок в контексте теории перевода. Мангирон и О’Хаган отмечают, что транскреация – более широкий термин по сравнению с локализацией, подчеркивая, что локализация как процесс состоит из работы с выданными строками текста, когда в транскреации имеет место быть контекст происходящего. По мнению исследователей, при транскреации получаемый в итоге перевод имеет большую вариативность, в то время как локализация направлена на унификацию. Термин «адаптация» ученые находят и вовсе «слишком расплывчатым» [O’Hagan, Mangiron, 2013]. Бернал-Мерино ставит под сомнение необходимость выделения адаптации и транскреации как самостоятельных стратегий перевода, подчеркивая, что термин «локализация» заменяет предыдущие два [Bernal-Merino, Miguel, 2015, с. 91]. Мы же считаем необходимым в работе с японским языком использовать все три термина, а потому предлагаем следующую их трактовку и место в классификации.

Под адаптацией подразумевается перевод компонентов записи с произведением функциональной замены или исключением одного из смыслообразующих элементов. Tales of Vesperia также содержит пример адаптации термина с альтернативным чтением. Например, один из типов ранее описанных предметов, 結界魔導器, имеющий в оригинале чтение シルトブラスティア *сирuito бурасутиа*, в английской версии игры

получил перевод «Barrier blastia». Функциональная замена первой лексемы объясняется специфичностью термина – данный предмет создает барьер, защищающий город от внешней угрозы.

В нашей классификации мы предлагаем использовать термин «транскреация» как создание перевода новой реалии на основе смысловых компонентов оригинального, например, значений иероглифов, использованных для записи термина в оригинале, или, для заимствованных терминов – поиск слова для заимствования, которое будет незнакомо целевой аудитории, однако сохранит смысловую составляющую и его стилистическую окраску. Среди японских видеоигр часто встречаются произведения, содержащие среди терминов или имен собственных множество «говорящих» имен. При переводе таких терминов нередко прибегают к функциональным заменам. Суваннасанха приводит в пример серию «Pokemon», а именно одну из эволюций начальных партнеров-монстров – теневого монстра по имени ブラックー буракки. В японском оригинале имя монстра является сочетанием слов ブラック буракку «тёмный» и ラッキー ракки «удачливый». Мы считаем, что примененную при переводе стратегию можно обозначить как «транскреацию». На английском данный монстр известен как «Umbreon». За основу нового имени было взято латинское слово *umbra*, означающее «тень» – термин, ссылающийся не только на внешний вид монстра, но и на его тип, отмеченный в переводе как «темный». Окончание *eon* означает «длинный период времени», отсылая к большой вариативности эволюции данного монстра. Сохранение иноязычного источника у переводного термина позволило передать содержащееся в оригинале ощущение иноязычного происхождения у имени [Suvannasankha, 2019, с. 61].

Локализацию мы предлагаем трактовать как перевод с отказом от смысловой составляющей, вложенной в запись оригинального варианта, и поиск новых лексем, с помощью которых эффективно реализуется как передача функциональной составляющей, так и выделение термина как особенного. Применение локализации как способа перевода авторских реалий можно отметить в играх, терминология которых была изменена с целью обогащения мира игры и упрощения восприятия терминов целевой аудиторией. В игре «Dragon Quest XI» примером локализации может выступить перевод термина 神の民 *Ками-но тами* «Божественный народ». Данный термин обозначает существ, проживающих на парящих в небе островах. Их основной деятельностью является наблюдение за людским миром. Можно предположить, что основой для переводного варианта – *Watchers* «*Наблюдатели*» – послужила именно их роль в сюжете. Дополнительно, выбор лексемы, родной для английского языка, повторяет реализацию термина в японском языке и позволяет сохранить простоту восприятия. Стоит отметить, однако, что локализация является не самым частотным способом перевода, поскольку настолько сильные замены могут производиться лишь с согласия авторов оригинального произведения. Все решения переводчиков описанной игры были одобрены издателем оригинальной версии.

Предложенная в этой статье классификация на данный момент применима только к переводу вымышленных реалий. Однако, как уже было отмечено ранее, Мангирон и О'Хаган распространяют транскреацию и на целые выражения. Исходя из этого, появляется необходимость рассмотреть в дальнейших исследованиях место транскреации как термина, обозначающего переводческую стратегию для текста, а вместе с этим

и в целом пересмотреть переводческие стратегии, реализуемые в процессе перевода с японского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Вашкявичус, В. Ю.** Проблема переводческих решений при передаче имен собственных (на материале китайских художественных текстов) / В. Ю. Вашкявичус, О. В. Павлова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2020. – № 3 (39). – С. 79–88. – DOI 10.25688/2076-913X.2020.39.3.09. – EDN RAUUSG.
2. **Гераймович, Е. О.** Грамматические навыки в составе профессиональной иноязычной переводческой компетенции студентов старших курсов языкового вуза (японский язык) / Е. О. Гераймович // Научный старт-2023 : Сборник статей аспирантов и магистрантов / Институт иностранных языков МГПУ. Том ЧАСТЬ 1. – Москва : Языки Народов Мира, 2023. – С. 109–112. – EDN AEOWOG.
3. **Гринев, С. В.** Терминологические заимствования (краткий обзор современного состояния вопроса) / С. В. Гринев // Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов : Академия наук СССР, Комитет научно-технической терминологии. – Москва : Наука, 1982. – С. 108–135. – EDN VUUPXZ.
4. **Коваленко, А. С.** Типология трудностей при обучении грамматическим конструкциям японского языка на начальном этапе в вузе / А. С. Коваленко // Научный старт-2023 : Сборник статей аспирантов и магистрантов / Институт иностранных языков МГПУ. Том ЧАСТЬ 1. – Москва : Языки Народов Мира, 2023. – С. 224–228. – EDN GXXWGI.
5. **Сулейманова, О. А.** Технологический аспект подготовки современного переводчика / О. А. Сулейманова, Э. В. Нерсесова, Е. М. Вишневецкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 7. – С. 313–317. – DOI 10.30853/filnauki.2019.7.67. – EDN CRHQIB.
6. **ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык** / Е. М. Османов, А. В. Филиппов, А. И. Габитова [и др.]. – Санкт-Петербург : Art-xpress, 2022. – 693 с. – (Issues Of Japanology = Вопросы японоведения № с9). – ISBN 978-5-4391-0801-5. – EDN WAJLUU.
7. **Язык, культура, социум: *essentia et existentia*** / Л. Г. Викулова, Г. А. Ермоленко, А. В. Жукоцкая [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Книгодел», 2023. – 152 с. – ISBN 978-5-9659-0278-1. – EDN PVASYI.

8. **Bernal-Merino, Miguel Á.** Translation and localisation in video games : making entertainment software global / Miguel Á. Bernal-Merino. Routledge, 2015 – 302 p. – ISBN: 978-1-138-80553-8.
9. **Game localization : translating for the global digital entertainment industry** / Minako O'Hagan and Carmen Mangiron [et al.] // Benjamins Translation Library, 2013. – 375 p. – ISBN 978-1-107-46909-9.
10. **Suvannasankha, E.** Open World Translation: Localizing Japanese Video Games for a Globalizing World / Emily Suvannasankha. – Текст : электронный // University of Central Florida, Honors Undergraduate Theses, 2019. URL: <https://stars.library.ucf.edu/honorstheses/464> (дата обращения: 28.13.2025).

Л. В. Никитина

ЯПОНСКАЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ТРАДИЦИИ

*Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени
М. В. Ломоносова «Теория и практика преподавания иностранных
языков», номер ЦИТИС 122041400073-2 и «История и культура стран
Востока; межцивилизационные контакты» номер ЦИТИС
122041300084-9*

Аннотация: *Статья представляет собой культурологическое исследование традиционной системы питания Японии, анализирующее процессы адаптации иностранных кулинарных элементов в японской гастрономической культуре. Основное внимание уделяется диалектике сохранения аутентичных пищевых практик и трансформации заимствованных блюд. В статье рассматривается: лингвокультурный феномен использования катаканы для обозначения иностранных блюд, процессы гибридизации в японской кухне, а также роль традиционных приправ как культурного фильтра при адаптации заимствований.*

Ключевые слова: *японская кухня, кулинарные заимствования, катакана, ферментация, мисо, эби, традиции, вкус, история, культура, приправа, карри.*

L. V. Nikitina

**Japanese gastronomic culture
and its traditions**

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University "Theory and practice of teaching foreign languages", No. 122041400073-2 and "History and culture of the oriental countries; contacts between civilizations" No. 122041300084-9

Abstract: *The article is a culturological study of the traditional food system of Japan, analyzing the processes of adaptation of foreign culinary elements in Japanese gastronomic culture. The main attention is paid to the dialectics of preservation of authentic food practices and transformation of borrowed dishes. The article considers: the linguacultural phenomenon of using katakana to denote foreign dishes, the processes of hybridization in Japanese cuisine, as well as the role of traditional seasonings as a cultural filter in the adaptation of borrowings.*

Key words: *Japanese cuisine, culinary borrowings, katakana, fermentation, miso, ebi, traditions, taste, history, culture, seasoning, curry.*

Актуальность изучения трансформации традиционных пищевых практик в современной японской культуре обусловлена их ключевой ролью в формировании социокультурной идентичности. Как подчеркивает в своих работах профессор А. В. Павловская, гастрономия как научная дисциплина исследует значение пищевых традиций в историческом контексте, их воздействие на ход исторических процессов, трансформационную функцию в кризисные периоды, а также региональную специфику формирования гастрономических моделей как маркеров культурной идентичности [Павловская, 2015].

В японском социокультурном пространстве система питания представляет собой сложный семиотический комплекс, выполняющий полифункциональную роль. Пищевые практики здесь дифференцируются по следующим основным категориям: повседневной, ритуальной (например, в обрядах

сэйдзин-сики или поминальных церемониях), праздничной (как в случае с *о-сэти рё:ри* на Новый год) или даже жертвенной (подношения в синтоистских ритуалах). Существуют также глубоко укоренённые представления о престижной (например, *фугу* или *мацутакаэ*) и непрестижной пище, её пользе или вреде для разных групп населения – детей, беременных, пожилых.

Феномен устойчивости гастрономических традиций в японской культуре представляет особый исследовательский интерес. Как и в других культурных системах, пищевые практики в Японии демонстрируют значительно более высокий уровень консервации по сравнению с иными элементами материальной культуры – такие как одежда (*вафуку* vs. западный стиль), жилище (*васицу* vs. современные апартаменты) или утварь. Однако и здесь происходят значительные, порой революционные изменения, особенно под влиянием глобализации.

Профессор Г. Г. Молчанова справедливо выделяет три ключевых аспекта, подтверждающих значимость пищи как культурного феномена:

1) Пища раскрывает и отражает характер народа, его повседневные практики и ценности.

2) Она служит индикатором уровня цивилизационного развития, демонстрируя адаптацию к природным условиям и творческий потенциал нации.

3) Национальная кухня позволяет глубже понять менталитет народа, проявляющийся в кулинарных предпочтениях и вкусовых традициях [Молчанова, 2013, с. 21].

В японском контексте эти тезисы особенно актуальны: от строгого сезонного принципа (*сюн*) до эстетики *ваби-саби* в сервировке – всё это отражает уникальный синтез природы, истории и философии.

Как отмечает А. Н. Мещеряков в своих работах, что японская система питания представляет собой уникальный пример диалектического единства консервативных и инновационных элементов [Мещеряков, 2020].

Как отмечает Готтлиб [Gottlieb, 2005] в работе «Language and Society in Japan», использование катаканы (カタカナ *катакана* «японский алфавит катакана») для записи заимствованных слов представляет собой уникальный лингвистический феномен японской культуры. Особенно показательным это проявляется в кулинарной терминологии, где даже глубоко ассимилировавшиеся блюда сохраняют графическую маркировку как «иностранные» [Iwabuchi, 2015].

Парадоксальным образом, некоторые блюда, ставшие неотъемлемой частью японской гастрономической традиции (например, カレーライス *карэ-райсу* «японский вариант риса карри»), продолжают записываться *катаканой*, что создает своеобразный культурный диссонанс между их фактической «японизированностью» и формальным указанием на иностранное происхождение.

Особый интерес представляет феномен гибридных кулинарных терминов. Ярким примером служит блюдо エビフライ *эби-фурай* «креветка в кляре», в названии которого органично сочетаются:

- исконно японский термин えび *эби* «креветка»;
- адаптированное английское слово フライ *фурай* от английского « *fry*» «кляр»).

Подобные гибридные формы отражают глубинные процессы культурной трансформации, когда заимствованная кулинарная технология (в данном случае – «жарка в панировке») использует традиционный японский ингредиент (креветки) и эта смешанная терминология создаёт новый, уникальный гастрономический феномен кулинарных терминов.

Ярким примером культурной адаптации служит феномен *тэмпура*, который, будучи португальским заимствованием XVI века [Cwiertka, 2006], стал неотъемлемой частью *васёку* – традиционной японской кухни, включённой в 2013 году в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО [UNESCO, 2013]. Сложный путь слова *тэмпура*, который, как уже говорилось выше, имеет португальское происхождение, но был полностью адаптирован к японским вкусовым предпочтениям и теперь уже воспринимается как «типично японское» блюдо.

При этом сам термин *тэмпура* сохраняет следы своего португальского происхождения (от лат. “*tempora*”), но полностью интегрирован в японскую кулинарную систему. Особого внимания заслуживает концепция *ваёсэнтю*.; эта концепция смешения японского и европейского. Даже в условиях глобализации сохраняются базовые принципы японской традиционной кухни: сезонность *сюн*, региональная специфика *мэйбуцу* и эстетика подачи блюд *итидзюю:-сансай*, что подтверждает тезис о «консервативной модернизации» [Hendry, 2003, с. 78] японской пищевой культуры.

Современная японская гастрономическая культура представляет собой удивительный синтез заимствований и местных традиций. Как отмечает Кумакура [Kumakura, 1999], даже такие, казалось бы, «чисто японские» блюда, как *короккэ*, имеют европейские корни, восходя к французским *croquettes*. Этот кулинарный феномен был адаптирован в период Мэйдзи (1868–1912 гг.), когда Япония активно перенимала западные технологии и кулинарные традиции [Cwiertka, 2006].

Не менее показателен пример *рамэна*, который претерпел значительную трансформацию после заимствования из китайской кухни в конце XIX века. Характерные особенности японского варианта включают: использование специфических

бульонов (*тонкоцу*, *мисо*, *сёю*), добавление характерных топпингов (например, *тясю*: – жареная свинина, которую добавляют в лапшу *рамэн*), специальная лапша.

Как отмечает Исиге, подобные адаптации демонстрируют уникальную способность японской кулинарной культуры трансформировать заимствования, сохраняя при этом собственную идентичность [Ishige, 2015].

Несмотря на активные заимствования, японская кухня сохраняет свою традиционную основу, особенно в области приправ и ферментированных продуктов. Центральное место среди них занимает *мисо*, технология приготовления которого включает: подготовку соевых бобов (пропаривание), добавление *кодзи-кин* и далее процесс ферментации занимает от 3 месяцев до 3 лет.

Региональные вариации *мисо* отражают: климатические особенности, доступность ингредиентов, локальные вкусовые предпочтения.

Технология производства *мисо* служит наглядной иллюстрацией того, как в современной японской гастрономической культуре осуществляется бережная ретрансляция традиционных практик. Примечательно, что приверженность историческим методам изготовления пищевых продуктов становится значимым фактором формирования доверия к компании-производителю. В японской пищевой индустрии особая ценность придается использованию архаичных, с точки зрения современной технологической парадигмы, методов и инструментария, если они обладают аутентичностью и позволяют воспроизводить продукт, максимально приближенный к его историческому прототипу. Данный феномен представляет собой специфический аспект диалектики традиции и инновации в актуальном гастрономическом дискурсе Японии.

Компании, придерживающиеся подобных принципов, как правило, приобретают широкую известность не только в

пределах своего региона, но и в национальном масштабе. Широко распространена практика, при которой японские туристы целенаправленно включают в маршрут своих путешествий дегустацию и приобретение локальных кондитерских изделий и приправ, обладающих выраженной территориальной идентичностью. Этим обусловлена особая внимательность гидов и составителей путеводителей к кулинарным брендам даже небольших населенных пунктов. Характерным примером может служить посещение туристами города Адзумино (префектура Нагано), где располагаются торговые точки компании «Маруяма мисо», специализирующейся на производстве *синсю-мисо* – разновидности рисовой пасты характерного темно-коричневого оттенка с утонченным вкусовым профилем, получившей общенациональное признание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная японская кулинарная культура представляет собой динамичное и многомерное явление, где многовековые традиции гармонично переплетаются с новыми тенденциями. Несмотря на активное проникновение глобальных гастрономических влияний, ключевая задача японской кухни остаётся неизменной – бережное раскрытие естественного вкуса продукта. Технологический прогресс и заимствование иностранных ингредиентов, безусловно, трансформируют облик японской гастрономии. В городах множатся заведения, предлагающие блюда китайской, корейской и европейской кухонь, особенно итальянской. Однако, как показывают исследования, японцы потребляют их дозированно, сохраняя верность национальным пищевым привычкам. Это подтверждается устойчивым спросом на продукцию, изготовленную по классическим рецептам: от семейных лавок до специализированных магазинов. Даже адаптированные зарубежные блюда

проходят строгий «отбор» – они должны сочетаться с рисом и традиционными приправами, такими как соевый соус, *мисо* или *васаби*. Таким образом, внешне Япония охотно принимает кулинарные новации, но они остаются лишь эффектной «надводной» частью айсберга. Его основание – глубокая, выверенная веками гастрономическая традиция, продолжающая определять вкусовые предпочтения японского общества. Как правильно выразился исследователь Рат, «глобальное становится локальным, а традиционное – современным» [Rath, 2016].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кумакура, И.** Бунка то сите-но сёку (Еда как культура) // И. Камакура – Токио : Иванами Сётэн. – 1999. – ISBN 978-4000265892.
2. **Мещеряков, А. Н.** Книга японских обыкновений. // А. Н. Мещеряков. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Наталис, 2020. – 544 с. – ISBN 978-5-86422-347-4.
3. **Молчанова, Г. Г.** Традиции гасистики как отражение национальной и региональной идентичности / Г. Г. Молчанова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 20–26. – EDN PZMKYX.
4. **Никитина, Л. В.** Культура питания современной Японии - единение традиций и новаций / Л. В. Никитина // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 3. – С. 144–153. – EDN LHWWGZ.
5. **Павловская, А. В.** Нужна ли нам наука о еде? / А. В. Павловская // Еда и культура : По материалам I Международного научно-практического симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира», Москва, 30 октября – 01 ноября 2014 года / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Центр по изучению взаимодействия культур. – Москва : Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. – С. 7–43. – EDN UXXGQL.
6. **Cwiertka, K. J.** Modern Japanese Cuisine: Food, Power and National Identity / K. J. Cwiertka. – London : Reaktion Books, 2006. – 240 p. – ISBN 978-1-86189-298-0.
7. **Gottlieb, N.** Language and Society in Japan. / N. Gottlieb. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. –180 p. – ISBN 978-0521532846.

8. **Hendry, J.** The Orient Strikes Back: A Global View of Cultural Display. / J. Hendry. – Oxford : Berg Publishers, 2003. – 78 p. – ISBN 978-1-85973-635-2.
9. **Ishige, N.** The History and Culture of Japanese Food. / N. Ishige. – New ed. London: Kegan Paul International, 2015. – 256 p. – ISBN 978-0710306575.
10. **Iwabuchi, K.** Resilient Borders and Cultural Diversity: Internationalism, Brand Nationalism, and Multiculturalism in Japan / K. Iwabuchi. – Lexington Books, 2015. – 178 p. – ISBN 978-1498503921.
11. **Rath, E. C.** Japan's Cuisines: Food, Place and Identity / E. C. Rath. – Chicago : University of Chicago Press, 2016. – 304 p. – ISBN: 978-0226379261.
12. **Unesco сайт.** – URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/washoku-traditional-dietary-cultures-of-the-japanese-00869> (дата обращения 01/04/2025)

И. Р. Нурғалиев

**ВАРИАНТЫ УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
КОЛЛОКАЦИЙ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА С ПОМОЩЬЮ
КОРПУСНЫХ РЕСУРСОВ**

***Аннотация:** Данная работа посвящена обучению коллокациям японского языка посредством корпусных ресурсов. Рассматриваются понятие коллокация, их классификации. Приводится перечень корпусных ресурсов, которые могут использоваться в процессе обучения коллокациям японского языка, а также демонстрируются варианты упражнений, основанных на взаимодействии обучающегося с корпусными данными.*

***Ключевые слова:** японский язык, коллокации, упражнения, корпусные ресурсы.*

I. R. Nurgaliev

**Exercises for learning Japanese collocations
using corpus resources**

Abstract: This paper focuses on teaching Japanese collocations through corpus resources. The concept of collocation and its classification are considered. A list of corpus resources that can be used in teaching Japanese collocations is given,

and variants of exercises based on the learner's interaction with corpus data are demonstrated.

Key words: *the Japanese language, collocations, exercises, corpus resources.*

Во время обучения японскому языку обучающиеся сталкиваются со множеством трудностей, вызванных разницей строения родного (как правило, русского языка) и японского языка, отличной языковой картиной мира и многим другим. М. Н. Мизгулина подробно рассматривает данные трудности на примере обучения фонетике японского языка школьников: обилие *gaijirigo*, множество омонимов, высококонтекстность, отличие функционирования падежных показателей, различия в языковых картинах мира и т. д. [Мизгулина, 2020]. Одной из многочисленных, но очень актуальных проблем обучения японскому языку является развитие навыков владения коллокациями японского языка.

Под *коллокациями* понимаются устойчивые лексико-грамматические сочетания из двух и более слов, смысл которых часто сложно или невозможно извлечь из отдельных его составляющих. Коллокации могут быть классифицированы по-разному в зависимости от подхода (фразеологический, корпусный и др.), в нашей работе мы используем классификацию, выдвинутую итальянским исследователем E. L. Strafella [Strafella, 2013]. Исследователь выделяет свободные и ограниченные коллокации (делятся на синтаксически и лексически ограниченные). Как демонстрирует практика преподавания японского языка проблемы вызывают как ограниченные коллокации, так и свободные, поэтому нам представляется, что необходимо уделять внимание всем видам коллокаций.

Коллокации находятся в фокусе внимания исследователей уже давно, например, Е. Г. Борисова описала их ещё в конце прошлого века [Борисова, 1995]. Использование электронных ресурсов в качестве инструмента на занятиях уже стало одним

из базовых умений современного преподавателя. Исследователи подчеркивают важность близкого знакомства преподавателей с информационными ресурсами, поскольку это позволяет им не только помогать обучающемуся, но и развиваться самому посредством изучения новых цифровых возможностей [Викулова и др., 2020]. Одним из эффективных средств обучения коллокациям является применение корпусных ресурсов, а точнее знакомство обучающихся с имеющимся арсеналом корпусных инструментов и работа с системой упражнений, направленных на интеграцию поиска и анализа корпусной информации в процесс выполнения задания. О. А. Сулейманова, А. А. Водяницкая и И. А. Гусейнова подробно описывают дидактический потенциал корпусных технологий [Сулейманова, 2020]. Подобное сочетание корпусных методов и методики обучения японскому языку, согласно К. В. Болотской, можно назвать полноценной *методологической интеграцией* [Болотская, 2021, с. 17].

Прежде чем приступить к работе с упражнениями, необходимо убедиться, что у обучающихся сформированы навыки работы с консультационными корпусными ресурсами. В качестве таковых мы предлагаем использовать следующие:

- NINJAL-LWP for BCCWJ для вопросов, касающихся письменного японского языка.
- NINJAL-LWP for TWC для более современного языка в интернете.
- Hinoki Project.

Помимо них, также рекомендуется показать соответствующие словари и справочники.

Когда обучающиеся освоили пути работы со справочной информацией, можно приступить к внедрению в образовательный процесс упражнений, направленных на формирование навыков оперирования коллокациями японского языка.

Ниже представлены различные задания и упражнения, которые задействуют работу с корпусными ресурсами. Данная работа может быть пассивной и активной. Пассивный вариант заключается в работе с заранее отобранными преподавателем примерами и данными из корпуса. Активный вариант – когда обучающиеся как исследователи индуктивным путем выясняют закономерности функционирования определенной коллокации для выполнения задания.

Такого рода индуктивный метод позволяет обучающимся на ряде примеров и статистической информации сформировать свое представление с минимальным шансом ошибиться. Собственные заключения, подтвержденные данными, гораздо лучше усваиваются и интернализуются, чем заученная информация.

Одним из эффективных видов заданий может быть упражнение на сравнение омонимов японского языка. Рассмотрим на примере такого омонимичного глагола, как *au*, записываемого следующими иероглифами 会う, 合う.

ЗАДАНИЕ № 1

Воспользовавшись корпусными ресурсами, определите, какие коллокации характерны для каждого из глаголов 会う, 合う, 遭う.

コロケーション	助詞	動詞	コロケーション	助詞	動詞
人	に	会う	自分	に	合う
久しぶり	に		ニーズ	に	
痛い目	に		目	が	
「место」	で		ピント	が	
人	と		気	が	

Данное задание позволяет обучающемуся решить две задачи. Во-первых, благодаря работе с корпусом обучающийся может проанализировать наиболее частотные сочетания, которые, как правило, уже включают знакомые им лексические единицы. Это углубляет понимание уже усвоенной лексики, также дает возможность связать новую лексему в коллокации со знакомым материалом, интегрируя его в определенный контекст. Таким образом развивается коллокационная осведомленность, формируются навыки замечания коллокаций и закладывается фундамент для последующей работы над употреблением коллокации уже в контексте.

Во-вторых, обучающийся может проследить, как соединяется коллокация с точки зрения грамматики. Например, в каких случаях употребляется тот или иной падежный показатель. Это особенно актуально, когда дело касается переходных и непереходных глаголов японского языка, вызывающий множество трудностей у обучающихся на любых этапах изучения японского языка. М. И. Трушина утверждает, что «наиболее затруднительными для обучающихся оказались задания, где в ответах когнитивный механизм выбора падежного показателя носителей японского языка совершенно не совпадает с когнитивным механизмом носителей русского языка, что может быть доказательством того, что при изучении даже самых базовых грамматических конструкций необходимо обращать внимание на то, какой логикой руководствуются носители языка при выборе языковой единицы» [Трушина, 2024].

Следующая вариация задания направлена на отработку коллокаций, которые имеют одинаковый коллокат, но значительно отличаются по смыслу и контексту употребления. В качестве примера разберем коллокации с базовым коллокатом 気.

ЗАДАНИЕ № 2

Воспользовавшись корпусными ресурсами, найдите примеры употребления следующих коллокаций:

気がする	意外な展開になりそうな気がした
気になる	タバコの臭いが気になる。
気にする	何を言われても気にしない。
気がつく	気が付けば迷子。

Плюс данного простого упражнения заключается в том, что в процессе поиска и выбора примера предложения, которое обучающийся в состоянии понять полностью, ему необходимо прочитать несколько предложений. Этого времени, как правило, достаточно, чтобы уже на нескольких примерах составить общее представление о контексте употребления коллокации. Если давать в задании синонимичные, антонимичные или омонимичные коллокации, то на контрасте предложений очень яркой становится разница в употреблении. Количество же просмотренных примеров способствует процессу интериоризации сочетания. Кроме того, в отличие от самостоятельного составления предложения с коллокаций – любой найденный пример в корпусе будет адекватной единицей языка, порожденной носителем, в то время как обучающиеся, не имеющие хорошего представления о правильном употреблении коллокации, часто допускают ошибки в построении предложений.

При изучении любого языка критически важно направлять обучающихся к использованию новых коллокаций в устной и письменной речи. В следующем задании важен не только факт составления текста, но и последующая работа с ним по проверке языковых средств на адекватность и естественность

с помощью корпусных ресурсов, где содержится много диалоговой речи и ресурса для анализа сочинений.

ЗАДАНИЕ № 3

Составьте монолог / диалог с партнером, используя актуальные коллокации, представленные ниже. Объем монолога – 10–15 предложений; объем диалога – 6–8 реплик. Используя такие ресурсы, как Immersionkit и Nadeshiko проверьте адекватность составленного диалога, либо с помощью JReadability (Writer) проверьте сложность составленного монолога.

病気になる 風邪をひく 熱が出る せきが出る 頭痛がある 薬が効く 喉が痛い 鼻が詰まる

В ходе внедрения подобных заданий на занятиях по практическому курсу японского языка было определено, что обучающиеся положительно воспринимают такой подход к освоению устойчивых лексико-грамматических конструкций японского языка. Приучение к пользованию корпусными ресурсами позволяет обучающимся быть более автономными в своем изучении языка, имея при этом источник достоверной информации об аутентичных случаях функционирования той или иной языковой единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Болотская, К. В.** Интеграция на уровне высшего иноязычного образования: связь лингвистики и лингводидактики / К. В. Болотская // Новые тенденции лингводидактики: слово молодым ученым : сборник статей магистрантов и аспирантов. Том Выпуск 2. – Москва : Языки Народов Мира, 2021. – С. 15–18. – EDN NGYCHK.
2. **Борисова, Е. Г.** Коллокации. Что это такое и как их изучать / Е. Г. Борисова. – 2-е издание, стереотипное. – Москва : Филология, 1995. – 49 с. – EDN FYLOIQ.

3. **Мизгулина, М. Н.** Социокультурные исоциолингвистические трудности, возникающие у школьников при аудировании японских текстов / М. Н. Мизгулина // Диалог культур. Культура диалога: от конфликта к взаимопониманию : материалы Второй международной конференции, Москва, 21–25 апреля 2020 года / Московский городской педагогический университет. – Москва : Языки Народов Мира, 2020. – С. 245–250. – EDN QKTRWQ.
4. **Трушина, М. И.** О трудностях в изучении падежных показателей японского языка: когнитивный подход / М. И. Трушина // Научный аспект. – 2024. – Т. 30, № 4. – С. 3887–3891. – EDN JQKVSU.
5. **Information Resources for Foreign Language Teachers' Self-development: Overview** / L. G. Vikulova, I. P. Khutyuz, I. V. Makarova [et al.] // Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives : Proceedings of the Conference "Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives", St. Petersburg, 25–27 марта 2020 года. – St. Petersburg : Springer Nature, 2020. – P. 119–127. – DOI 10.1007/978-3-030-47415-7_13. – EDN GFOUBF.
6. **Suleimanova, O. A.** The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science / O. A. Suleimanova, I. A. Guseinova, A. A. Vodyanitskaya // Society. Integration. Education : Proceedings of the International Scientific Conference, Rēzekne, 22–23 мая 2020 года. Vol. 4. – Rēzekne: Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija, 2020. – P. 657–669. – DOI 10.17770/sie2020vol4.4851. – EDN WASBXL.
7. **Strafella, E. L.** Collocations in Contemporary Japanese: A Corpus-Based Language Study / E. L. Strafella. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 196 p.

А. Р. Нурутдинова

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОМАТИЧЕСКОГО КОДА
В ЯЗЫКАХ РАЗНОСТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПАРЕМИЙ)**

***Аннотация:** Изучение соматического кода – системы телесно-ориентированных концептов, закреплённых в языке и культуре, – представляет собой важное направление современных этнолингвистических исследований, объединяющих лингвистику, антропологию и когнитивистику. В научной статье представлен синтез структурного, когнитивного и этнолингвистического подходов, что позволяет преодолеть разрыв между*

теорией метафоры (Лакофф, Джонсон) и культурно-обусловленным анализом (Вежбицкая, Икегами). В рамках данного исследования фокус направлен на сопоставительный анализ соматического кода в языках разноструктурной организации – агглютинативных (например, японский), флективных (русский, немецкий) и изолирующих (китайский) – с целью выявления универсальных и культурно-специфических закономерностей.

Ключевые слова: соматический код, телесно-ориентированные концепты, когнитивная лингвистика, культурная антропология, пословицы, языковая картина мира, универсальные паттерны, культурно-специфические закономерности.

A. R. Nurutdinova

**Contrastive Study of the Somatic Code in Languages
with Varying Structural Organizations: An Ethnolinguistic
Perspective (Based on Paremiological Data)**

Abstract: *The study of the somatic code – a system of body-oriented concepts embedded in language and culture - represents a significant area of modern ethnolinguistic research, integrating linguistics, anthropology, and cognitive science. This research article synthesizes structural, cognitive, and ethnolinguistic approaches, bridging the gap between metaphor theory (Lakoff, Johnson) and culturally conditioned analysis (Wierzbicka, Ikegami). The research focuses on a comparative analysis of the somatic code in languages of diverse structural organization – agglutinative (e.g., Japanese), fusional (Russian, German), and isolating (Chinese) – to identify universal and culture-specific patterns. By examining how bodily metaphors reflect linguistic structure and cultural values, the study highlights the interplay between universal cognitive mechanisms and unique ethnolinguistic frameworks. This approach contributes to a deeper understanding of how somatic concepts shape communication and cultural identity across linguistic typologies.*

Key words: *somatic code, body-oriented concepts, cognitive linguistics, cultural anthropology, proverbs, linguistic worldview, universal patterns, culture-specific patterns.*

Паремиологические единицы (пословицы, поговорки, идиомы), как устойчивые формы народной мудрости, служат уникальным материалом для анализа того, как тело человека становится метафорой, отражающей культурные ценности, социальные нормы и ментальные установки.

Актуальность обусловлена необходимостью углублённого понимания взаимосвязи между языковой структурой, культурным контекстом и телесными практиками. Современные работы, такие как кросс-культурный анализ З. Кёвечеша (2005) и этнолингвистические исследования В. А. Масловой (2001), демонстрируют, что соматический код паремий служит «мостом» между индивидуальным опытом и коллективным сознанием:

1. Тело как универсальная метафора: телесные концепты (например, «сердце», «глаза», «руки») присутствуют в паремиях всех культур, но их семантика и символика варьируются в зависимости от этнокультурного контекста.
2. Структурные особенности языков: способы интеграции соматизмов в паремии (через агглютинацию, флексию или изолирующие конструкции) влияют на их восприятие и интерпретацию.
3. Этнолингвистический ракурс: исследование позволяет раскрыть взаимосвязь между языковой структурой, культурной картиной мира и телесными практиками.

Цель научной работы определить, как структурные особенности языков (агглютинация, флексия, изоляция) и этнокультурный контекст формируют соматический код паремиологических единиц.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ:

- Сопоставить телесные концепты в паремиях агглютинативных, флективных и изолирующих языков.
- Проанализировать вклад русских (Арутюнова, Телия), англоязычных (Лакофф, Вежбицкая) и японских (Мацуки, Икэгами) учёных в разработку методологии исследования соматического кода.

- Выявить универсальные и уникальные паттерны, опираясь на теорию метафоры Дж. Лакоффа и этнолингвистический подход В. Н. Телия.

МЕТОДОЛОГИЯ ВКЛЮЧАЕТ:

- Сравнительно-сопоставительный анализ паремий из языков разных типов.
- Когнитивно-дискурсивный подход для декодирования телесных метафор.
- Корпусные методы для оценки частотности и контекстуального использования соматизмов.
- Этнографические данные для интерпретации культурного подтекста.

Теоретической базой выступают труды учёных, исследующих связь телесных концептов с языком и культурой.

1. РУССКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

- Н. Д. Арутюнова в работе «Язык и мир человека» (1999) анализирует метафорические модели, связывающие телесные органы с абстрактными концептами, например, «сердце» как символ эмоций.
- В. Н. Телия в монографии «Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» (1996) рассматривает соматизмы как ключевые элементы культурного кода, подчёркивая их роль в формировании национальной идентичности.
- В. А. Маслова в исследовании «Лингвокультурология» (2001) акцентирует внимание на связи телесных метафор с архетипами коллективного бессознательного, выделяя универсальные и этноспецифические черты.

2. АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Дж. Лакофф и М. Джонсон в классической работе «Метафоры, которыми мы живём» (1980) обосновали, что телесный опыт является основой для концептуализации абстрактных идей, например, «голова» как символ рациональности.
- А. Вежбицкая в труде «Семантика, культура и познание» (1992) разработала метод семантических примитивов, продемонстрировав, как соматизмы в разных языках отражают культурные ценности (напр., «руки» в английских идиомах как метафора контроля).
- З. Кёвечеш в книге «Метафора: Прагматика, сравнение и культура» (2005) исследует кросс-культурные различия в использовании телесных метафор, выделяя универсалии (напр., «глаза» как орган восприятия) и культурно-обусловленные символы (напр., «печень» в арабском как источник храбрости).

3. ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Т. Мацуки** в работе «Cultural Metaphors in Japanese Language» (1995) анализирует уникальные телесные концепты, такие как «腹» (хара – живот), который в японской культуре ассоциируется с эмоциональной искренностью и интуицией.
- М. Икэгами в исследовании «The Body in Japanese Language and Culture» (2000) раскрывает связь между структурой агглютинативного языка и использованием соматизмов в пословицах, например, «以心伝心» (исин денсин – «сердце передаётся сердцу») как отражение невербальной коммуникации.
- К. Хасимото в статье «Somatic Expressions in Japanese Proverbology» (2012) подчёркивает роль «омойяри»

(思いやり – эмпатии) в формировании телесных метафор, где «руки» символизируют не действие, а заботу.

Структурные особенности языков (агглютинация, флексия, изоляция) до сих пор недостаточно изучены в контексте их влияния на формирование телесных метафор. Ниже представлен анализ на примерах агглютинативных (японский, турецкий), флективных (русский, латынь) и изолирующих (китайский, вьетнамский) языков, с опорой на теоретические работы Н. Д. Арутюновой, Дж. Лакоффа, Т. Мацуки и других учёных.

1. АГГЛЮТИНАТИВНЫЕ ЯЗЫКИ

Особенности структуры: телесные концепты часто интегрируются в сложные словоформы с помощью суффиксов; метафоры тела связаны с коллективным опытом и социальной гармонией.

Японский язык

- 「腹を割る」 (*хара о вару* – «раскрыть живот»): «腹» (хара – живот) + глагол «割る» (вару – раскрывать).

Концепт «хара» (живот) символизирует искренность и эмоциональную глубину [Matsuki, 1995]. Суффиксы позволяют уточнить действие (напр., «腹を立てる» – «разозлиться», досл. «поднять живот»).

- 「手が足りない」 (*тэ га таринай* – «рук не хватает»): концепт «手» (тэ – руки) + суффикс недостатка «ない», выражающий нехватку ресурсов.
- 「以心伝心」 (*исин денсин* – «сердце передаётся сердцу»): телесный концепт «心» (сердце) используется для передачи невербальной коммуникации, характерной для японской культуры [Ikegami, 2000].

Турецкий язык

- «*Gözden irak olan gönülden de irak olur*» («С глаз долой – из сердца вон»): концепты «göz» (глаз) и «gönül» (сердце) объединены аффиксами, подчёркивающими пространственную дистанцию.
- «*Gözü açık olmak*» («быть с открытыми глазами» – быть бдительным): концепт «göz» (глаз) + суффикс принадлежности «-ü» и причастие «açık» (открытый).

Культурный контекст: в агглютинативных языках телесные метафоры часто связаны с коллективными действиями, социальной гармонией и невербальной коммуникацией. Например, японское «хара» отражает идею внутренней искренности, значимую в контексте групповой культуры [Hashimoto, 2012].

2. ФЛЕКТИВНЫЕ ЯЗЫКИ

Особенности структуры: телесные концепты изменяются по падежам, числам и лицам, что влияет на их семантику. Акцент на индивидуальном действии и причинно-следственных связях.

Русский язык

- «*Глаза боятся, а руки делают*»: концепты «глаза» (*страх*) и «руки» (*действие*) противопоставлены через флексию глаголов («боятся» – 3 л. мн. ч., «делают» – 3 л. мн. ч.), подчёркивая оппозицию эмоции («глаза») и действия («руки») [Телия, 1996].
- «*Сердце не камень*»: именительный падеж «сердце» + отрицание «не» подчёркивают абстрактное свойство. Флексия («не камень») акцентирует абстрактное свойство сердца как символа мягкости.

Латинский язык

- «Manus manum lavat» («Одна рука моет другую»): флексия слова «*manus*» (*рука*): флексия падежей (именительный и винительный) создаёт симметрию, отражающую взаимовыгодное сотрудничество.

Культурный контекст: флективные языки подчёркивают индивидуальный опыт. Например, русские пословицы с концептом «руки» часто связаны с трудовой этикой [Арутюнова, 1999], а латинские выражения – с рациональным взаимодействием.

3. ИЗОЛИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ

Особенности структуры: телесные концепты выражаются через устойчивые сочетания иероглифов/слов. Акцент на параллелизме и бинарных оппозициях.

Китайский язык

- 眼不见, 心不烦 (*Yǎn bùjiàn, xīn bù fán*) перевод «Что глаз не видит, то сердце не тревожит»: параллелизм «眼» (глаз) и «心» (сердце) + отрицательные частицы «不» создают бинарную оппозицию, отражающую конфуцианский идеал эмоционального контроля [Kövecses, 2005].
- 手忙脚乱 (*Shǒu máng jiǎo luàn*) перевод «Руки заняты, ноги в беспорядке»: сочетание «手» (руки) и «脚» (ноги) передаёт хаотичность через параллельные конструкции.

Вьетнамский язык

- Mắt không thấy, tim không đau («Глаза не видят, сердце не болит»): структура повторяет китайский аналог, демонстрируя влияние конфуцианства на регион.

Культурный контекст: изолирующих языках соматизмы часто связаны с философскими идеями (конфуцианство,

даосизм). Устойчивые сочетания отражают стремление к балансу между внутренним и внешним [Вежбицкая, 1992].

Таблица 1

Универсалии и культурная специфика

Критерий	Агглютинативные	Флективные	Изолирующие
Структура	Суффиксация, сложные формы	Флексия, падежная система	Порядок слов, параллелизм, устойчивые сочетания
Телесные концепты	Коллективные действия, эмоции	Индивидуальный опыт, рациональность	Философские оппозиции
Пример метафоры	«腹を割る» (раскрыть живот)	«Рука руку моет»	«眼不见, 心不烦» (глаз/сердце)
Культурный акцент	Гармония, невербальность	Трудовая этика, причинность	Конфуцианство, даосизм

1. СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

- В агглютинативных языках соматизмы интегрируются в сложные словоформы, подчёркивая коллективные действия.
- Во флективных – флексия связывает телесные концепты с индивидуальным опытом.
- В изолирующих – параллелизм и устойчивые сочетания отражают философские идеи.

2. КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА

- Японские «хара» и турецкие «gönül» акцентируют внутренние эмоции.
- Русские «руки» и латинские «manus» связаны с действием и рациональностью.
- Китайские «眼» и «心» кодируют конфуцианские ценности.

3. УНИВЕРСАЛИИ

- Телесные концепты «глаза», «руки», «сердце» присутствуют во всех типах языков как метафоры восприятия, действия и эмоций [Лакофф, Джонсон, 1980].

ВЫВОДЫ

Структурные особенности языка напрямую влияют на способы кодирования телесных концептов:

1. Агглютинация позволяет создавать детализированные метафоры через суффиксы.
2. Флексия связывает соматизмы с грамматическими категориями (падеж, лицо).
3. Изолирующие языки полагаются на порядок слов и параллелизм.

Культурный контекст определяет выбор телесных метафор:

1. В коллективистских культурах (Япония) акцент на групповой гармонии.
2. В индивидуалистских (Европа) – на личном опыте и рациональности.
3. В философски ориентированных (Китай) – на балансе и духовных ценностях.

Таким образом, сопоставление соматических паремий в разноструктурных языках раскрывает как универсальные когнитивные механизмы, так и уникальные культурные коды, формирующие языковую картину мира.

Практическая значимость работы связана с:

- Разработкой методик межкультурной коммуникации, учитывающих телесные метафоры.
- Применением результатов в переводоведении для преодоления «культурных лакун».
- Использованием данных в преподавании языков для глубокого усвоения культурных коннотаций.

Исследование вносит вклад в понимание того, как тело, будучи биологическим универсальным феноменом, трансформируется в культурный код, отражающий уникальность языкового мышления и этнической идентичности. Опираясь на труды русских, англоязычных и японских учёных, работа демонстрирует, что соматический код паремий является ключом к расшифровке глубинных слоёв культурной памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. **Вежбицкая, А.** Семантика, культура и познание: Общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах / А. Вежбицкая ; пер. с англ. – Москва : Русские словари, 1996. – 411 с.
3. **Маслова, В.А.** Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.
4. **Телия, В.Н.** Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. **Hashimoto, K.** Somatic Expressions in Japanese Paremiology // Journal of Japanese Linguistics. – 2012. – Vol. 28, № 2. – P. 45–67. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/24674788> (дата обращения: 26.03.2025).
6. **Ikegami, M.** The Body in Japanese Language and Culture / M. Ikegami. – Tokyo : University of Tokyo Press, 2000. – 210 p. – URL: <https://www.utp.jp/book/9784130802100.html> (дата обращения: 25.03.2025).
7. **Kövecses, Z.** Metaphor: A Practical Introduction / Z. Kövecses. – 2nd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 375 p. – URL: <https://global.oup.com/academic/product/metaphor-9780199577336> (дата обращения: 20.03.2025).
8. **Lakoff, G.** Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 2003. – 276 p. – URL: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/M/bo3637992.html> (дата обращения: 20.03.2025).
9. **Matsuki, T.** Cultural Metaphors in Japanese Language / T. Matsuki // Cognitive Linguistics Studies. – 1995. – Vol. 6, № 3. – P. 123–145. – URL: <https://doi.org/10.1075/cogls.6.3.05mat> (дата обращения: 25.03.2025).

10. **Wierzbicka, A.** Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations / A. Wierzbicka. – New York : Oxford University Press, 1992. – 487 p. – URL: <https://global.oup.com/academic/product/semantics-culture-and-cognition-9780195073263> (дата обращения: 20.03.2025).
11. **Национальный корпус русского языка** : [сайт] / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Москва, 2003–2023. – URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 20.03.2025).
12. **Japanese Proverbs Database** : [электронный ресурс] / Kyoto University. – Kyoto, 2010. – URL: <https://www.japaneseproverbs.jp> (дата обращения: 20.03.2025).

А. А. Паленко

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОМ ВОСТОКОВЕДЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ И ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация: Данная статья посвящена теме влияния цифровых технологий на востоковедческое образование и исследования. На примере двух стран – России и Японии, рассматриваются методологические, организационные и технические проблемы, а также меры, принимаемые для их решения. В качестве иллюстрации успешной интеграции цифровых инструментов приведены примеры успешных проектов в области цифрового востоковедения.

Ключевые слова: цифровые инструменты, искусственный интеллект в образовании, трансформация учебного процесса, образовательные технологии, Россия, Япония.

A. A. Palenko

Digital tools in contemporary Asian studies education and research

Abstract: This paper examines the impact of digital technologies on the field of Asian studies education and research. Focusing on the cases of Russia and Japan, it analyzes key methodological, organizational, and technological challenges associated with the digital transformation of the discipline, as well

as the strategies implemented to address these issues. To illustrate successful integration of digital tools, the paper presents selected case studies of digital Asian studies projects that demonstrate effective application of innovative approaches.

Key words: *digital tools, artificial intelligence in education, transformation of the learning process, educational technologies, Russia, Japan.*

Развитие цифровых технологий и, в особенности, искусственного интеллекта (ИИ) радикально трансформирует образовательную сферу, включая гуманитарные и регионоведческие дисциплины. Востоковедение как междисциплинарная область, объединяющая филологию, историю, культурологию, религиоведение и политологию, оказалось в эпицентре этих трансформаций. Использование цифровых инструментов и методов обработки данных открывает принципиально новые возможности как для преподавания, так и для научных исследований. Однако вместе с тем оно ставит перед специалистами ряд сложных задач.

Настоящая статья посвящена анализу роли цифровых технологий в современном востоковедческом образовании и научных исследованиях, с акцентом на сравнении ситуации в двух странах – России и Японии. Особое внимание уделяется педагогическим, когнитивным и организационным аспектам внедрения цифровых инструментов, а также поиску эффективных стратегий их интеграции, способствующих повышению качества и доступности гуманитарного образования в XXI веке.

Говоря о цифровизации образования, мы представляем себе процесс интеграции современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в учебный процесс. Это масштабное преобразование направлено на улучшение таких параметров образовательного процесса, как эффективность, доступность и адаптивность.

В 2019 году был принят Пекинский консенсус по искусственному интеллекту и образованию ЮНЕСКО [Пекинский консенсус: сайт. URL: <https://unesdoc.unesco.org/>]. Согласно этому документу, ИИ рассматривается как инструмент, способный решить проблему доступности и непрерывности образования, особенно в тех областях, где традиционные ресурсы ограничены.

В широком смысле цифровизация охватывает использование электронных образовательных платформ, искусственного интеллекта (ИИ), больших данных, виртуальной и дополненной реальности, а также автоматизированных систем оценки знаний. В контексте востоковедческого образования цифровизация означает не только доступ к электронным библиотекам и архивам, но и внедрение инновационных методик изучения восточных языков, культуры и истории с использованием цифровых инструментов. Востоковедение как междисциплинарная область требует работы с большими объемами данных, включая исторические тексты, аудио- и видеоматериалы, лексические и грамматические корпуса. Цифровизация способствует развитию новых методов анализа, помогает оптимизировать обработку информации и дает возможность студентам взаимодействовать с учебными материалами в цифровой среде.

Говоря о трансформационном влиянии цифровых технологий на востоковедческое образование, можно выделить несколько ключевых аспектов.

РАСШИРЕНИЕ ДОСТУПА К ИСТОЧНИКАМ

Цифровые архивы, базы данных и электронные библиотеки позволяют студентам и исследователям работать с первоисточниками, находящимися в удаленных университетах, музеях и хранилищах. Например, проекты оцифровки древних

японских текстов делают их доступными для анализа без необходимости физического доступа к рукописям.

АВТОМАТИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО АНАЛИЗА

Использование инструментов обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP) позволяет анализировать текстовые корпуса, выявлять закономерности в грамматике, лексике и синтаксисе восточных языков. Автоматические системы перевода и морфологического разбора упрощают работу с древними и современными текстами.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ

Онлайн-курсы, симуляторы и виртуальные языковые среды способствуют углубленному изучению восточных языков и культур. Геймификация учебного процесса и использование ИИ-ассистентов помогают студентам быстрее усваивать материал и получать индивидуальные рекомендации по обучению.

КОЛЛАБОРАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цифровые платформы способствуют международному сотрудничеству, позволяя ученым и студентам обмениваться данными, анализировать их совместно и участвовать в международных исследовательских проектах.

Несмотря на очевидные преимущества, цифровизация востоковедческого образования сталкивается с целым рядом вызовов, начиная с технических (оснащенность цифровыми инструментами) до педагогических (методы преподавания) и психологических (новые требования к когнитивным навыкам студентов и преподавателей).

СНИЖЕНИЕ КРИТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ

Обилие информации в цифровой среде может затруднять развитие критического мышления, необходимого для оценки достоверности и релевантности источников. Студенты могут слишком полагаться на автоматический перевод, не проверять итоговые результаты, не проводить самостоятельное исследование и интерпретацию источников. Для эффективного образования в цифровую эпоху необходимо не только предоставлять студентам доступ к информационным ресурсам, но и обучать их методам критического анализа и оценки информации, чтобы они могли принимать обоснованные решения и противостоять манипуляциям.

ПЕРЕГРУЗКА ИНФОРМАЦИЕЙ И ПРОБЛЕМА ВНИМАНИЯ

Цифровая среда характеризуется постоянным потоком информации, что может привести к перегрузке и снижению концентрации внимания у студентов. О таком специфическом психологическом состоянии, как «синдром информационной усталости» первым начал писать американский нейрофизиолог Дэвид Льюис еще в 1996 г. [Oxford Research Encyclopedias : сайт. URL: <https://oxfordre.com/>].

Постоянные уведомления, гиперссылки и мультимедийные элементы отвлекают от глубокого погружения в материал, что негативно сказывается на качестве обучения и усвоении знаний. Увеличение времени работы за компьютером, снижение живого общения и рост когнитивной нагрузки могут приводить к усталости, снижению мотивации и ухудшению усвоения материала у студентов.

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО

Не все студенты и преподаватели имеют равный доступ к современным цифровым инструментам и ресурсам. Несмотря на глобальное распространение интернета, уровень доступа к цифровым ресурсам остается неравномерным. Еще существуют регионы с ограниченной интернет-инфраструктурой, что затрудняет использование онлайн-ресурсов в образовательных целях. Кроме того, не все учебные заведения обладают необходимыми техническими средствами для полноценной интеграции цифровых технологий в учебный процесс.

Внедрение цифровых технологий требует значительных финансовых вложений в оборудование, программное обеспечение и обучение персонала. Однако бюджетные ограничения часто становятся препятствием для таких инвестиций. Кроме того, наблюдается дефицит квалифицированных специалистов, способных разрабатывать и поддерживать цифровые образовательные ресурсы.

Так, например, известный японский ученый в области цифровых гуманитарных наук профессор Киёнори Нагасаки, который работает старшим научным сотрудником Международного института цифровых гуманитарных наук в Токио, рассказывая о создании платформы для цифровых исследований в области буддийских исследований SAT, отмечал, что в Японии практически не было университетских должностей для специалистов в области цифровых гуманитарных наук, а также программ для обучения людей в этой области [The Digital Orientalist: сайт. URL: <https://digitalorientalist.com/>].

ИЗМЕНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ ПРЕПОДАВАНИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ НОВОВВЕДЕНИЯМ

Цифровизация востоковедческого образования не только открывает новые возможности, но и требует изменений в

подходах к преподаванию. Одним из ключевых вызовов является необходимость адаптации традиционных методов к цифровым инструментам и технологиям. Преподаватели сталкиваются с задачей интеграции новых технологий в учебный процесс, чтобы эффективно использовать цифровые ресурсы, такие как онлайн-курсы, базы данных, аналитические платформы и т. д. Не все участники образовательного процесса готовы к таким изменениям. Сопротивление нововведениям может быть обусловлено нехваткой цифровых навыков, опасениями по поводу снижения качества образования или утраты личного контакта между преподавателем и студентом. Многие преподаватели задаются вопросами о том, как сохранять глубину и качество традиционных методов обучения, которые ориентированы на критическое восприятие источников и развитие аналитических навыков.

Согласно некоторым исследованиям, в России значительное количество педагогов обладают знаниями о возможностях ИИ только в рамках преподавания собственных дисциплин, ограничиваясь применением специфических цифровых решений [Сысоев, 2023, с. 9–33]. Это делает их знания о потенциале искусственного интеллекта в образовательной сфере фрагментарными и мешает формированию целостного представления об инструментах цифровой трансформации. Таким образом, разрыв в техническом обеспечении и уровне цифровой грамотности может создавать дополнительные барьеры в обучении. Однако, есть основания считать, что преподаватели, имеющие опыт разработки электронных учебных курсов, позитивнее оценивают работу в электронной среде, в отличие от преподавателей без такого опыта, которые преувеличивают частоту технических сбоев и указывают на недостатки технической и юридической поддержки [Сорокова, 2023, с. 25–39].

Одной из серьезных проблем, возникших в условиях цифровизации, является бесконтрольное и нерегулируемое использование искусственного интеллекта в образовательном процессе. При выполнении заданий, связанных с написанием текстов, студенты начинают все больше прибегать к помощи автоматизированных систем для перевода текстов или анализа языков. Созданные таким образом работы по стилю и содержанию зачастую выглядят как написанные человеком.

Преподаватели теперь сталкиваются с необходимостью учиться различать, какие работы являются результатом самостоятельных усилий студентов, а какие – результатом работы с инструментами ИИ, такими как генеративные языковые модели (например, ChatGPT). Это требует не только технических навыков, но и глубокого понимания особенностей работы ИИ. К таким особенностям можно отнести специфическую структуру генеративных текстов, избыточное использование усредненных шаблонов и отсутствие оригинального подхода в изложении той или иной проблемы. В результате на первый план выходит задача разработки и внедрения таких методов контроля, которые позволили бы оценивать не только знания студентов, но и их творческое мышление, и способность к самостоятельной работе с источниками.

Что касается внедрения генеративного искусственного интеллекта в японскую образовательную систему, то, помимо общих для других стран проблем с, например, необходимостью пересмотра критериев оценки письменных работ, в Японии дискуссии идут также на тему того, как новые технологии повлияют на традиционные культурные и педагогические ценности. Несмотря на определенные изменения, которые происходят с японским обществом в последние годы, все еще можно с большой долей уверенности говорить о том, что для Японии по-прежнему характерно коллективистское

понимание личности [Wierzbicka, 1991, с. 333–385]. В образовательных учреждениях акцент делается на создании и поддержании единства среди учеников, для которых преподаватель выступает не только в роли академического наставника, обладающего непререкаемым авторитетом, но и воспитателя, моделирующего нормы поведения и социальные навыки. Исследователи отмечают, что японские учителя также исторически демонстрируют высокий уровень трудовой этики. Однако интеграция цифровых инструментов может ускорить отход от традиционного понимания «я» как части коллектива в сторону большего индивидуализма, активного и самостоятельного обучения. Также возникает вопрос, сумеют ли японские учителя в новых реалиях сохранить свою центральную роль в образовании студентов [Philarchive: сайт. URL: <https://philarchive.org/>].

Все эти факторы создают новые вызовы для образовательных учреждений. Преподаватели должны не только демонстрировать владение новыми компетенциями в области использования цифровых технологий, но и совершенствовать методы оценки. В условиях цифровизации, помимо отслеживания качества знаний, на первый план выходит соблюдение высоких стандартов академической честности. Также остро встает вопрос о том, какую роль играет сам преподаватель в новом цифровом образовании.

Преодоление указанных барьеров возможно через разработку стратегий, направленных на повышение цифровой грамотности, обеспечение равного доступа к технологиям и соблюдение этических норм.

В России процесс цифровизации гуманитарного образования связан как с приобретением определённых преимуществ, так и с преодолением значительных трудностей. С одной стороны, цифровые технологии расширяют доступ к образовательным ресурсам и способствуют развитию новых форм

обучения. С другой стороны, как отмечают исследователи, «к ключевым трудностям цифровизации можно отнести дегуманизацию образовательного пространства», связанную с уменьшением личного взаимодействия между преподавателем и студентом [Международный научно-исследовательский журнал: сайт. URL: <https://research-journal.org/>].

Кроме того, существует проблема недостаточной подготовки преподавательского состава к использованию цифровых инструментов в образовательном процессе. Это приводит к снижению эффективности обучения и сопротивлению внедрению новых технологий. В исследовании, посвященном методологическим аспектам цифровизации гуманитарного образования, подчеркивается необходимость системного подхода при анализе перспектив введения цифровых технологий и выработки научно обоснованных предложений по их интеграции [Воронов, 2021, с. 67–78].

Япония, являясь одной из ведущих технологических держав, также сталкивается с определенными барьерами при внедрении цифровых технологий в образование. Несмотря на высокий уровень развития информационно-коммуникационных технологий, японская образовательная система испытывает трудности, связанные с консерватизмом подходов и бюрократическими препятствиями. Исследования показывают, что «главным тормозом на пути цифровизации образовательной и научно-исследовательской сферы стала мощная и организованная японская бюрократия» [Чугров, 2023, с. 128–141].

Пандемия COVID-19 выявила недостаточную готовность японских школ к переходу на онлайн-обучение. Как отмечается в исследовании онлайн-обучения во время пандемии коронавируса в начальных и средних школах Японии, «только частные школы в Японии быстро и эффективно перевели своих учеников на онлайн-обучение, государственным же

школам это удалось лишь спустя полтора года». Ригидность в этом вопросе государственных учебных заведений было вызвана, в основном, нехваткой цифровых навыков у преподавателей и недостатком технических ресурсов [Нагорнова, 2023, с. 162–168].

Также стоит отметить, что пока в японских университетах наблюдается недостаток программ, объединяющих информационные технологии и востоковедение. Отсутствие таких междисциплинарных подходов ограничивает подготовку специалистов, способных эффективно применять цифровые инструменты в гуманитарных исследованиях. Исследования показывают, что «гуманитарные и социальные науки в эру STEM сталкиваются с проблемами, связанными с интеграцией новых технологий» [Степанов, 2023, с. 162–168].

Для японских исследователей и студентов также характерна высокая зависимость от англоязычных цифровых ресурсов и инструментов, что частично обусловлено историческими традициями.

Согласно докладу Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии (МEXT), доля данных на японском языке в GPT-3 составляет 0,11% [Министерство образования Японии: сайт. URL: <https://www.mext.go.jp/>].

Как отмечают Каргианнис и Яманака (P. Karagiannis, S. Yamanaка), «английский язык стал основным средством научной коммуникации, что создает трудности для японских ученых, особенно молодых исследователей, испытывающих затруднения при устном общении на английском языке» [NLM: сайт. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/>].

Такая ситуация создает языковой барьер и ограничивает доступ к информации на родном языке, подчеркивая необходимость разработки и внедрения локализованных цифровых решений, адаптированных к специфике японского языка и культуры.

Обе страны сталкиваются с проблемами, связанными с необходимостью модернизации образовательных программ, подготовки кадров и обеспечения равного доступа к цифровым ресурсам. Решением может стать разработка стратегий, направленных на гармоничное сочетание традиционных методов обучения с инновационными цифровыми инструментами, что особенно актуально для востоковедческого образования, которое требует глубокого понимания культурных и исторических контекстов изучаемых регионов.

Важным условием успешной цифровизации образовательной среды является институциональная поддержка на государственном уровне. В этом контексте особую роль играют **национальный проект «Образование»** и **федеральный проект «Молодые профессионалы»**, которые определяют стратегические ориентиры развития образовательной системы в России, включая подготовку специалистов в области востоковедения.

Принятый в 2018 году национальный проект «Образование» нацелен на обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования и вхождение России в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования. В рамках этого проекта предполагается развитие современной цифровой образовательной среды, поддержка академической мобильности, создание центров компетенций и развитие кадрового потенциала [Минобрнауки: сайт. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/>].

Востоковедческие программы, особенно в ведущих университетах России, активно интегрируются в процесс цифровой трансформации. Создаются электронные библиотеки, онлайн-курсы, платформы для изучения восточных языков. Параллельно ведется активная научная дискуссия по вопросам применения цифровых технологий в гуманитарных науках и их влиянии на востоковедческие исследования. Мероприятия, подобные конференции «Цифровое востоковедение»,

организованной НИУ ВШЭ, способствуют обмену опытом и укреплению научных связей в области цифровых гуманитарных исследований [НИУ ВШЭ : сайт. URL: <https://cceis.hse.ru/>].

Что касается Японии, то следует отметить различные инициативы профильных министерств по развитию кадровых ресурсов, обладающих передовыми знаниями и навыками в области ИИ. В 2016 г. Кабинет министров Японии предложил стратегию «Общество 5.0». Одной из конкретных целей этой стратегии является достижение всеми студентами университетов, независимо от их академической специализации, определенного уровня грамотности в области математики, науки о данных и искусственного интеллекта. Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий (MEXT) с 2021 г. запустило программу «по математике, науке о данных и ИИ для умного высшего образования, утвержденную правительством Японии (MDASH)». Цель данной программы – к 2025 финансовому году ежегодно вовлекать в изучение данных дисциплин по 500 000 студентов университетов и технических колледжей [IAI: сайт. URL: <https://iaiai.org/>].

Большую роль в проведении успешной цифровизации играет наличие современной инфраструктуры, включающей в себя высокоскоростной интернет, специализированное программное обеспечение и техническое оснащение учебных заведений.

В России предпринимаются активные шаги в этом направлении. Министерство высшего образования и науки разработало проект развития востоковедческого образования с бюджетом в 376 млн рублей, из которых более 200 млн – государственные средства. Эти инвестиции направлены на стипендии, академическую мобильность и создание новых образовательных центров [Интерфакс: сайт. URL: <https://www.interfax.ru/>].

Таким образом, успешная цифровизация востоковедческого образования и исследований в России и Японии требует комплексного подхода, начиная от поддержки на институциональном уровне. Необходимо учитывать национальные особенности, готовность образовательных учреждений к изменениям, и необходимость сохранения гуманитарной составляющей в образовательном процессе.

В заключение хотелось бы привести несколько примеров известных и востребованных цифровых инструментов в современном востоковедческом образовании и исследованиях.

Большую роль в расширении доступа к источникам на японском языке играет проект Aozoga Bunko. Этот ресурс получил известность как один из ведущих онлайн-репозиторий, предоставляющих доступ к большому количеству произведений японской литературы. Aozoga Bunko является ценным инструментом как для исследователей, так и для переводчиков, которые не имеют возможности создавать собственные обширные библиотеки или регулярно обращаться к физическим архивам и библиотечным фондам. Бесплатный доступ к материалам, удобный интерфейс и открытость для широкого круга пользователей способствуют распространению и изучению японской литературы по всему миру [The Digital Orientalist: сайт. URL: <https://digitalorientalist.com/>]. .

«Сбалансированный корпус письменного японского языка» (Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (BCCWJ) является одним из самых известных цифровых корпусов японского языка. Он разработан Национальным институтом японского языка и лингвистики (National Institute of Japanese Literature, (NIJL). Это масштабная база данных текстов современного японского языка, собранная из различных источников: художественной и научной литературы, газет, интернет-ресурсов, блогов, официальных документов и

других жанров письменной речи. Корпус служит ресурсом для лингвистических, культурологических и филологических исследований, поскольку позволяет анализировать особенности современного японского языка с учётом жанров, стилей, лексических и грамматических характеристик.

Организация доступа к корпусу представлена в виде разноуровневой модели, которая отражает традиционную японскую иерархию. Названия уровней взяты из придворной таблицы о рангах эпохи Хэйан.

1. «сё:нагон» (少納言) – базовый уровень доступа, предоставляющий возможность онлайн-анализа корпуса без регистрации.

2. «тю:нагон» (中納言) – расширенный уровень, доступный после бесплатной регистрации на официальном сайте.

3. Полный (платный) доступ к корпусу осуществляется по подписке и предоставляется на физических носителях (DVD), что делает возможным более глубокую и масштабную работу с данными.

Проект «Минна дэ хонкоку» («Совместная расшифровка») представляет собой впечатляющий пример коллаборации в цифровом востоковедении. Целью данного проекта является расшифровка исторических японских текстов [Минна дэ хонкоку: сайт. URL: <https://honkoku.org/>].

Классическое японское письмо *кузусидзи* использовалось в Японии более тысячи лет, но после реформы письменности в 1900 году вышло из употребления. В настоящее время существует обширная база рукописных текстов, написанных *кузусидзи*, однако до определенного времени их расшифровка продвигалась очень медленно. Система **KuroNet**, разработанная исследователями Центра открытых данных в области гуманитарных наук Японии (CODH), предназначена для

расшифровки именно таких исторических текстов. Используя технологии искусственного интеллекта, KuroNet распознаёт изображения старинных текстов, загруженных пользователями, и преобразует их в современный японский язык. Модель была обучена на обширном корпусе данных, собранном CODH, включающем более 4 000 классов символов и около миллиона изображений иероглифов, извлечённых из 44 книг, напечатанных в период Эдо (примерно XVII–XIX века) [The Gradient: сайт. URL: <https://thegradient.pub/>].

С использованием сочетания технологий искусственного интеллекта и экспертной проверки человеком, **система KuroNet** способна распознавать и транскрибировать древние трудночитаемые японские тексты в доступный формат, что значительно облегчает работу исследователей и способствует сохранению культурного наследия Японии.

Автоматизация языкового анализа может проводиться с использованием различных цифровых средств. Примером такого инструмента в России можно назвать экосистему DeepPavlov (разработка МФТИ), которая включает в себя различные продукты и проекты, начиная от библиотеки для анализа текстов, заканчивая платформой для создания кастомных ИИ-ассистентов [DeepPavlov: сайт. URL: <https://ai.mipt.ru/>].

Следует отметить, что это лишь отдельные иллюстрации воздействия цифровизации на развитие востоковедческих исследований.

В настоящее время мы можем наблюдать глобальную трансформацию гуманитарных наук под влиянием новых технологий. Цифровизация востоковедческого образования – неотъемлемая часть этого процесса. Интеграция искусственного интеллекта ставит перед исследователями, преподавателями, студентами целый ряд новых задач.

Способность ИИ эффективно выполнять функции, связанные с обработкой, анализом и генерацией текстов, требует переосмысления традиционных методов преподавания. В частности, необходимо пересмотреть систему оценки знаний.

В этих условиях особую важность приобретает развитие критического мышления и способности к осмысленной интерпретации данных.

Можно выделить два основных типа препятствий на пути полномасштабного внедрения цифровых технологий. Во-первых, это различные технические и организационные аспекты. Во-вторых, когнитивные и педагогические факторы.

В России основными вызовами остаются инфраструктурные ограничения и неравномерный доступ к цифровым ресурсам. В Японии трудности, в свою очередь, обусловлены консервативным характером образовательной системы, недостатком кадров и преобладанием англоязычных ресурсов в цифровой среде.

Преодоление этих барьеров возможно при активной поддержке цифровой инфраструктуры, создании адаптированных национальных платформ, развитии гибридных образовательных программ и международного сотрудничества. Сочетание цифровых и традиционных методов позволит не только сохранить академическую глубину, но также сделает востоковедческое образование и исследования более доступными, гибкими и ориентированными на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Министерство науки и высшего образования Российской Федерации** : официальный сайт. – 2020. – URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/colleges_councils/kollegialnyy-organy/digitalcouncil/digitalobr/ (дата обращения: 12.03.2025). – Текст : электронный.

2. **Минна дэ хонкоку** (Расшифруем вместе) : официальный сайт. – URL: <https://honkoku.org/> (дата обращения: 12.03.2025). – Текст : электронный.
3. **МФТИ** (центр компетенций НТИ «Искусственный интеллект») : официальный сайт. – URL: https://ai.mipt.ru/projects/razgovornyy_neyroiintellekt_deeppravlov/ (дата обращения: 12.03.2025). – Текст : электронный.
4. **Ministry of Education, Culture, Sports, Science, and Technology** (МEXT) : официальный сайт. – 2024. – URL: https://www.mext.go.jp/en/content/20241224-mxt_chousei01-000036407-06.pdf (дата обращения 12.03.2025). – Текст : электронный.
5. **UNESDOC Digital Library** (Beijing Consensus on Artificial Intelligence and Education) : официальный сайт. – 2019. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000368303> (дата обращения 12.03.2025). – Текст : электронный.
6. **Бурганова, И. Н.** Проблемы цифровизации высшего образования в России / И.Н. Бурганова. – DOI: 10.23670/IRJ.2023.133.83. – Текст : электронный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 7 (133). – URL: <https://research-journal.org/archive/7-133-2023-july/10.23670/IRJ.2023.133.83> (дата обращения: 12.03.2025).
7. **Воронов, М.В., Толкачев, В.А.** Методологические аспекты цифровизации гуманитарного образования / М. В. Воронов, В. А. Толкачев // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2021): сб. статей II-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 11–12 ноября 2021 г. / Под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. – М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ. – С. 67–78. – URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2021/contents/dhte2021_Voronov_Tolkachev.pdf (дата обращения: 12.03.2025).
8. **Нагорнова, А. Ю.** Онлайн-обучение во время пандемии коронавируса в начальных и средних школах Японии / А.Ю. Нагорнова // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2023): сб. статей IV Международной научно-практической конференции. 16–17 ноября 2023 г. / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. – Москва : ФГБОУ ВО МГППУ, – 2023. – С. 162–168. – URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2023/contents/dhte2023_Nagornova.pdf (дата обращения: 12.03.2025).
9. **На развитие востоковедческого образования в России требуется 376 млн рублей.** – Текст : электронный // Интерфакс : [сайт].

- 2023. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/906182/> (дата обращения 12.03.2025).
10. **Сорокова, М. Г.** Оценка цифровых образовательных технологий преподавателями вузов / М. Г. Сорокова. – DOI: 10.17759/pse.2023280101. – Текст : электронный // Психологическая наука и образование. – 2023. – Том 28. – № 1. – С. 25–39. – URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2023_n1/Sorokova_et_al (дата обращения: 12.03.2025).
 11. **Степанов, В. И.** Развитие государственного и частного секторов высшего образования в Японии / В. И. Степанов. – Текст : электронный // Педагогические науки. – 2023. – № 1. – С. 156–160. – URL: https://www.researchgate.net/publication/368130133_RAZVITIE_GOSUDARSTVENNOGO_I_CASTNOGO_SEKTOROV_VYSSEGO_OBRADOVANIA_V_APONII (дата обращения: 12.03.2025).
 12. **Сысоев, П. В.** Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности / П. В. Сысоев. – DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33. – Текст : электронный // Высшее образование в России. – 2023. – № 10. – С. 9–33. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-osvedomlyonnost-gotovnost-i-praktika-primeneniya-prepodavatelyami-vysshey-shkoly-tehnologiy> (дата обращения: 12.03.2025).
 13. **Цифровое востоковедение:** Лонгрид сессии XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Центр комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, Секция «Международные отношения». – 2022. – URL: <https://cceis.hse.ru/data/2022/07/01/1638336895/%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5%20%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf> (дата обращения: 12.03.2025). – Текст : электронный.
 14. **Чугров, С. В.** Человеческий капитал научного сообщества в условиях цифровой трансформации: опыт Японии / С. В. Чугров. – DOI: 10.17976/jpps/2023.06.10. – Текст : электронный // Политические исследования. – 2023. – № 6. – С. 128–141. – URL: <https://www.politstudies.ru/article/6088> (дата обращения: 12.03.2025).
 15. **Alvarez, R.** Aozora Bunko: Notes on Usage / R. Alvarez. – Текст : электронный // The Digital Orientalist : [сайт]. – 2025. – URL:

- <https://digitalorientalist.com/2025/01/07/aozora-bunko-notes-on-usage/>
(дата обращения 12.03.2025).
16. **Bawden, D.** Information Overload: An Introduction / D. Bawden. – Текст : электронный // Oxford Research Encyclopedias : [сайт]. – 30 June 2020. – URL: <https://oxfordre.com/politics/display/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-1360?d=%2F10.1093%2Facrefore%2F9780190228637.001.0001%2Facrefore-9780190228637-e-1360&p=emailAQ5JW28G7jYg/> (дата обращения 12.03.2025).
 17. **Karagiannis, P.** Konnichiwa: Japanese scientists and their struggle to speak English / P. Karagiannis, Yamanaka S. – Текст : электронный // National Library of Medicine : [сайт]. – 2021. – URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8024886/> (дата обращения 12.03.2025).
 18. **Lamb, A.** How Machine Learning Can Help Unlock the World of Ancient Japan / A. Lamb. – Текст : электронный // The Gradient : [сайт]. – 2019. – URL: <https://thegradient.pub/machine-learning-ancient-japan/> (дата обращения 12.03.2025).
 19. **Newhall, T.** Digital Humanities and Buddhist Studies in Japan: An Interview with Kiyonori Nagasaki / T. Newhall. – Текст : электронный // The Digital Orientalist : [сайт]. – June 10, 2022. – URL: <https://digitalorientalist.com/2022/06/10/digital-humanities-and-buddhist-studies-in-japan-an-interview-with-kiyonori-nagasaki-1-2/> (дата обращения 12.03.2025).
 20. **Ngoc-Thang B. Le.** Generative AI and the value changes and conflicts in its integration in Japanese educational system / Ngoc-Thang B. Le. – Текст : электронный // philarchive : [сайт]. – URL: <https://philarchive.org/archive/LEGAAK> (дата обращения 12.03.2025).
 21. **Tanaka, E.** Analysis of Discrepancies in Learning Awareness of Data Science Across Disciplines/ A. Tanaka. – Текст : электронный // International Institute of Applied Informatics : [сайт]. – 2024. – URL: <https://iaiai.org/letters/index.php/lir/article/view/321/> (дата обращения 12.03.2025).
 22. **Wierzbicka, A.** Japanese key words and core cultural values / A. Wierzbicka. – Текст : электронный // Language in Society. – 1991. – Vol.20. – №3. – С. 333–385. – URL: https://www.jstor.org/stable/4168261?read-now=1&seq=25#page_scan_tab_contents (дата обращения 12.03.2025).

О. Б. Панова

**ЯЗЫК-ПАМЯТЬ-КРАСОТА: ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОКОВ И
ОСНОВАНИЙ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ В НОБЕЛЕВСКИХ
ЛЕКЦИЯХ ЯПОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**
(Кавабата Ясунари, Кэндзабуро Оэ, Кадзуо Исигуро)

Аннотация: *Статья посвящена интерпретации ключевых концептов мировой культуры – красота, мудрость, память, гармония, доброта – в японском мироощущении и японской художественно-эстетической традиции на основе творчества писателей Японии – лауреатов Нобелевской премии по литературе. В этом контексте автор обращается к нобелевским лекциям «Красотой Японии Рождённый» Кавабаты Ясунари, «Я – писатель амбивалентной Японии» Кэндзабуро Оэ, «Мой вечер двадцатого века и другие маленькие прорывы» Кадзуо Исигуро.*

Ключевые слова: *Япония, японская культура, мировая культура, Нобелевская премия по литературе, язык, память, красота.*

О.В. Panova

**Language-Memory-Beauty: Understanding the Origins and Foundations
of World Culture in Nobel Lectures by Japanese Writers**
(Kawabata Yasunari, Kenzaburo Oe, Kazuo Ishiguro)

Abstract: *The article is devoted to the interpretation of key concepts of world culture – beauty, wisdom, memory, harmony, kindness – in the Japanese worldview and Japanese artistic and aesthetic tradition based on the works of Japanese writers – Nobel Prize laureates in literature. The author takes as a basis the Nobel lectures “Born by the Beauty of Japan” by Kawabata Yasunari, “I am a writer of ambivalent Japan” by Kenzaburo Oe, “My Twentieth Century Evening and Other Small Breakthroughs” by Kazuo Ishiguro.*

Key words: *Japan, Japanese culture, world culture, Nobel Prize in Literature, language, memory, beauty.*

Японская художественно-эстетическая традиция, японская литература, искусство, история японской культуры в целом и творчество выдающихся японских писателей глубоко и подробно изучались и продолжают изучаться сегодня и авторитетными, и современными востоковедами и японистами

[Конрад, 1974; Горегляд, 2006; Григорьева, 2005; Мещеряков, 1991; Алпатов, 2008; Главева, 2003; Скворцова, 2014]. Однако большинство исследователей пытаются понять Японию, и её литературу и философию в себе самой как сокровенно-стыдливую и глубоко скрытую, ни в коем случае не упуская её существенный вклад в историю мировой культуры, конечно. В современных реалиях исследовательского внимания требуют события социально-политического значения, когда Япония открывала себя миру, стремясь откликнуться на актуальные проблемы бытия человечества и сказать миру своё веское слово. Таковыми являются события присуждения Нобелевской премии по литературе трём японским писателям с признанием их значительного вклада в историю человечества: Кавабата Ясунари (1968), Кэндзабуро Оэ (1994), Кадзуо Исигуро (2017). В обозначенном контексте интерес для исследователя представляет не столько их художественное творчество, сколько Нобелевские лекции и речи, которые имел честь слышать весь мир.

Что пытается сказать Япония – Миру устами писателей мирового уровня? Каким личности, открывшие Японию миру, видят сам этот Мир? Что считают важным в истории человечества? Что думают о состоянии культуры, политики, экономики в современную эпоху его развития?

Кавабата Ясунари, которого «облагодетельствовал бог красоты», [Ясунари, 2009, с.18] посвящает свою Нобелевскую лекцию и всё своё творчество именно *красоте*. «Никогда так не думаешь о близком друге, как глядя на снег, луну или цветы. Когда любишь красоту снега или красотой луны, когда бываешь очарован красотой четырех времен года, когда пробуждается сознание и испытываешь благодать от встречи с прекрасным, тогда особенно тоскуешь о друге: хочется разделить с ним радость. Словом, созерцание красоты

пробуждает сильнейшее чувство сострадания и любви, и тогда слово «человек» звучит как слово «друг» [Ясунари, 2012, с. 91].

Писатель обращён ко всей долгой японской эпической традиции и древнейшим японским поэтам-мудрецам – «Кодзики», «Исэ моногатари», Мурасаки Сикибу, Сэй-Сёнагон, Догэну, Мацуо Басё, Иссе. Японское мировосприятие сложилось на основе исконного *синто* («путь богов») – обожествления всего, веры во всеобщую одухотворённость, благоговения перед естественными проявлениями Божества Природы: солнцем, водой, деревьями, камнями, травами, ветром, с одной стороны, и под влиянием *буддизма* и *даосско-конфуцианской* системы религиозных убеждений – с другой. Не случайно старинное название Японии – Ямато – означает: «Срединная страна тростниковых равнин», «Великое Равновесие» или «Великая Гармония». Однако главное – то, что заложено в праистокке души японской культуры: *исконное религиозное чувство Прекрасного*, воспринятое от предков благоговение и поклонение Прекрасному, культ Красоты. От природы наделённые способностью улавливать Прекрасное, японцы впитали сам дух Красоты, навсегда сохранили восприятие Мира-в-Красоте; обрели Дао, изначально выбрав Путь Красоты и Гармонии. Прекрасно всё, что проявляется из Небытия, Великой Пустоты и уходит обратно, возвращаясь к истоку. Красота в понимании японцев – гармония, изначально присущая Миру, извечная сущность Мира, неизменная в своей основе, изменчивы лишь её лики, образы и способы её проявления (*югэн, ваби, саби, аварэ*). Их и стремится уловить Кавабата Ясунари в главных своих шедеврах – «Тысячекрылый журавль», «Стон горы», «Снежная страна», «Мастер игры в Го» и др. [Ясунари, 2009]. Благодаря необыкновенно развитому художественному мировосприятию, японцы

способны чувствовать сокровенную потаённую Красоту Вселенной, ту Красоту, которая хранится в глубинах памяти, в глубинах сердца, не стремясь на поверхность, Красоту Небытия.

В Нобелевской лекции Кэндзабуро Оэ предстаёт совсем другой образ Японии. Вслед за К. Ясунари (имя которого он не раз упоминает и к которому обращается с глубочайшим почтением) и другими японскими классиками он, конечно, придерживается родной эстетической традиции, несёт в мир веру в скрытую, невыразимую красоту японской души и её мудрость. Но его глубоко волнуют трагичность японской истории и те ошибки, которые совершила японская нация по отношению к другим, оказавшись в сложных исторических обстоятельствах Второй мировой войны и т.п. С невыразимой болью он говорит о вине Японии перед человечеством, о жестоких военных преступлениях японцев в азиатских странах, о политических конфликтах, об излишней увлечённости современной японской молодёжи западной массовой культурой и угрозе отрыва от традиции и утраты собственных культурных корней и языка. У него вызывает беспокойство обострившийся экологический и духовный мировой кризис; вслед за Достоевским и А. Камю, Д. Оруэллом он говорит о «несчастном сознании» и «расколоте души» современного человека. Всем этим проблемам посвящены и выдающиеся романы писателя – «И объяли меня воды до души моей», «Эхо небес», «Игры современников» и другие [Оэ, 1978; Шульжевская, 2016]. В современный мир, считает Оэ, должна быть возвращена толерантность как глубочайшая *терпимость* и *смирение* в японском смысле и *подлинная человечность*. [Оэ, 2012, с. 173–174]. И хоть это невероятно сложно, но всё же достижимо – так каким же путём? Ответ писатель ищет в эстетических глубинах души японской

культуры. Его мудрая родина, как он считает, ещё всё же может дать совет современному миру.

Выход из трагедии современности К. Оэ видит в возможности для нас обретения *гармонии*, которую считает высшей ценностью и благом. Писатель обращает внимание на необходимость возвращения к мудрости природы и обретения родства и понимания именно с ней, причём в древних японских традициях бережного, ненасильственного к ней отношения и проникновения одухотворённостью всего живого. Древние мудрецы ведали, что всё имеет душу – и деревья, и скалы, и звёзды, и рыбы, и бамбук, и сакура, и умели общаться с ними, понимая их язык. Явлениям природы японцы поклонялись как божествам. Просветление – *сатори* – которое и есть достижение гармонии с природой, полное слияние с миром, когда на глубочайшем сокровенном уровне становится понятен язык всех живых существ, шорох бамбука, вздохи китов и тишина сада из камней, было когда-то естественным для них. У мастеров икебаны существовал обычай просить у цветов прощения. Японская поэзия и искусство созданы на языке самой природы. Об этом говорил и Кавабата Ясунари: *«Извечной задачей элегической поэзии является утверждение тождества судеб человеческих и судеб растений»* [Ясунари, 2009, с. 471]. И сегодня нам необходимо стремиться к тому, чтобы язык природы вновь стал для нас родным. В этой традиции К. Оэ трогательно рассказывает о своём больном ребёнке, у которого он сам берёт «уроки» такого сокровенного общения и понимания. «Мы назвали его Хикари, что по-японски означает «свет». В младенчестве он откликался только на птичьи голоса и никогда – на человеческие. ...Мой умственно неполноценный сын был пробужден голосами птиц к восприятию музыки Баха и Моцарта и в конечном счете к созданию собственных

произведений. Маленькие музыкальные фрагменты, которыми он начинал, ...казались каплями росы на траве. ...Более того, его музыка воспринимается как способ исцеления, оздоровления и для тех, кто его слушает. Вот что дает мне основание для веры в верховную силу искусства. ...Мне кажется, то, что произошло с Хикари, – воплотившееся пророчество, что когда-нибудь я начну понимать язык птиц» [Оэ, 2012, с. 167, 176].

Проблема *культурной и исторической памяти* стоит особо остро для Кадзуо Исигуро, всю жизнь испытывающего глубочайшую потребность «обрести свои *корни* в языке и творчестве» [Ishiguro, URL:<https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2017/ishiguro/lecture/>].

Писатель родился в Японии, в Нагасаки (1954), но его семья эмигрировала в Британию ещё в 1960 г., когда ему было всего 5 лет, и впоследствии юный Исигуро воспитывался и вырос в англоязычном культурном мире, получил классическое британское образование и далее степень бакалавра в Кентском университете, а в 1980 году – степень магистра искусств в университете Восточной Англии. Писательскому мастерству и искусству художественного слова он учился в семинаре Малькольма Брэдбери и Анжелы Картер, осваивая англо-американскую литературную традицию. Поэтому почти все свои основные произведения Исигуро написал не на родном японском, но на *ином* – английском языке, будучи в *иностранной* социокультурной среде. Однако, обратим внимание: с самого начала романы писателя насыщены японскими темами, сюжетами и мотивами, порой открыто, а порой незаметно вплетёнными в ткань художественного повествования. Сознательно Исигуро пишет на английском языке, стремясь быть открытым, понятным и «своим» в европейском мире и Мире в целом, но бессознательно постоянно пребывает

в родной Японии и создаёт все свои произведения в глубочайших традициях японской культуры. Память Исигуро хранит мифологизированный, являющийся из детских снов и рассказов родителей, образ Японии, и писатель творит свой личный сокровенный миф о «стране восходящего солнца», на основе которого пишет личную историю своей родины, будучи глубоко взволнованным её нелёгкой исторической судьбой.

Уже первый роман – «Там, где в дымке холмы» (1982) – о времени после Второй мировой войны: действие происходит в родном городе писателя Нагасаки в период восстановления города после сброса атомной бомбы. Аналогично – «Художник зыбкого мира» – второй роман, в котором Исигуро исследует отношение японцев ко Второй мировой войне. «Я часто писал о таких людях, которые разрываются между забвением и памятью. ... Забывает ли нация и помнит ли она так же, как и отдельный человек? ... Что именно является памятью нации? Как она формируется и контролируется? Бывают ли времена, когда забвение – единственный способ остановить циклы насилия или предотвратить распад общества, ведущий к хаосу или войне? ... Следующее поколение будет использовать всевозможные новые, порой ошеломляющие способы рассказывать важные и замечательные истории. Мы должны быть открыты для них. ... Мы можем даже найти новую идею, великое гуманное видение, вокруг которого можно сплотиться.», – говорит Исигуро в Нобелевской лекции. [Ishiguro, URL:<https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2017/ishiguro/lecture/>].

Наполнены историческими реминисценциями и явными, и неявными отсылками к японской культуре также и следующие романы писателя – «Остаток дня» (1989), «Безутешные» (1995), «Когда мы были сиротами» (2000). «Не отпускай

меня» (2005) – написан, на первый взгляд, в традициях европейского романа, но влияние родной японской культуры ощущается на уровне мифопоэтической и эстетической глубины его языка и проявляется в оригинальном понимании писателем пространства, цикличности времени и вечности, бытия и небытия, мимолётности жизни и смерти, описаниях природы, его философии обыденности и японской символике. На непереносимое присутствие и действие японской культурной традиции в англоязычных романах К. Исигуро ранее уже обращали внимание и другие современные исследователи [Ватолина, 2019; Погребная, 2018; Сидорова, 2018].

Более поздний роман «Погребённый великан» можно считать синтетическим – мультикультурным и мультижанровым (построен на традициях архаического эпоса, восточной притчи, средневековых саг и легенд, европейского рыцарского романа, взаимосвязи мифа и истории, взаимодействии и тесном сплетении восточных и западных культурных традиций); события разворачиваются в Средневековой Англии эпохи короля Артура, но атмосфера романа пронизана японской эстетикой. Сам текст романа обладает глубочайшей культурной памятью, обращённостью в легендарное прошлое. В нём Исигуро философски осмысливает тему исторической памяти и забвения, вины, горя, мести и прощения, бренности мира и неизбежности смерти и потерь, вытеснения боли в коллективное бессознательное, истинности и ложности воспоминаний, совести и долга перед предками и прошлым.

Так сам язык Исигуро, оригинальный и неповторимый, смешивая архетипы, мифологемы и образы, принадлежащие разным культурным традициям и осваивая, и сплетая разные художественные миры, творит *неомиф* на основе взаимодействия эстетик и культур прошлого и транслирует современности важнейшие мифологические смыслы прошлого и вечные ценности.

Таким образом, выдающиеся писатели, в лице которых Япония открыто выражает себя и говорит своё слово миру об исторических обстоятельствах, политических, социально-экономических, экологических проблемах, технологическом и антропологическом кризисе современности, своими Нобелевскими обращениями ко всему человечеству призывают нас следовать великим традициям прошлого и почитать мудрость древних. В чём наш мир в наибольшей мере нуждается сегодня? – задаются они вопросом. С точки зрения Кавабаты Ясунари самое главное – это *красота*, Кэндзабуро Оэ – *гармония и глубочайшая человечность*, Кадзуо Исигуро в приоритет ставит *память*. Язык японской культуры и японская эстетическая традиция – непрерывны (даже в случаях иноязычного её явления – Кадзуо Исигуро). При этом эстетические ценности, находящиеся в истоке японской культуры, по сути, являются и всегда остаются всечеловеческими и основополагающими для культуры мировой. Однако самое сокровенное в японской душе всё же остаётся для современного мира «непостижимым» и «невыразимым».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алпатов, В.М.** Япония: язык и культура / В. М. Алпатов. – Москва : Языки славянской культуры, 2008. – 208 с. – ISBN 978-5-9551-0273-3.
2. **Ishiguro, K.** My Twentieth Century Evening – and Other Small Breakthroughs. Nobel Lecture: сайт. – URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2017/ishiguro/lecture/> (дата обращения: 24.03.2025).
3. **Ватолина, Н. С.** Японские и английские черты романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» / Н. С. Ватолина // Гуманитарный научный вестник. – 2019. – № 4. – С. 7–15. – DOI 10.5281/zenodo.3403852. – EDN XKDXTM.
4. **Главева, Д. Г.** Традиционная японская культура. Специфика мировосприятия / Д. Г. Главева. – Москва : Восточная литература, 2003. – 264 с.

5. **Горегляд, В. Н.** Классическая культура Японии. Очерки духовной жизни / В. Н. Горегляд. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2006. – 352 с.
6. **Григорьева, Т. П.** Движение красоты. Размышления о японской культуре / Т. П. Григорьева. – Москва : Восточная литература, 2005. – 440 с. – ISBN: 5-02-018478-0.
7. **Конрад, Н. И.** Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми / Н.И. Конрад. – Москва : Главная редакция восточной литературы, 1974. – 568 с.
8. **Крмоян, В. Н.** Анализ художественного произведения «Мастер игры в Го» Ясунари Кавабаты как столкновение двух мировоззрений / В. Н. Крмоян, А. Б. Оганесян // Семнадцатая годовичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть II. – Ереван : Издательство РАУ, 2024. – С.375-386.
9. **Мещеряков, А. Н.** Древняя Япония: культура и текст / А. Н. Мещеряков. – Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. – 224 с.
10. **Оэ, К.** И объяли меня воды до души моей / К. Оэ, предисловие Т. П. Григорьевой. – Москва : Прогресс, 1978. – 407 с.
11. **Оэ, К.** Я – писатель амбивалентной Японии. Нобелевская лекция // Писатели Востока – лауреаты Нобелевской премии / сост. и отв. ред. С. Н. Утургаури. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2012. – С.166-177.
12. **Петренко, А. И.** Лингвостилистические особенности романа Кавабата Ясунари «Снежная страна» / А. И. Петренко // Известия Восточного института. – 2023. – № 4 (60). – С. 100–109. – DOI 10.24866/2542-1611/2023-4/100-109. – EDN EZKNYU.
13. **Погребная, Я. В.** Поэтика романа Кадзуо Исигуро «Погребенный великан»: Европейский интертекст и японский подтекст / Я. В. Погребная // Артикульт. – 2018. – № 4 (32). – С. 191–199. – DOI 10.28995/2227-6165-2018-4-191-199. – EDN YUDQGL.
14. **Сидорова, О. Г.** Кадзуо Исигуро. Писатель в «зыбком мире» / О. Г. Сидорова // Вопросы литературы. – 2018. – № 4. – С. 301–318. – DOI 10.31425/0042-8795-2018-4-301-318. – EDN VLKKKQ.
15. **Скворцова, Е. Л.** Духовная традиция и общественная мысль в Японии XX века / Е. Л. Скворцова, А. Л. Луцкий. – Москва; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 384 с. – ISBN: 978-5-98712-193-1.
16. **Шульжевская, А. А.** Художественная реализация философского подтекста в романе Кэндзабуро Оэ «Объяли меня воды до души

- моей» / А. А. Шульжевская // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 9-5. – С. 79–82. – EDN WTGWHD.
17. **Ясунари, К.** Красотой Японии рождённый. Нобелевская лекция // Писатели Востока – лауреаты Нобелевской премии / сост. и отв. ред. С. Н. Утургаури. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2012. – С. 89-99.
18. **Ясунари, К.** Голос бамбука / Ясунари Кавабата. – Санкт-Петербург : Амфора, 2009. – 608 с. – ISBN. 978-5-521-00413-3.

В. С. Просвиров

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА В ВИДЕОИГРАХ
«SEKIRO: SHADOWS DIE TWICE»
И «LIKE A DRAGON: ISHIN»**

Аннотация: Данная статья посвящена лексико-грамматическим особенностям японского языка в двух современных японских видеоиграх. На примерах показано стилистическое использование бунго, айдзутти, архаизмов и историзмов для создания аутентичного и достоверного сеттинга. Статья демонстрирует дальнейшие перспективы лингвистических исследований внутриигрового текста.

Ключевые слова: японский язык, видеоигры, архаизмы, историзмы, бунго, лексико-грамматические особенности, анализ внутриигрового текста, айдзутти.

V. S. Prosvirov

**Lexico-grammatical features of the Japanese Language
in the videogames *Sekiro: Shadows Die Twice*
and *Like a Dragon: Ishin***

Abstract: the paper explores the lexico-grammatical features of the Japanese language in two modern video games. Through examples, it highlights the stylistic use of classical Japanese, aizuchi, archaisms and historicisms to craft an authentic and credible setting. This paper also outlines the prospects for linguistic research of in-game textual analysis.

Keywords: Japanese language, video games, archaisms, historicisms, classical Japanese, lexico-grammatical features, in-game text analysis, aizuchi.

В настоящее время видеоигры играют всё большую роль в жизни людей: количество игроков растёт с каждым днём, на разработку, локализацию и их техническую поддержку выделяются большие деньги. В частности, на популярную в последние годы игру в жанре экшн-приключение «Cyberpunk 2077», выпущенную польскими разработчиками в 2020 году, было потрачено 174 миллиона долларов [Liam Deane, Why is games development so expensive. URL: [https://www.gamedeveloper.com/blogs/why-is-game-development-so-expensive-\].](https://www.gamedeveloper.com/blogs/why-is-game-development-so-expensive-) Во многих играх присутствует большое количество строк текста (диалоги, описания предметов и т. п.), к примеру, в игре Fallout 4, вышедшей в 2015 г., было 111000 строк текста для одних только диалогов, а в игре «Starfield» таких строчек уже около 250000 [Stephany Nunneley-Jackson, Starfield features over 250, 000 lines of dialogue, which is more than Skyrim and Fallout 4 combined. URL: [https://www.vg247.com/starfield-250000-lines-of-dialogue-more-than-skyrim-and-fallout-4\].](https://www.vg247.com/starfield-250000-lines-of-dialogue-more-than-skyrim-and-fallout-4)

Таким образом, изучение языка в тексте различных видеоигр является перспективным направлением в лингвистических исследованиях. Об этом также свидетельствуют исследования отечественных исследователей, например, М. В. Мишуковой [Мишукова, 2021, 2022, 2023].

В данной статье будут представлены лексические и грамматические особенности японского языка на примере двух современных японских экшн-приключенческих видеоигр: «Sekiro: Shadows Die Twice» и «Like a Dragon: Ishin». Обе игры были созданы в последнее десятилетие, и у них есть схожие черты. «Sekiro» была выпущена компанией FromSoftware в 2019 году, рассказывает историю *синоби*, цель которого – месть клану, предавшего его и его господина. Действие в игре происходит в вымышленном месте, которое

символизирует Японию периода *Сэнгоку*. Видеоигра «Like a Dragon: Ishin» тоже базируется на истории Японии, но намного больше приближена к историческим реалиям. Так, игрок примеряет на себя роль самурая по имени Сакомото Рёма, который является реальным историческим лицом. Действие игры происходит в период *Бакумацу* в княжестве Тоса и в различных кварталах города *Кё*: (название Киото в то время).

Перед тем как перейти к лингвистической характеристике текста игр, видится целесообразным сначала дать общую характеристику жанру и внутриигровым особенностям, которые встречаются в них, а также самому понятию «внутриигровой текст». Экшн-приключенческий жанр, или action-adventure, подразумевает под собой смесь ключевых элементов приключенческого и экшн жанров.

Элементы приключения, перешедшие в экшн-приключенческие игры, следующие: наличие продуманной сюжетной линии, в которой присутствует определенное драматическое напряжение; большое число NPC, с которыми может взаимодействовать игрок; инвентарь, система получения и нахождения предметов во внутриигровом мире; виртуальный открытый мир и т. д. [Adams, 2009]

От экшн-игр были заимствованы боевая система и различные ситуации, которые требуют от игрока скорости реакции, координации, развитой мелкой моторики рук и нахождения верной стратегии для борьбы с врагами [Rollings A., 2003].

Основываясь на характерных особенностях экшн-приключенческого жанра, внутриигровой текст можно поделить условно на следующие составляющие: элементы игрового интерфейса (описания характеристик, системные сообщения); элементы сеттинга – предметы мира игры (оружие, записки, предметы); реплики персонажей. В данной работе как раз и

будут представлены и проанализированы различные части внутриигрового текста.

АРХАИЗМЫ, ИСТОРИЗМЫ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ

«Sekiro: Shadows Die Twice» и «Like a Dragon: Ishin» – это две видеоигры, сеттинг которых основан на двух исторических периодах Японии. Закономерным в данном случае является тот факт, что в них представлен широкий пласт устаревшей лексики и специальных терминов.

古語 *кого* «архаизмы» – это слова, употреблявшиеся много лет назад, которые на современном этапе часто фиксируются преимущественно на страницах произведений классической литературы, словарях или иных памятниках письменности. В наши дни в японском языке архаизмы употребляются ограниченно, например, в качестве средства художественной выразительности в литературе, фильмах, телесериалах, видеоиграх. При этом специально подбираются такие лексические единицы, значение которых будет понятно носителям современного японского языка [Быкова, 2018]. Например, お迎えに参上いたしました、我が主 *О-мукаэ-ни сандзё: итасимасита ва-га арудзи* «Я пришел забрать Вас, мой господин» [Sekiro: Shadows Die Twice, 2019]. Здесь слово 主 *арудзи* «Господин» будет относиться к разделу архаичной лексики [Иванами кого дзитэн, 1982].

В представленных видеоиграх присутствует и немалое число историзмов. Историзмами называются такие слова, которые вышли из употребления в связи с тем, что обозначаемые ими предметы или явления либо вышли из обихода, либо вообще перестали существовать, в качестве примера можно привести такие слова, как латы, армяк, кафтан [Энциклопедический словарь-справочник лингвистических

терминов и понятий, 2014, с. 485]. В японском языке аналогом понятия «историзм» будет 死語 *сиго*, или, как его иначе называют, 廢語 *хайго*. В качестве примера возьмём следующий отрывок: 黒船 *курофунэ* «Черные корабли». 西洋からの船の事。 *Сэйё*: *кара-но фунэ-но кото* «Это корабли, приплывшие с запада». この頃来航した船の船体が黒で塗装されていたため、当時の日本でこう呼ばれた。 *Коно коро райко*: *сита фунэ-но сэнтай-га куро-дэ тосо*: *сарэтэита тамэ то:dzi-но нихон-дэ ко*: *ёбарэта* «Из-за того, что корпус кораблей, приплывающих в Японию в то время, был покрашен в черный цвет, их стали называть именно так» [Like a Dragon: Ishin, 2023]. Здесь слово 黒船 *курофунэ* обозначает все корабли, приплывавшие в Японию с запада, будь то голландские, португальские, испанские или другие [Иванами кого дзитэн, 1982, с. 427]. Понятие *курофунэ* является историзмом, который показывает определенные суда на определенном историческом промежутке.

Во внутриигровом тексте также можно обнаружить и различные специальные термины, описание которых особенно важно, чтобы сформировать полноценную и понятную терминосистему [Гринев, 1990]. В частности, они будут связаны с военной тематикой, потому что в обеих играх можно встретить большое количество оружия, предметов, связанных с оружием, а также различных слов, которые обозначают воинское сословие. Термином является слово или сочетание слов, служащее для выражения определенного понятия и употребляемое в отдельной области знаний. Военная терминология – это система лексических средств, обозначающих понятия военной науки. Примерами терминов могут послужить следующие обозначения: 白札郷士 *сифудэ го:си* «Самурай высшего класса среди своего клана» [Like a Dragon: Ishin, 2023], этим термином обозначали прославленных за

свои заслуги внутри клана самураев, в частности, в княжестве Тоса; 大太刀 *оодати*, 野太刀 *нодати* – это военно-технические термины, обозначающие особенно длинные японские мечи [Рю: га готoku исин! Кандзэн ко:ряку кивами-но сё, 2014].

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

В японской культуре огромную роль играет лексика, связанная с различными социальными отношениями, большое значение придается этикетным нормам, вежливости. Личные местоимения в свою очередь являются яркими лингвистическими маркерами, которые могут показать отношение к собеседнику, указать на его положение в обществе. Личные местоимения в японском языке называются 人称代名詞 *нинсё: даймэйси*. Местоимения разделяются по степени вежливости: от самых вежливых до самых грубых. Например, местоимение *омаэ* раньше использовалась в качестве уважительного местоимения второго лица, но со временем утратило эту функцию, и с эпохи Мэйдзи оно используется в тех случаях, когда говорящий ведет диалог с человеком, который равен ему или ниже по социальному статусу [Oishi, 2017]. 仏さまは、お前さんの古い記憶を起こしてくださっているだけじゃ *Хотокэ-сама ва омаэ-сан-но фуруй киоку-о окоситэ кудасаттэиру дакэ дзя* «Будда всего лишь вызвал в тебе старые воспоминания» [Sekiro: Shadows Die Twice, 2019]. Ещё один пример: 何者ぜよ おんし! ? *Нанимон дзэ ё онси* «Ты кто такой!?» [Like a Dragon: Ishin, 2023]. Личное местоимение второго лица *онси* является примером диалекта Тоса. В стандартном токийском варианте языка местоимению *онси* «ты» будет соответствовать местоимение *омаэ* [Фудзивара, 1974, с. 103].

АЙДЗУТИ

Айдзути являются весьма важным элементом при стилизации современного японского языка под какие-либо цели,

например, для показа исторических реалий или особенностей речи определенных социальных и гендерных групп, а также для передачи эмоциональности и выражения своего отношения к собеседнику. 相槌 *айдзуту* – это слова-отклики на речь собеседника. Изначально термин *айдзуту* обозначал совместные удары кузнеца и его ученика по металлу, сейчас же он прочно вошел в лингвистическую терминологию японского языка [Tanaka, 2004, с. 137]. Примеры: へいへい。そらどうもご丁寧。 *Хэй хэй сора до:мо го-тэйнэй-ни* «Да-да, будьте добры, проходите» [Like a Dragon: Ishin, 2023]. *Айдзуту* へいへい *хэй хэй* выражает поддакивание. 御意 *гэй* «Слушаюсь; Как пожелаете» [Sekiro: Shadows Die Twice, 2019]. Вежливое *айдзуту*, используемое по отношению к вышестоящим [Иванами кого дзитэн, 1982, с. 378].

БУНГО

Японский язык на протяжении своей истории претерпел различные изменения. Если говорить о периодизации истории японского языка, можно выделить следующие ключевые периоды: древнеяпонский язык (III–VIII вв.), классический японский язык (IX–XI вв.), старояпонский язык (XII–XV вв.), новояпонский язык (XVI – первая половина XIX вв.) и современный японский язык (вторая половина XIX в. – наши дни) [Федянина, 2019, с. 6]. Под *бунго* (с яп. 文語) понимается классический письменный японский язык, который используется в классической японской литературе [Маевский, 1991]. *Бунго* сформировался в эпоху Хэйан и использовался как литературный язык вплоть до XX века [Сыромятников, 2014, с. 8]. Однако даже в наши дни *бунго* полностью не выходит из употребления: в Японии на *бунго* продолжают печататься многие классические произведения, кроме того, формы классического языка применяются в публицистическом стиле. В

представленных в данном исследовании видеоиграх «Sekiro: Shadows Die Twice» и «Like a Dragon: Ishin» тоже присутствуют формы *бунго*. 見るものすべてが、正しく起こったことかは、分からぬ・・・ *Миру моно субэтэ-га тадасику окотта кото ва вакарану* «Я не знаю случилось ли всё то, что я видел, на самом деле» [Sekiro: Shadows Die Twice, 2019]. Здесь присутствует связующая частица *кава*, которая имеет в целом те же функции, что и частица *ка*, используется в середине предложения и зачастую связана с концом предложения с помощью определительной формы *рэнтайкэй*. В современном японском языке ей могут соответствовать частицы *か*、*だろうか*. 故郷に錦を飾るべし *Кокё:-ни нисики-о кадзару бэси* «Ты должен вернуться домой с триумфом» [Like a Dragon: Ishin, 2023]. Помимо суффикса долженствования *бэси*, само высказывание является фразеологическим оборотом.

В настоящей работе были рассмотрены лексико-грамматические особенности японского языка в видеоиграх «Sekiro: Shadows Die Twice» и «Like a Dragon: Ishin», были сформулированы общие языковые закономерности, которые используются японскими разработчиками видеоигр с целью сделать игровой процесс более аутентичным и показать определенную историческую эпоху, используя лексику и грамматику понятную современному японскому игроку. При этом остается необходимость и переводчику погружаться в контекст истории Японии, разбираться в специфической терминологии и истории её происхождения [ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык, 2022].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Быкова, С. А.** Архаизмы и слова, вышедшие из употребления, в современной японской языковой системе / С. А. Быкова // «Востоковедные чтения 2018. Лексикология и лексикография. К 200-летию Института востоковедения РАН» 04-06 апреля. – 2018. – С. 9–10.

2. **Горбылёв, А. М.** Ниндзя : первая полная энциклопедия / А. М. Горбылёв. – Москва : Яуза, 2019. – 622 с. – ISBN 978-5-6040918-4-5.
3. **Гринев, С. В.** Основы лексикографического описания терминосистем : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Гринев Сергей Викторович. – Москва, 1990. – 436 с. – EDN NPMKOP.
4. **Иванами кого дзитэн** (словарь архаизмов японского языка) : словарь / под ред. С. Оно. – Токио : Иванами сётэн, 1982. – 1488 с. – ISBN 978-4000800044.
5. **История Японии : учебное пособие : в 2 т.** / отв. ред. А. И. Жуков. Том 1. С древнейших времён до 1868 года. – Москва : Институт востоковедения РАН, 1998. – 659 с. – ISBN 5-89282-107-2.
6. **Маевский, Е. В.** Учебное пособие по старописьменному японскому языку (бунго) / Е. В. Маевский; МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Кафедра японской филологии. – Москва : Издательство МГУ, 1991. – 128 с. – ISBN 5-211-01886-9.
7. **Мишукова, М. В.** Особенности переводов видеоигр как художественных текстов (на примере японских игр жанра JRPG) / М. В. Мишукова // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания : Материалы научно-методической конференции, Москва, 27–28 октября 2023 года. – Москва : Ключ-С, 2023. – С. 201–211. – DOI 10.56700/Kluch.2024.13.62.023. – EDN GUVAVV.
8. **Мишукова, М. В.** Видеоигры как средство повышения мотивации в обучении японскому языку / М. В. Мишукова // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания : Материалы 4-й международной научно-практической конференции, Москва, 10–12 марта 2022 года. – Москва : Ключ-С, 2022. – С. 171–179. – EDN OGZULL.
9. **Мишукова, М. В.** Обучающий потенциал компьютерных игр в изучении языка / М. В. Мишукова // #ScienceJuice2020 : сборник статей и тезисов, Москва, 23–27 ноября 2020 года / Московский городской педагогический университет. Том 2. – Москва : ПАРАДИГМА, 2021. – С. 302–303. – EDN СВЕЕUA.
10. **Рю: га готокү исин! Кандзэн ко:ряку кивами-но сё** (Полное руководство по прохождению видеоигры «Like a Dragon: Ishin»). – Токио : Кадокава, 2014. – 479 с. – ISBN: 978-4-04-729625-1.
11. **Сыромятников, Н. А.** Древнеяпонский язык / Н. А. Сыромятников. – 3-е изд. – Москва : ЛЕНАНД, 2014. – 173 с. – ISBN 978-5-9710-0920-7.
12. **Федянина, В. А.** История японского языка: фонетика и грамматика: учебное пособие / В. А. Федянина ; Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков. – Москва : Ключ-С, 2019. – 81 с. – ISBN 978-5-6041804-6-4.
13. **Фудзивара Ё.** Сикоку санъё:ти хо:гэн тайсё: гидзюцу (Сравнительное описание трех ключевых диалектов Сикоку) : монография / Ё. Фудзивара. – Токио : Мияи Сётэн, 1974. – 348 с.

14. **Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : в 2 т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева и др. ; под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. – Том 1. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2014. – 840 с. – ISBN 978-5-89349-788-5.**
15. **ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык / Е. М. Османов, А. В. Филиппов, А. И. Габитова [и др.]. – Санкт-Петербург : Art-xpress, 2022. – 693 с. – (Issues Of Japanology = Вопросы японоведения № 9). – ISBN 978-5-4391-0801-5. – EDN WAJLUU.**
16. **Adams, E.** Fundamentals of Game Design / E. Adams. – 2nd edition. – New Riders Pub, 2009. – 675 p. – ISBN 978-0321643377.
17. **Deane, L.** Why is games development so expensive? / L. Deane. // Game developer : сайт. – 2022. – 15 декабря. – URL: <https://www.gamedeveloper.com/blogs/why-is-game-development-so-expensive> (дата обращения: 29.03.2025).
18. **Like a Dragon: Ishin!** [Видеоигра] / Разработчик «Ryu Ga Gotoku Studio». – Токио : Издатель «SEGA, Steam: электронная дистрибуция», 2023.
19. **Nunneley-Jackson, S.** Starfield features over 250,000 lines of dialogue, which is more than Skyrim and Fallout 4 combined / S. Nunneley-Jackson. // VG247 : сайт. – 2022. – 3 октября. – URL: <https://www.vg247.com/starfield-250000-lines-of-dialogue-more-than-skyrim-and-fallout-4> (дата обращения: 29.03.2025).
20. **Oishi, E.** Discursive functions of Japanese personal pronouns / E. Oishi. – DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-305-319. // Russian journal of Linguistics. – 2017. – Vol. 21. – № 2. – P. 305–319. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/discursive-functions-of-japanese-personal-pronouns?ysclid=listenmzxt118128384> (дата обращения: 29.03.2025).
21. **Rollings, A.** Game Architecture and Design: A New Edition / A. Rollings, D. Moris. – New Riders Publishing, 2004. – 765 p. – ISBN 0-7357-1363-4.
22. **Sekiro: Shadows Die Twice GOTY edition** [Видеоигра] / Разработчик «FromSoftware». – Токио : Activision, Steam: электронная дистрибуция, 2019.
23. **Tanaka, L.** Gender, Language and Culture: A Study of Japanese Television Interview Discourse / L. Tanaka. – Philadelphia, PA : John Benjamins Publishing, 2004. – 233 p. – ISBN 9781588114723.

Д. Р. Сайфуллина

**МИТИГАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ЯПОНОЯЗЫЧНОМ
РЕЧЕВОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. В данной статье мы ставим перед собой цель выделить средства достижения коммуникативного смягчения на примере высказываний японцев на противоречивые темы, и предпринять попытку их классификаций.

Ключевые слова: митигация, коммуникативное смягчение, японский язык, вежливость.

D. R. Saifullina

Mitigation strategies in Japanese language

Abstract. In this article, we aim to identify the means of achieving communicative mitigation using the example of Japanese statements on controversial topics, and attempt to classify them.

Keywords: mitigation, communicative mitigation, Japanese language, politeness.

Японский речевой этикет отличается крайней степенью вежливости: она проявляется как в жестах японцев, так и в выборе языковых средств коммуникации. Носителям японской культуры свойственно избегать острых углов в общении, чтобы взаимоотношения между участниками коммуникации сохранялись максимально благоприятными. Это продиктовано несколькими японскими культурными концептами, главным из которых является концепт гармонии *Wa* [Корчагина, 2013], который еще в XVII веке принц Сётоку Тайси внёс в конституцию и определил, как «дух непротивления, являющийся основой всего» [Нечаева, 2013]. В частности, добиться этой гармонии в коммуникации японцам помогает принцип *Аймай* – размытость, некатегоричность. [Корчагина, 2013] Выбор речевых средств японцами часто продиктована их стремлением сгладить все шероховатости в коммуникации.

В этой статье мы бы хотели рассмотреть различные речевые стратегии японского языка, которые используются, чтобы достичь коммуникативного смягчения. Такие стратегии также называют митигативными стратегиями.

В качестве примеров митигативных стратегий японского языка мы взяли реплики из видео, в которых японцам на улице задают вопросы, которые могут быть немного щекотливыми.

Рассуждая о митигация, мы, вслед за С. С. Тахтаровой, будем разграничивать митигативные стратегии на пропозициональное, иллокутивное и дейктическое смягчение [Тахтарова, 2010].

При **пропозициональном** смягчении сохраняется иллокутивная функция высказывания, однако истинность характеристик пропозиционального содержания подвергается модификации [Тахтарова, 2009].

Пропозициональное содержание высказывания обычно модифицируется при помощи модусных операторов, варьирующих пропозициональную установку, а также семантических операторов, смягчающих пропозициональное содержание на уровне термина или предиката. Примером подобных операторов могут послужить операторы модуса допущения («возможно», «может быть» и т. д.) и модуса полагания («я думаю», «я считаю»).

Иллокутивное смягчение – это, напротив, сохранение пропозиционального содержания и модификация иллокутивной силы высказывания. К тактикам иллокутивного смягчения относятся косвенные директивы [Казанцева, Валиахметова, Фаткуллина, 2023]. К примеру, вместо прямого утверждения говорящий может облечь то же пропозициональное содержание в форму вопроса.

Дейктическое смягчение базируется на выведении элементов из коммуникативного фокуса. В частности, это достигается использованием лексики широкой семантики, а также

безличными и неопределенно-личными конструкциями. Иными словами, дейктическое смягчение можно охарактеризовать как коммуникативная деактуализация [Каракулова, 2014].

Ярким примером применения языковых средств митигации в японском языке может служить фраза из видео, сказанная в контексте того, что многие японцы не знают английский и отказывают в помощи иностранцам по этой причине: 「国際交流は進んでいけばいいんじゃないかなと思います。」 *Кокусай ко:рю: ва сусундэ икэба ийн дзянай кана то омоимас* «я думаю, разве не хорошо, если бы культурное взаимодействие продвигалось». В данной реплике мы можем заметить *かな кана*, добавляемый к высказыванию, чтобы превратить константив в квеститив, в риторический вопрос. Таким образом, эту грамматику можно отнести к средствам иллюкутивного смягчения. Обратим внимание, что перед частицей риторического вопроса *かな кана* мы можем видеть отрицание *じゃない дзянай*. Таким образом, предложение начинает звучать ещё более неуверенно: «я думаю, а не так ли это, что...?». Мы можем сделать вывод, что использование отрицательных предложений перед *かな кана* способствует ещё большему смягчению иллюкутивной силы высказывания. Также в высказывании содержится оператор модуса полагания *思います омоимас*, что означает, что в данном предложении содержатся не только средства иллюкутивного смягчения, но также и пропозиционального.

Также в японском языке часто вместо прямых просьб используются грамматики *いただければいい итадакэрэба ий*, *てほしい тэ-хосий*. К примеру, в видео с замечаниями иностранным туристам, приезжающим в Японию, японец выражает свои просьбы именно с использованием этих конструкций: 「そういうところに気をつけてほしいなあという風に思いますね。」、「ボリュームを考慮して喋っていただければ」*Со: уу токоро*

ни ки-о цукэтэ хосий на: то уу фу: ни омоимас нэ. «Я думаю в таком ключе, что я бы, наверное, хотел бы, чтобы они уделили внимание этому»; борююму о кангаэтэ сябэттэитадакэрэба «вот если бы они разговаривали, уделяя внимание громкости голоса». Обратим внимание на первый пример, где снижение иллокутивной силы высказывания является не единственным средством смягчения: присутствует модусный оператор полагания 思います омоимас, который соседствует с выражением という風に то уу фу:-ни «в таком ключе». Эта фраза способствует размытию, рассеиванию фокуса с того, что говорящий хотел сказать. Добавление этой фразы означает, что человек не выражает свою мысль точно, а всего лишь «думает в таком ключе». Используя такую осторожную формулировку, говорящий пытается себя обезопасить и снизить уровень своей ответственности за высказывание. Таким образом, мы можем отнести という風に то уу фу:-ни к языковым средствам дейктического смягчения. Во втором примере говорящий выбирает облечь прямую просьбу говорить тише в форму условного предложения. Важно также отметить, что использованная грамматика – いただければ итадакэрэба – с грамматической точки зрения относится не к тем, кому адресована просьба, а к самим говорящим: «если бы мы могли получить от вас выполнение некоего действия...». То же касается и первого примера: вместо прямой просьбы человек использует грамматику てほしい тэ-хосий, которая буквально означает «Я хочу, чтобы сделали это действие». Выбор подобных грамматик не только снижает иллокутивную силу высказывания, но также и смещает фокус с того, кому адресована просьба, на говорящего. Таким образом, ていただく тэ-итадаку, てほしい тэ-хосий, а также подобные конструкции и их производные формы можно отнести к средствам иллокутивного смягчения.

「そこだけ守ってくれたらなああって思いますね。」 *Соко дакэ мамоттэ-курэтаранаа ттэ омоимас нэ*. «Я думаю, что вот было бы хорошо, чтобы они только хотя бы этому [правилу] следовали». В этом примере мы также можем видеть использование похужей по своему функционалу грамматическую конструкцию *てくれる тэ-курэру*. Её отличие от *ていただく тэ-итадаку* и *てほしい тэ-хосий* в том, что она всё же относится к адресату сообщения. Однако особенность этой грамматической конструкции в том, что она несёт в себе чувство благодарности за то, что человек делает: её нередко переводят на русский язык как «любезно сделать», и нюанс в том, что кто-то делает это для говорящего. Таким образом, говорящий смягчает своё высказывание при помощи этой конструкции. Использование условной формы *たらなあ тара на:*, так же как и в предыдущих примерах, снижает иллокутивную силу высказывания, а оператор модуса полагания *思います омоимас* является средством пропозиционального смягчения.

Рассмотрим также некоторые реплики из видео, в котором японцы должны ответить, интересуются ли они политикой. «知らなきやいけないと思ってますけど、あまり、なんか、朝早くて夜帰るのは遅いと、ニュースも見ないし、ほとんど知らない。」 *Сиранакия икэнай то омоттэмас кэдо, амари, нанка, аса хаякутэ ёру каэру-но ва осой то, ню:су-мо минай си, хотондо сиранай*. «Я думаю, что необходимо [политику] знать, но, знаете, типа, если рано вставать и поздно возвращаться домой, то и новости не смотришь, особо не знаешь». Мы можем отнести эту фразу *知らなきやいけないと思ってますけど* *сиранакия икэнай то омоттэмас кэдо* к средствам пропозиционального смягчения: мы можем видеть использование оператора модуса полагания *と思ってます то омоттэмас*. Вдобавок, сама эта формулировка даёт понять, что говорящий не считает, что он прав, не интересуясь политикой: напротив, говорящий подчёркивает, что политику знать необходимо.

Ещё одним ярким примером может послужить ответ японки на вопрос, что она думает про одного политического деятеля: 「でもなんか言ってることは正しいし、頭よさそうですね、普通に。私はわかんないけど。」 *Дэмо нанка иттэру кото ва тадаси си, атама ёсасо; дэс ё нэ, фуцу: ни. Ватаси-ва ваканнай кэдо.* «Но, типа, она и говорит правильные вещи, и кадется умной обычно. Хотя я не знаю, конечно». Эта фраза изобилует различными средствами митигации: использование *でもなんか* *дэмо нанка* в начале высказывания подчёркивает неуверенность говорящей и служит в данном контексте средством пропозиционального смягчения, так же, как и добавление *私はわかんないけど* *ватаси ва ваканнай кэдо* в конце. Таким образом, говорящая не претендует на то, что её мнение верно и хоть сколько-нибудь авторитетно. Неуверенность проявляется и в использовании грамматики *そう со:*, которая означает «выглядит». Иными словами, говорящая снимает ответственность с себя за выражение мнения: она всего лишь сказала, что политик «выглядит умным». Мы полагаем, что это можно отнести к средствам дейктического смягчения, ведь говорящая выводит из коммуникации упоминание собственного мнения. *普通に* *фуцу:-ни* также может служить средством пропозиционального смягчения, так как к ним относят наречия частотности [Демир, Ягыз, 2014: 260].

Разберем также примеры, где девушки отвечают на вопрос, интересуется ли их политика. 「なくはないけど、って感じ。」 *Наку-ва най кэдо, ттэ кандзи.* «Такое чувство, что не то чтобы нет [интереса]». Обратим внимание, что девушка не говорит напрямую, что интереса к политике она никакого не имеет. Она выводит из коммуникативного фокуса то, что она на самом деле чувствует по отношению к политике, скрыв этот смысл за словом *けど кэдо*. Таким образом, мы можем считать, что она использовала в своём высказывании дейктическое

смягчение. Также обратим внимание на оборот *って感じ* *ттэ кандзи* «как-то так», «в таком духе». Мы полагаем, что эту фразу можно отнести к форме дейктического смягчения, поскольку она выражает не четкую мысль, а некое ощущение, эфемерное и неконкретное. Таким образом, она служит размытие коммуникативного фокуса и снятию ответственности говорящего за суть высказывания.

「興味があるかって言われたら、ないけれど、まあちよつと知ってるかな、ニュースで見るかな、ぐらい。」 *Кё:ми-га ару ка ттэ иварэтар*, *най кэрэдо*, *ма: тётто ситтэру кана*, *ню:су-дэ миру кана*, *гурай*. «Если бы меня спросили, есть ли интерес, то нет, однако ну немножко знаю как будто бы, новости вроде бы смотрю, примерно на таком уровне». Несмотря на то, что девушку спросили, есть ли у неё интерес к политике, она начинает свой ответ с условной и при этом неопределённо-личной фразы: «если бы меня спросили, интересна ли мне политика...». Поскольку на задавшего этот вопрос человека в высказывании девушки нет никакого прямого указания, то мы можем считать это примером дейктического смягчения. Такие слова, как *まあ* *ма:* и *ちよつと* *тётто*, в свою очередь, в данном контексте служат средствами пропозиционального смягчения, поскольку говорящая таким образом ставит себя в более скромную позицию. Она подчеркивает, что её познания в сфере политики крайне незначительны. *かな* *кана*, частица риторического вопроса, в данном контексте служит схожей цели: говорящая не выражает уверенность в том, что её даже незначительные познания в политике и правда есть.

После анализа высказываний японцев из видео мы смогли выделить некоторые языковые средства, которые можно отнести к средствам пропозиционального, иллокутивного и дейктического смягчения. Исходя из частотности использования японцами различных языковых средств с целью достичь

коммуникативного смягчения, мы можем сделать вывод, насколько важное место они занимают в японской речевой культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Казанцева, Е. А.** Экологичность, эмоциогенность и продуктивность использования средств митигации в педагогике / Е. А. Казанцева, Э. К. Валиахметова, Ф. Г. Фаткуллина // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2023. – № 3 (45). – С. 134–140. – DOI 10.17122/2541-8904-2023-3-45-134-140. – EDN ZODRQS.
2. **Корчагина, Т. И.** Обучение культуре языкового общения с японцами / Т. И. Корчагина // Полвека в японоведении. Сборник статей и очерков. МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, ОСИПЛ, выпускники японской группы 1968 г. – Москва : Моногатари, 2013. – С. 185–194.
3. **Нечаева, Л. Т.** Воспитание на занятиях японского языка на основе концепта 和 / Л.Т. Нечаева // Полвека в японоведении. Сборник статей и очерков. МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, ОСИПЛ, выпускники японской группы 1968 г. – Москва : Моногатари, 2013. – С. 259–263.
4. **Тахтарова, С. С.** Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Тахтарова Светлана Салаватовна. – Волгоград, 2010. – 40 с. – EDN WZQDMD.
5. **Тахтарова, С. С.** Пропозициональное смягчение и языковые средства его реализации / С. С. Тахтарова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2009. – № 1 (9). – С. 166–169. – EDN KZMHDH.
6. **[Видео]** URL: <https://youtu.be/fXV89VQ5dJQ?si=e9nH2f4wLkRc0Frs> (дата обращения: [25.03.2025]).
7. **[Видео]** URL: https://youtu.be/tUV3sFnU2So?si=d8D8BSOgrYysrS_9 (дата обращения: 25.03.2025]).
8. **Yağız, O.** Hedging strategies in academic discourse: A comparative analysis of Turkish writers and native writers of English / С. Demir, O. Yağız // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2014. – № 158. – P. 260-268. – <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.085>.

М. Сакураи

ЦВЕТОПИСЬ В КОНТЕКСТОЛОГИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ: РУССКИЙ И ЯПОНСКИЙ ЯЗЫКИ

Аннотация: В статье рассматривается контекстный перевод как инструмент при интерпретации культурологических явлений на примерах перевода терминов цвета. В переводе с японского языка на русский много специфических проблем, включая сложность японской письменности. Часто эти проблемы скрыты в контексте.

Ключевые слова: контекст, контекстный перевод, культурологические явления, иероглифическая письменность, цветоопределение.

M. Sakurai

Color Terms in Contextual Translation: Russian and Japanese Languages

Abstract: The article discusses contextual translation as a tool in interpreting cultural phenomena. We analyzed the translations of color terms. There are many specific problems in translating from Japanese into Russian, including the complexity of Japanese writing. Often these problems are hidden in the context.

Key words: Japanese context, contextual translation, cultural phenomena, hieroglyphic writing, color terms.

В своих работах американский антрополог и культуровед Эдвард Холл обосновал идею существования и взаимодействия высококонтекстуальных и низкоконтекстуальных культур [Hall, 1989]. Японскую, как и русскую культуру, Эдвард Холл относит к высококонтекстуальным культурам. Контекст в коммуникации может формироваться множеством различных средств. Идея контекстуальности культуры гипотетически предполагает необходимость поиска способов выражения контекстуального смысла произведения в процессе перевода. Хотя взаимодействующие в нашем исследовании культуры относятся к высококонтекстуальным, они всё же значительно различаются в способах образования контекста.

Одной из самых серьезных проблем в переводе с японского языка на русский и с русского языка на японский является иероглифическая письменность японского языка. В отличие от букв русского алфавита иероглифы имеют собственное значение и передают собственный смысл, и, составляя слова, не теряют своего значения и смысла. При этом они сохраняют свою многозначность и синонимичность, что в значительной мере усложняет понимание и передачу контекста при переводе.

В отличие от информационного текста художественное произведение воспринимается читателем не только по его тексту, и не только разумом, но и сердцем или душой. В качестве средства передачи душевных настроений автор часто обращается к цветовым ассоциациям – к цветописи.

На примере цветообозначения «красный» можно проследить, какие проблемы возникают при передаче смысла в переводе. Для данного исследования важным является то, что ассоциативный ряд с красным цветом у японца и русского не всегда совпадают и даже не всегда симметричны. Выбор эквивалента цветообозначения в языке перевода связан с пониманием значения иероглифа.

Введенное и исследованное О. С. Ахмановой понятие вертикального контекста имеет инструментальное значение для японско-русского перевода особенно в аспекте сопоставительного анализа цветописи в художественных произведениях небольшого объема [Ахманова, 1977]. Использование цветовых ассоциаций для передачи душевных состояний характерны, например, для стихотворений в прозе Юкио Мисимы или для поэзии С. А. Есенина.

Цветопись в поэзии С. А. Есенина метафорически передает совпадение лирических настроений с красотой русской природы.

リヤビーナの紅が 庭に 焚き火と炎えるけれど、 *Ряби:на но ака га нива ни такиби то моэру кэрэдо* «В саду горит костер рябины красной» [Сборник стихов..., 1968]

В этом случае перевода цвета рябины в метафорическом смысле С. А. Есенина переводчик выбрал иероглиф 紅, который в идеографическом смысле имеет напоминание красной губной помады.

Необходимая полнота смысла переводимого текста не всегда в достаточной мере может быть выражена лексикой и синтаксисом текста. Семантический состав лексики текста оригинала может быть асимметричен известным эквивалентам в переводящем языке.

Контекстный перевод содержит в себе элементы адаптации специфической информации оригинального произведения, дополнительной по отношению к оригиналу экспликации авторского понятия, выраженного его авторскими языковыми средствами. В. Н. Комиссаров, представляя переводчика как языкового посредника, считает, что переводчик выполняет не только перевод, но и адаптацию содержательных элементов текста оригинала для общепринятого понимания произведения в другой языковой среде [Комиссаров, 1990]. Под адаптивным действием переводчика понимается «вид языкового посредничества при котором происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место и при переводе), но и преобразование (адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации» [Комиссаров, 1990, с. 48].

Переводческий опыт показывает, что контекстный перевод достаточно часто может служить единственным инструментом при переводе культурологических реалий. В настоящее время в современном глобальном мире информация о

культурологических реалиях распространяется достаточно быстро. Но, как правило, такая информация бывает поверхностной и чаще отвечает лишь на вопрос «что это», оставляя за пределами внимания многие характеристики, которые могут иметь дополнительный объясняющий смысл.

Глубокое различие в системах культурологических реалий в достаточно сильно разобщенных языковых культурах может быть серьезной проблемой при переводе. Мы рассматриваем перевод культурологических явлений с японского языка как проблему необходимости видения переводчиком контекста за реально существующим текстом. В японском языке к трем видам письма (Иероглифы и две слоговые азбуки) следует прибавить еще дополнительный вид письма – ромадзи (латинская транскрипция).

Ни у кого не вызывает сомнения в том, что любая живописная или графическая картина требует особого понимания, хотя и в изобразительном искусстве существуют вполне определенные правила передачи образов, то есть передачи информации. Но иероглиф – это тоже графическая картина, передающая строго определенный смысл и вносящая в текст свой дополнительный контекст.

Доказательство соотношения текста, контекста и общего смысла мы находим в иероглифическом анализе распространенной японской поговорки и ее аналога в русской культуре.

朱に交われば赤くなる *Сю ни мадзиварэба акаку нару*
«С кем поведешься, от того и наберешься».

Иероглифы 朱 и 赤 в своем словарном значении передают красный цвет. И эти значения в большой мере равнозначны. Но, например, поменять их местами в поговорке невозможно: при равности значений они несут различный смысл и вносят в поговорку дополнительное контекстное содержание. Иероглиф 朱 как идеограмма содержит в себе символ дерева,

обладает смыслом красного дерева и передает оттенок красного цвета, смешанного с суриком пронзительного цвета. 赤 состоит из иероглифов 大 (большой) и 火 (огонь). В словаре «新漢語林 (Синкангорин)» говорится, что иероглиф 赤 в идеографическом плане можно понимать как человека, освещенного светом огня, что вполне соответствует смыслу поговорки [Синкангорин, 2011].

Контекстный перевод может быть инструментом, но может оказаться и ограничителем передачи смысла.

Говоря о выборе переводчиком стратегии выполнения перевода, нам хотелось бы отметить, что это спорное для российских переводоведов понятие стратегии перевода приобретает большое значение в японско-русском переводе. В нашем практическом понимании стратегия – это не технология, не последовательность переводческих действий. Это отношение к тексту оригинала и видение отражения его смысла в переводящем языке. Возможно, стратегия составляет аппозицию точности перевода, поскольку контекстный перевод допускает значительное отклонение от лексических эквивалентов в пользу экспликации понятия, выраженного языковыми средствами оригинала. Нас вдохновляет позиция Н. К. Гарбовского. Он считает, что идея соответствия перевода оригиналу допускает деформацию дополнением и опущением в линейном процессе перевода и определяет деформацию как «осознанное искажение какого-либо параметра текста оригинала, обоснованное стремлением решать глобальную переводческую задачу ... и некий тактический ход в русле определенной переводческой стратегии» [Гарбовский, 2007, с. 513].

Анализ многих опубликованных переводов художественных произведений с японского языка на русский приводит нас к выводу, что в этой языковой паре есть достаточно серьезные

причины для наиболее активного использования контекстного перевода. Основная стратегия переводчика в такой ситуации рассматривается как идеология переводческого действия. И таким образом, мы полностью соглашаемся с определением В. В. Сдобникова: «Стратегия перевода – это программа осуществления переводческой деятельности, формирующаяся на основе общего подхода переводчика к выполнению перевода в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемая специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющая характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации» [Сдобников, 2011, с. 172].

Коммуникативный перевод становится в значительной степени «образом характера профессионального поведения переводчика» при восприятии художественного текста, обогащенного специфическим культурологическим содержанием на уровне контекста. Для достижения передачи всей полноты и оттенков коммуникации между автором и читателями его романа, которые могут быть выражены не лексической или синтаксической формой текста, а его письменностью, переводчику с японского языка на русский необходимо дополнительное средство, которым вполне может быть эксплицитный контекстный перевод.

Проведенное исследование подтверждает гипотезу о том, что используемый в цветообозначении иероглиф создает вертикальный контекст в этом обозначении, как, например, создает контекст метафора в предложении.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ахманова, О. С.** Вертикальный контекст, как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1977. – №3. – С.47–54.

2. **Гарбовский, Н. К.** Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – Москва : Издательство Московского университета, 2007. – 544с. – ISBN 978-5-211-05333-5.
3. **Комиссаров, В. Н.** Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с. – ISBN 5-06-001057-0.
4. **Синкангорин** (Словарь «Синкангорин») / Т. Камата, Т. Ёнэяма. – Токио : Тайсюкансётэн, 2011. – 2-е изд. – р. 1952. – ISBN 978-4469031638
5. **Сборник стихов Есенина** : пер. Г. Утимура // Мировая поэзия 53. – Токио : Яёи сёбо, 1968. – с.162. – ISBN 978-4841502107.
6. **Сдобников, В. В.** Стратегия перевода: общее определение / В. В. Сдобников // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 1. – С. 165–172. – EDN NECKYB.
7. **Hall, E. T.** Beyond Culture / E. T. Hall. – New York : Anchor Books. – 1989. – р. 298 ISBN: 9780385124744

В. В. Ситдикова

ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ

Аннотация: *В статье рассматривается методика обучения аудиовизуальному переводу будущих переводчиков. Особое внимание уделяется развитию профессиональных компетенций студентов в условиях цифровой трансформации и глобализации медианпространства. Представленные результаты могут быть полезны преподавателям, исследователям и практикам, заинтересованным в совершенствовании образовательных программ по аудиовизуальному переводу.*

Ключевые слова: *перевод, аудиовизуальный перевод, японский язык.*

V. V. Sitdikova

Audio-visual translation training experience

Abstract: *The article deals with the methodology of teaching audiovisual translation to future translators. Special attention is paid to the development of students' professional competences in the conditions of digital transformation*

and globalization of the media space. The presented results may be useful for teachers, researchers and practitioners interested in improving educational programmes in audiovisual translation.

Key words: *translation, audiovisual translation, Japanese. the Japanese language.*

Аудиовизуальный перевод (далее АВП) – это процесс перевода и адаптации аудиовизуального контента, такого как фильмы, телепередачи, видеоигры и другие мультимедийные материалы, с одного языка на другой.

История АВП охватывает несколько десятилетий и связана с развитием киноиндустрии, телевидения и информационных технологий [Матасов, 2008].

Изначально АВП связывали с переводом немого кино в конце XIX – начале XX века. Зрители получали информацию через интертитры, то есть текстовые пояснительные карточки, которые появлялись на экране между кадрами.

С изобретением звукового кино в конце 20-х годов прошлого столетия распространились такие способы перевода, как субтитры и дубляж и были использованы, в основном, при показе кинофильмов. Дубляж позволял сохранить оригинальные голоса актёров, но требовал значительных затрат на запись новых. Субтитры же использовали как более экономичный альтернативный вариант дубляжа.

С развитием телевидения в середине XX века АВП стал ещё более актуальным. Телевизионные программы и фильмы требовали перевода для международного показа. Со временем появились видеомагнитофоны, ввиду чего начали набирать популярность хоум-видео. Фильмы стали тиражироваться на видеокассетах для домашнего просмотра, что увеличило их потребление. В 90-х годах прошлого века появляются видеоигры. Это стало одним из важнейших этапов развития АВП, поскольку требовалась локализация не только речи персонажей, но и перевода интерфейса игры.

С наступлением XXI века происходит развитие стриминговых сервисов. Появление таких платформ, как Netflix, Hulu и др., значительно увеличило спрос на АВП. Эти сервисы предлагают контент на разных языках с возможностью выбора между дубляжом и субтитрами. Современные технологии позволяют создать более качественные продукты АВП с использованием искусственного интеллекта и автоматизированных систем перевода.

АВП продолжает неуклонно развиваться вместе с технологиями и изменениями в медиаиндустрии. Он становится всё более востребованным и остается важным инструментом для обеспечения доступа к культурному контенту большой аудитории людей, способствуя культурному обмену и пониманию между народами.

Стремительное развитие интернета и стриминговых платформ привело к тому, что сегодня мы имеем плоды так называемой когнитивной революции [Козуляев, 2023]. Постоянный рост объема и скорости передачи информации, особенно в последнее время, требуют базовых знаний для её обработки и представления [Полтавский, Федянина, 2021]. Согласно данным социологов молодое поколение получает 85% информации из аудиовизуальных произведений, к которым относятся не только художественные фильмы, сериалы, но и различного вида видео-ролики. То есть современному молодому человеку куда удобнее посмотреть видео на ютубе, включающий в себя исчерпывающий материал по теме, нежели прочесть книгу или учебник. Подобные видео хорошо запоминаются, дети к этому привыкли, поскольку современное поколение потребляет аудиовизуальные продукты начиная с 2–3-х летнего возраста [Козуляев, 2019].

Таким образом, сегодня к нам приходит новое поколение студентов, которые привыкли получать информацию из социальных сетей, и мы определенно должны переводить

формат обучения на новый язык, доступный нашему новому поколению. Задача современной педагогической науки, призванной в настоящих условиях работать на опережение, готовить специалистов для работы в постоянно изменяющемся информационном поле [Сулейманова, 2019, с. 317].

АВП требует особого внимания при обучении будущих переводчиков, поскольку современный мир всё больше переходит на дистанционные формы взаимодействия и происходит стремительное распространение различного информационного контента [Suleimanov, 2020]. Таким образом, растёт количество самих аудиовизуальных продуктов, требующих качественного перевода, и появляется новая, весьма перспективная, профессия аудиовизуального переводчика.

Ввиду вышесказанного, представляется интересным опыт внедрения упражнений для отработки аудиовизуального перевода на практических занятиях по иностранному языку у будущих переводчиков. Данный эксперимент позволит учащимся не только познакомиться с работой аудиовизуального переводчика, но и попрактиковать живой язык. АВП развивает одновременно нескольких аспектов речи: восприятие на слух, чтение, понимание контекста и культурных особенностей языка. Кроме того, данный вид перевода позволяет активизировать знание грамматики японского языка, что особенно необходимо для развития переводческой компетенции на старших курсах [Гераймович, 2023]. Просмотр и перевод видео с оригинальной озвучкой и субтитрами помогает привыкнуть к естественной скорости речи, интонации носителей языка, что значительно улучшает навыки аудирования. Это способствует более глубокому усвоению изученного материала.

С целью ознакомления студентов с работой аудиовизуального переводчика, нами был проведен эксперимент на студентах 3 курса, обучающихся по направлению «Перевод и

переводоведение – японский язык».

В ходе эксперимента был разработан комплекс упражнений, направленных на знакомство студентов со всеми этапами АВП над работой над одним роликом. Работа была поделена на 8 этапов:

1. На первом этапе студентам необходимо было найти и изучить информацию о том, что такое аудиовизуальный перевод, какие компании на территории России занимаются подобным переводом в области японского языка и какие требования эти компании предъявляют к подобному виду перевода и самому переводчику. Таким образом, студент подготавливает себя к тому, что он должен уметь, выполняя подобную работу, какие умения ему потребуются и сколько он на этом сможет заработать.

2. Далее студентам было предложено выбрать на просторах интернета рекламный видеоролик длиной не более 3х минут и подготовить его предпереводческий анализ. Предпереводческий анализ – это обязательный этап профессиональной деятельности переводчика. Он позволяет разработать определенный план работы с текстом и предотвратить ошибки и неточности при переводе. Благодаря тщательному и грамотному анализу специалист может глубже изучить исходный текст и его особенности, разработать правильную переводческую стратегию (т. е. определить коммуникативную задачу данного видео, его реципиентов, стиль подачи информации).

3. На третьем этапе обучающимся было предложено подготовить скрипты к данному видео и выделить к ним тайм-коды.

4. После этого студенты должны были произвести непосредственный перевод скриптов, выделить наиболее сложные моменты и обозначить стратегии их решения. Данное задание не только даёт возможность тренировки практических навыков перевода, но и возможность освежить в памяти такие

ранее изученные дисциплины как теория перевода и стилистика.

5. На пятом этапе студенты получили задание изучить программы по созданию субтитров и дубляжу и выбрать для себя оптимальную и удобную программу. Изначально преподаватель предложил список подобных программ и краткую инструкцию по их использованию. Но стоит отметить, что большинство студентов самостоятельно подобрали себе наиболее удобные им программы.

6. На следующем этапе студенты изучили требования субтитрования текста и создали субтитры к выбранному видео.

7. Затем студенты произвели дубляж видео-ролика и презентовали его перед одноклассниками в аудитории.

8. Заключительным заданием для студентов стало создание экономической карты перевода. Студентам необходимо было промониторить цены на оплату подобного труда, оценить сколько денег они могли бы заработать за перевод и дубляж выбранного рекламного ролика и сколько, в целом, они потратили времени на данную работу. При этом были выделены обязательные для оплаты этапы работы: расшифровка фильма с тайм-кодами, перевод под закадровое озвучивание, редакция, запись аудиодорожки для закадрового озвучивания, наложение аудиодорожки и синхронизация звука, субтитрование текста. Так же при составлении экономической части студенты сделали акцент на редкости японского языка.

Подводя итог, можно сказать, что эксперимент удался. Студентам удалось получить практический опыт перевода, проанализировать свои возможности, узнать сколько они смогут заработать и насколько времязатратен данный вид перевода. Обучающиеся подошли очень творчески к данному заданию: они выбрали интересные и весёлые видео и

постарались при озвучивании передать эмоции актёров. В результате опроса после эксперимента, отзывы студентов были весьма положительные. Большинство отметили, что использование аутентичных аудиовизуальных материалов делает процесс обучения более живым и интересным, а внедрение АВП в учебный процесс даёт им возможность понять будущую профессию изнутри. Это способствует повышению мотивации учащихся и улучшению их вовлеченности. Подобные методики развивают профессиональную компетентность обучающихся, формирует целостные интегрированные знания, умения и навыки, дают возможность накопить опыт применения полученных знаний на практике, позволяет успешно сочетать теорию с практикой, развивают и воспитывают всесторонне развитую конкурентоспособную личность [Гулиянц, 2017, с. 74].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гераймович, Е.О.** Грамматические навыки в составе профессиональной иноязычной переводческой компетенции студентов старших курсов языкового вуза (японский язык) / Е. О. Гераймович // Научный старт-2023 : Сборник статей аспирантов и магистрантов / Институт иностранных языков МГПУ. Том ЧАСТЬ 1. – Москва : Языки Народов Мира, 2023. – С. 109–112. – EDN AEOWOG.
2. **Гулиянц, А. Б.** Применение интегративного подхода в профессиональной подготовке переводчиков в вузе / А. Б. Гулиянц, С. Б. Гулиянц // Интеграция в образовании: проблемы и пути решения, Чебоксары, 24 сентября 2017 года. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2017. – С. 71–75. – EDN YOBACV.
3. **Козуляев, А. В.** Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык) : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Козуляев Алексей Владимирович. – Москва, 2019. – 234 с. – EDN PQVFXZ.

4. **Козуляев, А. В.** Интегративная методика обучения аудиовизуальному переводу в высшей школе как ответ на вызовы четвертой когнитивной революции : Монография / А. В. Козуляев. – Чебоксары : Среда, 2023. – 96 с. – ISBN 978-5-907688-13-1. – DOI 10.31483/a-10489. – EDN BLHGWD.
5. **Матасов, Р. А.** История кино/видео перевода / Р. А. Матасов // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2008. – № 3. – С. 3–27. – EDN JYBFUF.
6. **Основы цифровизации: первые поколения отечественных электронных вычислительных систем, компьютерные сети и машинные переводчики** / А. В. Полтавский, В. А. Федянина, А. С. Скотченко, М. В. Шевцова. – Москва : Сам Полиграфист, 2021. – 160 с. – ISBN 978-5-00166-431-4. – EDN YOCWUD.
7. **Сулейманова, О. А.** Технологический аспект подготовки современного переводчика / О. А. Сулейманова, Э. В. Нерсесова, Е. М. Вишневецкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 7. – С. 313–317. – DOI 10.30853/filnauki.2019.7.67. – EDN CRHQIB.
8. **Suleimanova, O. A.** The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science / O. A. Suleimanova, I. A. Guseinova, A. A. Vodyanitskaya // Society. Integration. Education : Proceedings of the International Scientific Conference, Rēzekne, 22–23 мая 2020 года. Vol. 4. – Rēzekne: Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija, 2020. – P. 657–669. – DOI 10.17770/sie2020vol4.4851. – EDN WASBXL.

М. А. Смирнова

ПОТЕНЦИАЛ ЯПОНСКИХ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВЕЖЛИВОМУ СТИЛЮ РЕЧИ

Аннотация: В статье представлен анализ учебно-методических комплексов «Маругото» и «Иродори» и опыт их применения с целью обучения вежливому стилю речи, кэйго, на японском языке на начальном этапе обучения. Данные учебные материалы ранее не исследовались с позиций достижения данной лингвообразовательной цели. В статье доказываётся, что их потенциал для обучения категории «вежливость» достаточно велик. Выделены (в сравнении с подобными пособиями) их

преимущества и недостатки для обучения студентов вежливой речи на японском языке.

Ключевые слова: японский язык, аутентичные материалы, вежливый стиль, кэйго.

M. A. Smirnova

**The potential of Japanese educational
and methodological complexes for teaching students
polite speech style**

Abstract: *The article presents an analysis of the «Marugoto» and «Irodori» teaching and methodological complexes and the experience of their application for the purpose of teaching polite style of speech, keigo, in Japanese at the initial stage of training. These teaching materials have not been studied from the standpoint of achieving this linguistic educational goal, meanwhile their potential for teaching the category of "politeness" is quite large. Their advantages and disadvantages for teaching students polite speech are highlighted (in comparison with similar manuals).*

Key words: *Japanese language, authentic materials, polite style, keigo*

Правильный отбор учебных материалов является определяющим элементом в обучении иностранному языку. «Применительно к предмету «Иностранный язык» Учебник, соответственно, выступает как образовательный инструмент, имеющий обучающее, воспитывающее, развивающее воздействие на языковую личность субъекта учебной деятельности [Бим, 1999]. При этом он представляет собой единственное ключевое средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции обучающегося в отсутствие естественной языковой среды» [Тарева, 2021, с. 6]. Учебник в лингвообразовательном контексте является инструментом национально-культурного самоопределения обучающихся [Тарева, Бокова, 2021].

Выбор зарубежного учебника/учебного пособия для целей обучения русскоязычных обучающихся – сложная задача, поскольку такая учебная книга должна соответствовать ряду

важных критериев (о них, в частности, говорится в [Тарева, Павлова, 2020]). Не является исключением ситуация обучения студентов японскому языку в специализированном вузе. Проблема поиска хорошего аутентичного учебника или учебного пособия для обучения студентов первого курса японскому языку всегда была актуальна. Особенную трудность составляет отбор материала для обучения вежливому стилю японского языка и категориям вежливости. Для решения этой проблемы важно изучить эффективность применения учебных пособий «Маругото» и «Иродори» для обучения системе *кэйго* на занятиях по японскому языку. Стоит отметить, что на начальном уровне обучения учебники и пособия на японском языке целесообразно применять в качестве дополнительного материала к основному учебнику.

Подробное описание учебных пособий «Маругото» и «Иродори» можно найти в литературе (см., например, [Ситдикова, Тарева, Федянина, 2023]). Опыт применения данных пособий в процессе обучения японскому языку представлен в исследовании М. Н. Мизгулиной [Мизгулина, 2021].

В качестве преимуществ пособий «Иродори» и «Маругото» при обучении вежливой речи, прежде всего, следует отметить практикоориентированность заданий за счет использования дескрипторов системы «Can-do» [Федянина, 2022]. Помимо этого, важным является включение заданий с опорой на японскую концепцию 発見 *хаккэн* «открытие; выявление». Это дает возможность более эффективно запомнить необходимую информацию, в частности такой сложный материал, как *кэйго*. Задания выстроены так, что обучающиеся обязательно самостоятельно пробуют понять и осознать новый материал: лексику, грамматику, фразы посредством прослушивания аудиодорожек, просмотра видео или прочтения дополнительного страноведческого материала. Таким

образом происходит глубокое погружение в ситуацию и благодаря этому более прочно осваиваются лексические, грамматические и функциональные особенности вежливого стиля речи на японском языке. Последующее объяснение материала преподавателем, повторное прослушивание помогает более прочно запомнить новый материал. Следует отметить, такой метод в большей степени присутствует в «Иродори».

Необходимо перечислить преимущества пособий, способствующих успешному обучению японского языка (особенно вежливости):

1. Доминируют коммуникативный, компетентностный и межкультурный подходы;
2. Богатый страноведческий и культурный материал;
3. Наличие концепции 発見 *хаккэн*;
4. Наглядность материала (наличие видео, а также много картинок для более точного понимания ситуации);
5. Практикоориентированность, наличие дескрипторов;
6. Наличие большого количества информации о категориях вежливости;
7. Невысокий уровень сложности материала.

При наличии преимуществ данные пособия не лишены недостатков. К ним относятся следующие показатели:

1. Ограниченный список тем, проработаны не все аспекты вежливой речи;
2. Программа рассчитана на высокий темп занятий;
3. Необходим лингвокультурологический и грамматический комментарий, его отсутствие может привести к непониманию со стороны обучающихся.

Если говорить о практике использования данных пособий для обучения *кэйго*, то ключевой их особенностью является большая ориентированность на разные уровни вежливости в

общении с носителем японского языка. Уже с первых уроков можно отметить разницу в ситуациях общения с начальником и с другом, что можно встретить не во всех учебниках на японском языке. А большое количество информации о культуре и этикете Японии поможет более глубоко понять особенности вежливого общения в разных ситуациях. Имеется тема «Посещение дома», в которой используются сугубо формальные фразы.

Большим преимуществом «Иродори» перед «Маругото» является больший акцент в материалах на использование *кэйго* и наличие большого количества этикетных фраз. Важно, что объяснение нового материала, введение новой лексики подаются сразу с позиции всех трех стилей вежливости японского языка.

Проанализировав «Маругото», можно сделать вывод, что на начальном уровне этого пособия представлены задания, направленные больше на практику разговорной речи. При этом оно подходит для обучения *кэйго*, особенно для понимания функциональных особенностей вежливой речи. Имеются задания, где необходимо перефразировать текст, поменять фразы разговорного стиля на фразы вежливого стиля. При работе с такими заданиями необходимо разобрать в первую очередь сами ситуации общения и условия применения вежливого стиля, используя видео с сайта учебно-методического комплекса как наглядный материал при объяснении нового материала.

При анализе пособия «Иродори» следует выделить большее (в сравнении с «Маругото») количество заданий, направленных именно на практику вежливого стиля речи и вежливости. Ниже представлен пример практики применения пособия «Иродори» для обучения вежливости в сопровождении с примерами заданий.

Самые первые задания, посвященные теме «приветствие» уже содержат подробные объяснения коммуникативных ситуаций, они помогают понять японский концепт *うち—そと* *ути-сото* «свой-чужой» и *上下関係* *дзэ:гэканкэй* «иерархия отношений» через призму различий контекстов общения и используемых при этом фраз. Примером служит задание «Какие приветствия используют говорящие в диалогах? Как Вы думаете, какой вариант «Доброе утро» более вежливый: *おはようございます* *охаё: годзаимасу* или *おはよう* *охаё:?*». При этом на странице есть иллюстрации, хорошо отображающие разницу в положении собеседников (например, представляется ситуация общения между начальником и подчиненным). Особенности иерархии отношений выражаются во фразах, и это отлично демонстрируется в учебнике.

Полезным для обучения пониманию функционирования вежливости при общении на японском языке будет задание учебника «Иродори. Базовый уровень 1». В этом задании отдельно разбирается категории вежливости и различные коммуникативные ситуации. Иллюстрацией служит задание «Два человека, встретившиеся спустя долгое время, приветствуют друг друга. Сначала послушайте диалоги, не глядя в текст. Как вы думаете, какие отношения между собеседниками на иллюстрациях?». Студентам дается возможность прослушать три варианта одного и того же диалога. После этого им необходимо определить, какой вариант диалога отражает ситуации общения, где собеседники являются:

1. *友だち* *томодати* «друзьями»;
2. *先輩と後輩* *сэмпай-то ко:хай* «старшими и младшими товарищами / коллегами»;
3. *知り合い* *сирай* «знакомыми».

Сам диалог имеет следующий смысл:

A: А, давно не виделись.

Б: Да, давно не виделись.

А: Как Ваши/твои дела? (Вы/Ты здоров?)

Б: Да, Вашими молитвами все хорошо/ все хорошо (Да, здоров)

Следующие варианты диалога имеют общий смысл, при этом в зависимости от ситуации стиль вежливости в речи должен отличаться.

Вариант 1.

А : あ、お久しぶりです。 *А, о-хисасибуридэсу.*

В : お久しぶりです。 *О-исасибуридэсу.*

А : お元気ですか? *О-гэнкидэсука?*

В : はい。おかげさまで。 *Хай, окагэсамадэ.*

Вариант 2.

А : あ、久しぶり。 *А, хисасибуридэсу.*

В : 久しぶり。 *Хисасибури.*

А : 元気? *Гэнки?*

В : うん。元気。 *Ун, гэнки.*

Вариант 3.

А : あ、久しぶり。 *А, хисасибури.*

В : お久しぶりです。 *Хисасибуридэсу.*

А : 元気? *Гэнки?*

В : はい。おかげさまで。 *Хай, окагэсамадэ.*

После прослушивания диалогов следует обсуждение ответов студентов. Далее предлагается задание на воспроизведение диалогов в парах: «Выберите, кем является ваш собеседник (друг / старший коллега или учитель / знакомый и т. п.), и разыграйте ситуацию: вы встретились спустя долгое время и приветствуете друг друга».

Для большей эффективности обучения категории вежливости можно предложить дополнительные задания. Попросить обучающихся:

- самостоятельно установить, как определить вежливость в подобных фразах с использованием правил на завершение фраз на *—です* *дэсу* и на использование вежливых префиксов *お—/ご—* *о/го*,
- произнести фразы с определенной интонацией (в простой стиле можно услышать больше проявлений эмоций, в вежливом стиле их минимальное количество), в чем помогает аудиоматериал учебника,
- дать примеры похожих ситуаций,
- поменять разные фразы, применяя выражения необходимой по ситуации вежливости.

При выполнении подобных заданий студенты самостоятельно определяют ситуации общения, лексические, грамматически и функциональные особенности вежливого стиля, а после применяют знания на практике. При проведении устного тестирования было выявлено, что такое задание повысило эффективность усвоения материала.

Отдельно следует выделить пример интересного задания, которое обычно разбирается на более позднем этапе обучения в силу сложности предложенных фраз. В «Иродори» данное задание содержится в одном из первых уроков. Оно направлено на достижение результата дескриптора «Can-do 22» «Можете сделать заказ в кафе быстрого питания».

ЗАДАНИЕ

«Три посетителя делают заказ в бургерной. Что заказал каждый из них?».

В данном задании цель – сделать сам заказ, но стиль речи, который использует продавец при общении с покупателями, является сугубо формальным, речь становится сложной для восприятия. Но именно общаются носители японского языка в сфере обслуживания, и поэтому понимание таких фраз является необходимым для грамотной коммуникации.

В диалоге представлены следующие фразы в вежливом стиле:

いらっしやいませ。 *Ирассяимасэ*. «Добро пожаловать».

おうかがいします。 *Укагаисимасу*. «Могу я принять Ваш заказ?».

お持ち帰りですね。 *О-мотикаэридэсунэ*. «Вам с собой, верно?».

何になさいますか？ *Нани-ни насаимасука*. «Что будете заказывать?».

こちらでおめしあがりですか？ *Котира-дэ о-мэсиагаридэсука*. «Вы будете есть здесь?».

Студенты слышат ответы покупателей в этих диалогах, и они могут уже даже самостоятельно определить, что вопрос *何になさいますか* *нани-ни насаимасука* в нейтрально-вежливом стиле будет *何にしますか* *нани-ни симасука*.

Для большей наглядности ситуации рекомендуется дополнить текст опорой в форме видео, имеющемся в учебно-методическом комплексе.

В качестве итога можно отметить, что эффективность применения данных учебных пособий высока. Ключевой особенностью является структура работы с материалом, предлагаемая в данных учебниках. Как задумано авторами в структуре подачи материала, задания не направлены на распознавание грамматического и/или лексического материала. Благодаря достижению целей, поставленных в дескрипторах «Can-do», студенты постигают определенные коммуникативные стратегии, предлагаемые в учебнике (про данные стратегии подробнее см. [Абэ, Мисочко, Федянина, 2022]). Главной целью выступает формирование определенных навыков, а вместе с этим и развитие умений точно с позиций вежливости ориентироваться в ситуациях. При такой работе непроизвольно осваивается грамматический и лексический материал (конечно, с последующим более подробным

объяснением преподавателя). Все это помогает запоминать слова, этикетные фразы в контексте употребления, что способствует лучшему усвоению материала.

Происходит осознание ранее упомянутой лингвокультурной концепции 発見 *хаккэн*. Важным условием для этого является качественное аудирование и высокий уровень наглядности, достигаемый посредством просмотра видео к заданиям и изучения дополнительного страноведческого материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абэ, Х.** Модель описания уровней владения японским языком как иностранным, разработанная Японским фондом / Х. Абэ, Г. О. Мисочко, В. А. Федянина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2022. – № 3 (47). – С. 130–140. – DOI 10.25688/2076-913X.2022.47.3.11. – EDN FYTJZF.
2. **Бим, И. Л.** К проблеме оценивания современного учебника иностранного языка / И. Л. Бим, О. В. Афанасьева, О. А. Радченко // Иностранные языки в школе. – 1999. – № 6. – С. 13–17. – EDN ZWXJXH.
3. **Мизгулина, М. Н.** Развитие механизма вероятностного прогнозирования при обучении аудированию японских текстов / М. Н. Мизгулина // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания : Материалы 3-й международной научно-практической конференции, Москва, 11–13 марта 2021 года. – Москва: Ключ-С, 2021. – С. 169–178. – EDN RWTZET.
4. **Ситдикова, В. В.** Комплексный анализ учебных пособий по японскому языку для дополнительного школьного образования / В. В. Ситдикова, Е. Г. Тарева, В. А. Федянина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2023. – № 4 (52). – С. 206–214. – DOI 10.25688/2076-913X.2023.52.4.16. – EDN YBPKMY.
5. **Тарева, Е. Г.** Учебник иностранного языка: сила воздействующей функции / Е. Г. Тарева // Иностранные языки в школе. – 2021. – № 7. – С. 5–11. – EDN HMYCDN.
6. **Тарева, Е. Г.** Всероссийская конференция с международным участием «учебник как инструмент национально-культурного самоопределения обучающихся» / Е. Г. Тарева, Т. Н. Бокова // Иностранные языки в школе. – 2021. – № 5. – С. 95–96.
7. **Тарева, Е. Г.** Критерии выбора зарубежного учебника как средства подготовки обучающихся к межкультурному общению / Е. Г. Тарева, Е. О. Павлова // Общество. Коммуникация. Образование. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 121–130.

У. П. Стрижак

РОЛЬ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО РУССКО-ЯПОНСКОГО КОРПУСА
В ГРАММАТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ: ОДУШЕВЛЕННОСТЬ
КАК АГЕНТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация: В статье на материале фрагмента поливариантного параллельного русского-японского корпуса художественных текстов рассматривается грамматическая категория одушевленности как одна из агентивных характеристик субъекта и объекта в японских синтаксических структурах. Результаты исследования доказывают, что задействование корпусных данных помогают выявить и систематизировать агентивные характеристики прототипического и непрототипического синтаксического субъекта, а расширенный контекстный анализ позволяет уточнить, какие ситуации в исходном тексте обуславливают допустимость антропоориентированного неодушевленного субъекта в японском языке.

Ключевые слова: одушевленность, параллельный корпус, агентивные характеристики, японский язык, неодушевленный субъект.

U. P. Strizhak

The Role of Parallel Russian-Japanese Corpus in Grammatical
Description: Animacy as an Agentive Characteristic

Abstract: The article examines the grammatical category of animacy as one of the agentive characteristics of the subject and object in Japanese syntactic structures. This research is based on a fragment of a multivariant parallel Russian-Japanese corpus of fiction texts. The results prove the huge role of corpus data to identify and systematize the agentive features of the prototypical and non-prototypical syntactic subject. The large-scale contextual analysis helps to clarify the situations in the source text which determine the acceptability of an anthropocentric inanimate subject in Japanese.

Key words: animacy, parallel corpus, agentive features, Japanese language, inanimate subject.

Одушевленность в лингвистическом научном поле определяется как одна из категориальных языковых форм, которая

преимущественно свойственна существительным, обозначающим названия живых существ. Данный грамматический признак играет важную роль в определении семантических и синтаксических ролей участников высказывания. В частности, одушевленность является обязательным и/или ведущим признаком участников агентивных конструкций, который обуславливает способность субъекта оказывать воздействие, а объекта – претерпевать изменения. Соответственно, проблема наличия в высказывании субъекта, не обладающего данной способностью, вызывает многочисленные дискуссии, в результате которых выделяются такие виды возможных неодушевленных агентивных субъектов, как природные явления, обладающие некоторой собственной энергией, или условно автономные механизмы, в разной степени допускаемые на позицию субъекта.

В японском языкознании вопрос о неодушевленном субъекте также активно дискутируется; при этом неоднократно отмечается, что высказывания с неодушевленным субъектом являются грамматически правильными, но когнитивно и прагматически некорректными для японского языка. Так, К. Иноуэ на материале большого количества примеров указывает, что «способностью воздействовать» в японском языке могут обладать только одушевленные субъекты. [Иноуэ, 1977, с. 37–55]; А. Кондо указывает, что в японском языке четко «просматривается тенденция избегать занятия позиции субъекта в переходных конструкциях неодушевленными субъектами» [Кондо, 2018, с. 60–61]; у С. Андо подчеркивается необходимость преимущественного помещения человека (а не неодушевленного субъекта) на позицию деятеля в связи с принципами иерархической организации пространства в японском высказывании [Андо, 1986, с. 266–268] и т. д.

Та же мысль была неоднократно высказана в ходе полевого исследования³ информантами-носителями японского языка: неодушевленный субъект не свойственен японскому языку, а наиболее типичным способом описания ситуации воздействия является ее представление как естественно складывающегося положения дел; если же необходимо обозначить субъект воздействия, то он скорее будет одушевленным. В этом японский язык следует прототипу агентивной конструкции, описанному во многих работах по общему языкознанию, в которых подчеркивается, что одушевленность является обязательной характеристикой как субъекта, так и объекта агентивных конструкций. В данном исследовании это теоретическое положение будет рассмотрено на материале параллельных текстов, что поможет уточнить статус неодушевленного каузатора в японском языке. Параллельные тексты служат важным источником информации о структуре языка перевода; методологическая ценность параллельных текстов как источника грамматического описания языка подробно описана в работе [Стрижак, 2023], в которой особо подчеркивается, что «анализ переводных текстов, ставящий своей целью поиск, систематизацию примеров и последующее объяснение механизмов отторжения чужого, может помочь определить устойчивые сложившиеся в переводящем языке языковые модели: чем сильнее сопротивление принимающего языка, тем более устойчивой в нём является данная структура» [там же, с. 100].

³ В ходе полевого исследования автора в 2019 г. была проведена серия глубинных интервью с шестью японскими ведущими славистами-переводчиками русской литературы: Иноуэ Юкиёси, Камэяма Икуо, Като Юри, Мотидзуки Тэцуо, Нумано Кёко, Нумано Мицуёси. В ходе интервью информанты комментировали языковые примеры, в том числе – с неодушевленным субъектом, с точки зрения естественности их синтаксической структуры и степени агентивности японского высказывания.

Источниковой базой данной работы послужили тексты трех японских переводов произведения М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Хоки Аяко (перевод 2000 г., в примерах обозначен как ММ1), Наката Тадаси (перевод 2006 г., в примерах обозначен как ММ2) и Мидзуно Тадао (перевод 2008 г., в примерах обозначен как ММ3). Совокупность данных переводов, выполненных в рамках одного десятилетия, позволяет рассмотреть данный массив текстов как фрагментарный срез языковой действительности в синхронии.

С помощью метода сплошной выборки были отобраны 205 конструкций, где центральную аргументную позицию в высказывании занимает антропоориентированный неодушевленный субъект при агентивном предикате, что определяет наличие в предикате семантики воздействия такого субъекта на одушевленное существо. Случаи метафорического олицетворения неодушевленного субъекта, когда он наделяется антропоморфическими свойствами и выступает как деятель в нераспространенном предложении, не оказывая влияния на человека, например: «туча ворчала», «луна танцует и шалит», были исключены из выборки. Также мы исключили случаи, когда неодушевленный деятель является каузатором по отношению к другому неодушевленному, т. к. в рамках данной работы рассматривается прежде всего выстраивание прагматической иерархии между одушевленными и неодушевленными участниками ситуации.

В ходе работы были последовательно отобраны такие предложения и их аналоги в параллельных переводах; отобранный материал был синтаксически размечен; субъекты были разделены на несколько типов: предмет материального мира, событие, стихия, продукт интеллектуальной деятельности человека, психоэмоциональная составляющая человеческой личности. Такое разделение помогло определить степень

допустимости разных типов неодушевленных субъектов в агентивных конструкциях и выявить наиболее предпочтительный из них.

На первом этапе исследования был проведен общий количественный анализ всей выборки, который показал следующее. В 445 из 615 японских конструкций (205 русских предложений, у каждого из которых три японских аналога) наблюдается замена исходной структуры высказывания, в результате чего: 1) или неодушевленный субъект был смещен на синтаксическую периферию высказывания за счет перехода на позицию вторичного актанта/сирконстанта: «этот роман поглотил и незнакомку» 見知らぬ女も、この小説に夢中になった *Мисирану онна мо коно сё:сэцу-ни мутю:-ни натта*, досл. «И незнакомка была очарована этим романом» (ММ1, ММ3); или: «Но и самого умного человека подобная телеграмма может поставить в тупик» しかし、いくら賢明な人間であったとしても、このような電報には当惑せざるを得なかった *икаси, икура кэмэй-на нингэн дэ атта то ситэ мо, коно ё:на дэмпо:-ни ва то:ваку сэдзару-о энакатта*, досл. «...из-за такой телеграммы человек будет недоумевать» (ММ3); 2) или за счет снижения агентивности предиката степень воздействия на объект была уменьшена: «Вода манила ее после воздушной гонки» 水は非常に魅力的だった *мидзу-ва хидзё:-ни мирёкутэки датта*, досл. «... вода была очень манящей» (ММ3). Общее количество таких измененных предложений составило 72% от всего количества переводных аналогов, что показывает ярко выраженную тенденцию к слабой выраженности роли неодушевленного субъекта в японском языке.

Соответственно, только в трети японских аналогов полностью сохраняется исходная диатеза и степень агентивности предиката, например: «Столкнула их на углу Тверской и

переулка сама судьба»: 彼らを引き合わせたのは運命にほかならず *карэра-о хикиавасэта но-ва уммэй-ни хока нарадзу*, досл.: то же (ММ1). Всего в выборке встретилось 170 таких примеров, что составляет 28% от общего количества переводных аналогов.

На втором этапе исследования мы рассмотрели случаи полного совпадения трех переводческих решений, как в стратегии трансформации (таких корпусных вхождений было обнаружено 105 случаев, 51% от 205 исходных предложений), так и в стратегии полного сохранения исходной диатезы (22 примера, 11%). Такие случаи единства переводческих решений представляют особую методологическую ценность, т. к. они могут свидетельствовать о наличии типичной для японского языка структуры, которая реализует соответствующую пропозициональную установку. Иными словами, здесь можно говорить о переводческом единстве как показателе устоявшихся языковых предпочтений носителей данного языка.

Рассмотрим такие примеры полного совпадения в стратегии изменения исходного предложения: «Втирания изменили ее не только внешне»: *クリームを塗って* *куру:му-о нуттэ* (ММ1) / *クリームを塗ることで* *куру:му-о нуру кото-дэ* (ММ2) / *クリームを塗りつけることで* *куру:му-о нурицукэру кото-дэ* (ММ3) / *変わったのは外見だけではなかった* *каватта но-ва гайкэн дэ ва накатта*, досл. «Из-за втирания (её) внешность изменилась». В данном примере во всех переводческих решениях реализуется субъектно-объектная замена. В следующем примере все переводчики уменьшили степень агентивности предиката, заменив глагол сильного воздействия «пронзать» на глагол движения «бежать»: «Острая боль <...> вдруг пронзила правую руку Маргариты» *突然、鋭い痛みが右手に走り* *тоудзэн, сурудой итами-га мигитэ-ни хасири*, досл. «...острая боль пробежала по правой руке» (ММ1, ММ2, ММ3).

В результате анализа типов неодушевленных субъектов, оказывающих влияние на человека, в данной корпусной совокупности не было выявлено какого-либо доминирующего типа неодушевленного субъекта – они оказались распределены равномерно; перечислим кратко примеры всех типов. **Предмет материального мира:** «кирпич вам не угрожает» → «из-за кирпича вы не пострадаете»; **предмет интеллектуальной деятельности:** «мысль точила его» → «мысль не исчезала из головы»; **соматическая составляющая:** «замучившая его икота» → «он, замученный икотой»; **природное явление:** «солнце жгло глаза» → «солнце было слепящим»; **событие:** «какое дело могло вас привести ко мне» → «по какому делу вы пришли ко мне».

Совокупность примеров полного сохранения исходной диатезы в переводе показывает иную тенденцию. Встреченные в выборке самые частотные случаи сохранения непрототипического субъекта на центральной аргументной позиции демонстрируют устойчивые и значимые для японского понимания неодушевленные субъекты. Так, было обнаружено несколько примеров, связанных со сновидениями, фантазиями и т. д. – процессами и продуктами бессознательной человеческой деятельности: «Будит ученого и доводит его до жалкого крика в ночь полнолуния <одно и то же>» 満月の夜に、教授の目をさまさせ、哀れっぽい悲鳴をあげさせるのは *мангэцу-но ёру-ни, кё:дзю-но мэ-о самасасэ, аварэппой химэй-о агэсасэру но-ва* <...> досл. то же (ММ1, ММ2, ММ3). В данном и похожих случаях каузатором выступает неосознанная тяга, непреодолимое влечение, которое находится вне пределов человеческого контроля. То же с сильными чувствами, например, с гневом: «Теперь его уносил, удушая и обжигая, самый страшный гнев, гнев бессилия»: *ピラトを押し流していた* (ММ1, ММ2) / *動かしていた* (ММ3) *のは、何よりも怖い憤怒、己*

の無力に対する憤怒 *Пирато-о (осинагаситэ ита / угокасита ита) но-ва нани ёри мо осоросий фундо, онорэ-но мурёку-ни тайсуру фундо*, досл. то же; видно, что сильная эмоция также приводит человека в неконтролируемое состояние. Среди таких корпусных примеров сохраненной при переводе исходной диатезы обнаружился доминирующий тип неодушевленного каузатора – природная стихия. Количественный анализ показал, что 12 из 22 примеров сохраненного субъекта – это природные силы (солнце, тьма, молния, лунный свет, дождь, волна, луна, день). С одной стороны, это показывает соответствие таких японских структур исключениям, свойственным многим другим языкам – природные силы действительно обладают некоторой внутренней энергией и потому часто допускаются на позицию каузатора. С другой стороны, количественное соотношение встреченных в выборке примеров показывает преобладание именно природных каузаторов в японском языке: а, например, механизмы, которые также относят к допускаемым субъектам, в выборке встретились всего два раза: «троллейбус уносит», «занавес закрывает». То есть, соотношение природных и механических каузаторов на материале данной выборки – 55% против 9% – явно подчеркивает главенство природных сил в контексте оказываемого воздействия на человека. Данная тенденция в японском языке обнаруживается на материале самых ранних письменных источников: так, Е. М. Колпакчи отмечала, что к категории одушевленного подлежащего «в старояпонском языке включались не только лица, но и животные, птицы, небесные светила, например солнце, силы природы»; указания на это обнаруживаются еще в «Кодзики» [Колпакчи, 1956, с. 121–122]. Таким образом, можно констатировать приоритет природных каузаторов в японском языке среди всех типов неодушевленных субъектов.

Следует отметить, что допуск неодушевленного субъекта на позицию каузатора часто бывает обусловлен их вхождением в состав бенефактивных конструкций: расширение предиката с помощью вспомогательного глагола *курэру*, выражающего положительную для объекта направленность действия. Как отмечает И. И. Басс, в таких случаях «конструкция *-тэ/-дэ курэру* подчеркивает позитивное отношение бенефициантов <одушевленных объектов – У. С.> к проявлениям субъектов в роли подлежащего (солнце, день, лошадь, письмо, свидание), а не сознательную направленность их действий в интересах бенефициантов» [Басс, 2014, с. 166]. Примеры, обнаруженные в выборке, подтверждают данное положение: «Но тут судьба его выручила» *そのとき運命が彼を救ってくれた соно токи уммэй-га карэ-о сукуттэ курэта* (ММ1, ММ2); или: «сон укрепит тебя» *眠りがあなたを強くしてくれて нэмури-га аната-о цуёку ситэ курэтэ* (ММ1); или: «ключи расширили мои возможности» *鍵が私の可能性を広げてくれました каги-га ватаси-но кано:сэй-о хирогэтэ курэмасита* (ММ1). Расширенный контекстный анализ показывает, что такие высказывания действительно описывают ситуации явно выраженной поддержки, спасения и иного благодеяния, оказываемого человеку как объекту воздействия.

Наконец, на заключительном этапе исследования нами были выделены и систематизированы не прогнозируемые заранее признаки японских агентивных структур, связанные с одушевленностью. Этот результат реализует такое свойство корпуса как *эмерджентность* – выделение признаков, которые «трудно предсказуемы или вовсе невыводимы из языковых данных, не связанных параллельностью текстового материала», что обусловлено уникальным свойством параллельных, особенно поливариантных текстов – разнонаправленностью результирующих векторов в описании одной ситуации [Стрижак, 2023, с. 105].

Таким путём в данной работе были обнаружены значимые для анализа агентивности примеры падежного варьирования, обусловленные в том числе неодушевленностью субъекта: «Он истомлен голодом и жаждой!» 飢えと渇きでへとへとなんです！ уэ то каваки-дэ хэтохэто на н дэсу (ММ1); 飢えと渇きにへとへととなっています！ уэ то каваки-ни хэтохэто то наттэ имасу (ММ2); 空腹と咽喉の渇きに苦しんでいます！ ку:фуку то инко:-но каваки-ни курусиндэ имасу (ММ3). Выбор между падежными показателями *ни* или *дэ*, особенно в (ММ1) и (ММ2) с одинаковыми предикатами, отличающимися лишь конечными грамматическими формантами, по мнению информантов-носителей языка, может быть обусловлен разным видением семантической (и агентивной) роли данных неодушевленных актантов: дативный показатель *ни* указывает на близость и определенность соответствующего актанта, поэтому в (ММ2) и (ММ3) «голод» и «жажда» являются значимой причиной и довольно сильно влияют на состояние человека; напротив, *дэ* в (ММ1) за счет своей отнесенности к падежным показателям, оформляющим вторичные актанты, сигнализирует, что ситуация происходит как бы сама по себе, тем самым подчеркивается более естественное развитие событий и относительно малая вовлеченность неодушевленного актанта.

Помимо этого, поливариантность корпуса дает возможность обнаружить различное лексическое наполнение одних и тех же контекстов: например, в выборке не раз было встречено расхождение в выборе двух японских переводных аналогов исходных глаголов «мучить, терзать», 苦しめる *курусимэру* и 悩ます *наямасу*; например, переводчики (и комментаторы) разошлись во мнениях в приведенном выше примере про «замучившую икоту», или в выражениях «его мучил вездесущий оркестр» или «его терзает бессонница», что задает еще

один вектор продолжению текущего исследования: изучение связи семантики предиката и (не)одушевленного статуса субъекта/объекта высказывания.

Кроме того, корпусные данные предоставляют материал и для лингвокультурологических исследований. Например, расхождения в выборе японского аналога для глагола «поставить» в исходном предложении «Какая-то сила вздернула Маргариту и поставила перед зеркалом» – 立たせる *tatasэру* «поставить» (ММ1, ММ2) или 座らせる *суварасэру* «усадить» (ММ3) – обращают нас к вопросу, насколько можно и нужно адаптировать текст перевода под реципиента, особенно в связи с такой агентивной характеристикой, как (не)одушевленность актантов. А именно, знание описываемой в романе тревожной ситуации позволяет предположить, что в данном случае «сила» как значимая воздействующая единица поставила Маргариту перед зеркалом не для того, чтобы в традиционном японском стиле *сидя* спокойно заниматься уходом за собой (что следует из выбора глагола «усадить перед зеркалом» в (ММ3). Таким образом, агентивные свойства участников ситуации зачастую обуславливают выбор соответствующих переводных единиц и с точки зрения их культурной нагруженности.

Итак, можно сделать вывод, что изучение параллельных текстов, особенно семантически и синтаксически размеченных под общие или частные лингвистические задачи, может стать ценным вкладом в грамматическое описание языка перевода. Выявление глубинных логических связей и цепочек, стоящих «за» поверхностными языковыми структурами, сделает более эффективным как описание, так и изучение языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Андо, С.** Эйго но ронри, нихонго но ронри (Логика английского языка и японского языка). / С. Андо. – Токио : Тайсю:кан, 1986. – 308 с. – ISBN 978-4-469-24093-1.
2. **Басс, И. И.** Бенефактивные конструкции в японском языке / И. И. Басс // Вестник РУДН, серия «Лингвистика». – 2014. – № 2. – С. 159–168.
3. **Иноуэ, К.** Хэнкэй бумпо: то нихонго (Трансформационная грамматика и японский язык) / К. Иноуэ. – Токио : Тайсю:кан, 1977. – 285 с.
4. **Колпакчи, Е. М.** Очерки по истории японского языка. Т. 1. Морфология глагола / Е. М. Колпакчи. – Москва; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 236 с.
5. **Кондо, А.** «Нихонгорасиса» но бумпо (Грамматика «японскоподобного» японского языка) / А. Кондо. – Токио : Кэнкю:ся, 2018. – 288 с.
6. **Стрижак, У. П.** Эпистемологический потенциал переводных текстов (на материале русско-японского параллельного корпуса художественных произведений) / У. П. Стрижак // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2023. – № 1. – С. 93–109.

Н. Ю. Тразанова

ЗНАКИ ЭПОХИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ СПОРТ, В ЯПОНСКОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ СЕРИАЛЕ «ИДАТЭН»

Аннотация: *Данная статья посвящена выявлению семиотической системы японского телевизионного сериала «Идатэн», в котором представлена история развития представления о профессиональном спорте и участии представителей Японии в Олимпийских играх. В результате исследования были установлена система знаков эпохи Мэйдзи, которая отражает первое знакомство со спортом и идеей Олимпийских соревнований. Совокупность знаков эпохи Сёва раскрывает новые возможности и перспективы переосмысления и освоения новых видов спорта, в том числе, для женщин. Участие в Олимпийских играх приносит первые достижения, отмеченные знаком-символом медали.*

Ключевые слова: *семиотика кинематографа, японское кино, японский телевизионный сериал, система знаков, спорт, Олимпийские игры, эпоха Мэйдзи, эпоха Сёва.*

N. Yu. Trazanova

**The signs of historical periods, describing sport,
in Japanese television series «Idaten»**

Abstract: *The paper is devoted to revealing of semiotic system of Japanese television series «Idaten», which represents the history of professional sport in Japan and first experience of participation in the Olympics. As a result of the study it was found, that the sign system of Meiji period reflects the first contacts to sport and an idea of the Olympic games. As for the sign complex of Showa period, it brings to light new opportunities and perspectives of reinterpreting and assimilation of new kinds of sport, including women's sports. Participation in the Olympics become fruitful, and first sports achievements are marked by medals.*

Key words: *semiotics of cinematography, Japanese cinema, Japanese television series, sign system, sport, the Olympic Games, Meiji period, Showa period.*

В настоящее время в связи со стремительной цифровизацией общества в научных кругах наблюдается оживлённая дискуссия о формировании нового терминологического аппарата поликодовых текстов [Новоспаская, Дугалич, 2022, с. 299]. В данной парадигме соотносятся понятия текста креолизованного, поликодового, полимодального, смешанного, интерсемиотического, экранного и т. д.

Поскольку фокусом данного исследования являются этнокультурные знаковые системы, представляется целесообразным следовать определению, отражающему данное свойство: «Креолизованный текст – это вариант нелинейно построенного текста, семиотически осложнённого многомерного образования, состоящего из двух частей: вербальной и невербальной, которые связаны на концептуальном, содержательном и композиционном уровнях и соотносятся с существующей национально-культурной традицией» [Ломоносова, 2018, с. 417].

В качестве репрезентативного материала используется японский телевизионный сериал 2019 года 「いだてん～東京オリムピック噺～」 *Идатэн – то:кё: оримпикку банаси* «Идатэн – История о Токийских Олимпийских играх» (режиссёр Иноуэ Цуёси, сценарист Кудо Канкуро). Данное произведение кинематографического искусства вызывает особый интерес, так как является нетипичным представителем жанра *大河ドラマ Тайга дорама* «исторический сериал». Дело в том, что обычно в центре внимания таких сериалов оказываются видные государственные деятели, правители, военачальники, ведущие борьбу за власть (Токугава Иэясу, Ода Нобунага, Сайго Такамори и др.). Однако сюжет *Идатэна* повествует об оформлении концепта «спорт» как равноправного соревнования, об основной идее Олимпийских игр, объединяющих людей всех стран мира для дружеского взаимодействия, демонстрации спортивных достижений, празднования и чествования достойных спортсменов.

По словам режиссёра Иноуэ Цуёси история об Олимпийских играх основана на реальных событиях, и родилась благодаря тщательному сбору материала. Около 80–90% персонажей действительно существовали и внесли значительный вклад в формирование спортивной традиции в Японии, распространении идеи профессионального спорта и подготовке к проведению первых Олимпийских игр в Токио [«Идатэн» сэйсакуну-но урагава ва «Мо: хитоцу-но Оримпикку датта» URL: <https://realsound.jp/movie/2019/09/post-421608.html>].

Сюжетное повествование каждого из эпизодов построено следующим образом: в цветную ткань художественного нарратива встроены чёрно-белые фрагменты (фотографии и видео), сохранившие отголоски реальных событий давно минувших дней. Ещё М. Ю. Лотман писал, что монтаж цветных и чёрно-белых кусков киноленты применяется как цветовой

код, позволяющий отделить, разграничить «искусство» и «отсылки к заэкранной действительности» [Лотман, 1973, с. 27].

Также, исходя из постулатов семиотики кинематографа: «...кино по самой своей сути – синтез двух повествовательных тенденций изобразительной («движущаяся живопись») и словесной» [Лотман, 1973]. Отсюда следует параллельное развитие двух типов повествования, взаимопроникновение изобразительного и словесного. Слова начинают вести себя как изображения, а фотография приобретает в кинематографе свойства слова.

В ходе исследования были изучены лингвосемиотические системы знаков и знаки-эмблемы.

Имя «Идатэн», которое звучит в названии сериала, представляет собой антропоним, связывающий несколько древних культур, поскольку изначально восходит к шестиголовому богу войны Сканде (на санскрите «Излитый») в индуистской мифологии, и, также, обозначает одно из буддийских божеств, которое славится быстрым бегом. Одного из главных героев Канакури Сисо наделяют таким именем после победы в отборочных соревнованиях для участия в Олимпиаде в Стокгольме.

Повествование ведёт рассказчик *ракуго* Годаймэ Коконтэй Синсё, который излагает историю Олимпийских игр от периода Мэйдзи до эпохи Сёва в форме сценического жанра *ракуго*. При этом он мастерски описывает главных героев, марафонского бегуна Канакури Сисо и просветителя Табату Масадзи, изображает изменения жизни в Токио с развитием спорта. Кроме того, *ракугока* искусно вплетает в повествование свою личную историю, которую он связывает с историей Канакури Сисо.

Структура развёртывания сюжета напоминает «переключку» эпох: фрагменты периода Сёва чередуются с эпизодами

периода Мэйдзи. Смена временного периода маркируется надписями на экране: 東京 浅草 昭和 35 年 (1960) «Токио, Асакуса, 35-й год эпохи Сёва (1960)».

Примечательно, что название каждого эпизода соотносится с каким-либо известным художественным или музыкальным произведением, предметом изобразительного искусства, скульптуры и т. д. Например, вторая серия называется 「坊っちゃん」 *Боттян* «Мальчуган» (так же, как роман Нацумэ Сосэки), третья – 「冒険世界」 *Бо:кэн сэкай* «Мир приключений» (журнал, который начал выпускаться с 1908 г., в эпоху Мэйдзи), четвёртая – 「小便小僧」 *Сё:бэн кодзо*: «Писающий мальчик» (одноимённая скульптура), пятая – 「雨ニモマケズ」 *Амэ-ни мо макэдзу* «Устоять перед дождём» (стихотворение Миядзавы Кэндзи). Обнаруживаются отсылки и к русской литературе: эпизод о восстановлении Токио после Великого землетрясения Канто 1923 года имеет название 復活 *Фуккацу* «Воскресение» (роман Льва Толстого), а 21-й эпизод, связанный с развитием женского спорта – 桜の園 *Сакура-но эн* «Вишнёвый сад» (пьеса А. П. Чехова). Названия такого рода говорят о проявлении интертекстуальности.

Реставрация Мэйдзи, охватившая Японию, происходила под девизом 和魂洋才 *Вакон ё:сай* «Японский дух, западные знания». На основе прочного фундамента японской системы ценностей и устоявшихся традиций вводилась новая образовательная система, проводились реформы в сфере государственного устройства и экономики, преобразовывалось японское общество, росли города.

В первом эпизоде сериала наблюдается такая картина: Кано Дзигоро, основоположник японского дзюдо, в европейском костюме и цилиндре, отправляется на рикше в посольство Франции. На встрече с послом он получает приглашение к участию в Олимпиаде, которая состоится в Стокгольме.

Вдохновившись этой идеей, Кано Дзигоро ищет единомышленников, но положительного отклика его идея не находит.

Мнение Министерства однозначно: Японии не нужен спорт, а нужна гимнастика для воспитания и обучения мужчин, которые в будущем станут солдатами. Кроме того, спорт, привычный для рослых европейцев, считается неподходящим и даже опасным для неподготовленных японцев. Отсюда следует противопоставление знаков: スポーツ *Супо:цу* «Спорт» ↔ 体育 *Тайку* «Физическое воспитание», причём первое наделяется такими отрицательными коннотациями как «обладающий вредными последствиями», и даже 命がけ *иноти гакэ* «опасный для жизни». С целью развития физической культуры перенимают европейский опыт использования шведской стенки – 肋木 *рокубоку*, что отражено в сериале.

С другой стороны, знак オリンピック *Оримпикку* «Олимпиада» истолковывается как スポーツと平和の祭典 *Супо:цу то хэйва-но сайтэн* «Праздник спорта и мира», 平和のための真剣勝負 *Хэйва-но тамэ-но синкэн сё:бу* «Подлинное соревнование во имя мира». Более того, Кано Дзигоро, принимающий приглашение на Олимпиаду, убеждён в том, что 「オリンピックと柔道の精神は通じる」 *Оримпикку то дзю:до но сэйсин ва цу:дзиру* «Дух Олимпиады созвучен духу дзюдо».

Также, новыми и ключевыми в эпоху Мэйдзи становятся знаки-символы 韋駄天 *Идатэн* «Идатэн» и マラソン *марасон* «Марафон». Первый является именем собственным и наполнен содержанием с вариативным толкованием: божество, обладающее сверхспособностью быстрого бега, и человек, который уподобляется такому божественному свойству. В дальнейшем в сериале показан ещё один «лик» Идатэна, раскрывающийся в помощи людям с быстрой доставкой еды и необходимых вещей после землетрясения.

Второй знак символичен потому, что он входит в программу Олимпийских игр, и первые спортсмены, которые были отправлены в Стокгольм для участия в Олимпиаде, были бегунами. В сериале это демонстрируется репликой: 「マラソンはオリンピックの花形」 *Марасон ва Оримпикку-но ханагата* «Марафон – это украшение Олимпиады».

Как во время бурной реставрации Мэйдзи, так и в эпоху Сёва ведущие роли принадлежат личностям, которые вдохновлены идеей спорта и полны энтузиазма для воплощения смелых замыслов. В сериале они объединены именем *ライトマン райтоман* «подходящий человек», то есть тот, кто оказался в нужный момент в нужном месте, готов к переменам, и прилагает усилия для достижения поставленной цели. Среди значимых фигур представлены: Кано Дзигоро – *日本スポーツの父 Нихон супо:цу-но тити* «Отец японского спорта», Канакури Сисо – *韋駄天 Идатэн*, Мисима Яхико – глава студенческого спортивного сообщества *天狗倶楽部 Тэнгу Курабу* «Клуб тэнгу» или TNG. Данный клуб существовал при университете Васэда, и состоял из группы активных, амбициозных, целеустремлённых юношей, горящих желанием заниматься бейсболом и другими видами спорта, а также распространять идею о большом соревновательном спорте.

Девизом данного сообщества в сериале является: 「我らはスポーツを愛し、スポーツに愛され、ただ純粋にスポーツを楽しむために活動する元気の権化」 *Варэра ва супо:цу-о ай-си, супо:цу-ни ай-сарэ, тада дзюнсуй-ни супо:цу-о таносиму тамэ-ни кацудо:-суру гэнки-но гонгэ* «Мы любим спорт, спорт любит нас, мы хотим стать воплощением жизнелюбия во имя искреннего наслаждения спортом».

В период Сёва (1926–1989) с 1939 в Японии начинается эра телевидения, распространение которого было приостановлено Второй мировой войной. Но с 1950 года телевидение

возобновляется и становится регулярным. В третьем эпизоде сериала наблюдается фрагмент телепередачи об Олимпийских играх в Риме, на открытии которых присутствует император со своей супругой. Действие происходит на 35-м году эпохи Сёва (1960). Телевизоры тогда были с чёрно-белым изображением.

В этот период на первый план выдвигается ещё одна значимая личность, продвигающая идеи большого спорта – Табата Масадзи, которого называют 日本水泳の父 *Нихон суйэй-но тити* «Отец японского плавания».

Изменилось отношение к женскому спорту. Если в эпоху Мэйдзи считалось, что женское тело не предназначено для физических упражнений и занятия спортом могут принести вред детородной функции, то в период Сёва направление 女子のスポーツ *дзёси-но супо:цу* «женский спорт» развивается и набирает обороты. Девушки в школах начинают заниматься лёгкой атлетикой и теннисом. В сериале инициатором спортивных занятий для девочек становится Канакура Сисо, Идатэн, воодушевлённый примером женщин в Европе, которые занимались метанием копья.

В 1926 году создана «Японская женская спортивная федерация» с целью подготовки для международных соревнований.

Впервые женщина отправляется на Олимпиаду в Амстердам в 1928 году. Хитоми Кинуэ, установившая рекорды по стране в беге на короткие дистанции, метании копья и тройном прыжке, на Олимпиаде получает серебряную медаль в беге на 800 метров. Мужчины получают золотую медаль в лёгкой атлетике, а также золото, серебро и бронзу – в плавании. Поэтому самое начало эпохи Сёва отмечено знаком *メダル* *мэдару* «медаль», символизирующим высокие достижения спортсменов. Кроме того, необходимо обозначить и знак

金 *кин/канэ* «золото», маркирующий первую высшую награду, а также впоследствии неоднократно повторяющийся в качестве выбранного иероглифа года.

Долгий путь, ведущий от первого опыта участия двух бегунов в Олимпийских играх до мировых рекордов и наград, приводит к тому, что Токио впервые выбран столицей Олимпиады, проведение которой запланировано на 1964 год.

В сериале заметное место занимают овециствлённые знаки-эмблемы. В качестве логотипа на заставке к сериалу используется трискелион – символ, состоящий из трёх бегущих ног, исходящих из одной точки. Данная эмблема содержит потенциал множественной интерпретации, поскольку первоначально изображение представляло собой три завитка или ломаных линии, выходящих из одной точки. Во времена Древнего Рима они превратились в бегущие ноги или драконьи головы. В настоящее время трискелион существует как официальный геральдический символ Сицилии, острова Мэн.

Представлена в сериале и эмблема Олимпийских игр в форме пяти соединённых колец синего, жёлтого, чёрного, зелёного и красного цветов на белом фоне. Единство пяти колец обозначает содружество пяти континентов – Европы, Африки, Америки, Азии и Австралии. Автором идеи создания такой эмблемы стал барон Пьер де Кубертен, который организовал Олимпиаду в Афинах в 1896 году.

В качестве знаков-эмблем выступает японский флаг *日の丸 хи-но мару*, так как он символизирует принадлежность к определённой стране, передаёт дух патриотизма. В сериале на Олимпиаде у спортсменов символика красного солнца прослеживается и на флаге, и на одежде спортсменов.

Таким образом, в ходе изучения телевизионного сериала «Идатэн» были выявлены и представлены компоненты знаковой системы эпохи Мэйдзи, характеризующие первый

опыт взаимодействия с концептом «спорт» и знакомства с Олимпиадой. Среди знаков-эмблем следует отметить: трискелион как знак, символизирующий бег, Олимпийские кольца и японский флаг *хи-но мару*. К знакам лингвосемиотической системы относятся: 韋駄天 *Идатэн*, ライトマン *Райтоман* «подходящий человек» スポーツ *Супо:цу* «спорт», Оリンピック *Оримпикку* «Олимпиада», マラソン *Марасон* «Марафон». Знаки-эмблемы эпохи Сёва: эмблема Олимпийских Игр, японский флаг *хи-но мару*. Знаки лингвосемиотического кода: 女子のスポーツ *Дзёси-но супо:цу* «женский спорт», 水泳 *суйэй* «плавание», メダル *мэдару* «медаль», 金 *кин/канэ* «золото», 東京オリンピック *То:кё: Оримпикку* «Токийская Олимпиада».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ломоносова, А. Л.** Социокультурный аспект креолизованных текстов / Ломоносова А. Л. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 18 (816). – С. 417–425. – EDN ILEENW.
2. **Лотман, М. Ю.** Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллин : Ээсти Раамат. – 1973. – 56 с.
3. **Новоспасская, Н. В.** Терминосистема теории поликодовых текстов / Новоспасская Н. В., Дугалич Н. М. // Русистика. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 298–311. – DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311. – EDN SOJLDU.
4. «Идатэн» сэйсаку-но урагава ва «Мо: хитоцу-но Оримпикку датта» (Обратная сторона создания телесериала «Идатэн» «Ещё одна Олимпиада» – вызов для режиссёра Иноуэ Цуёси, интервью от 29.09.2019) // Real Sound. Movie (Настоящий звук. Фильмы) : сайт. – URL: <https://realsound.jp/movie/2019/09/post-421608.html> (дата обращения: 7.04.2025).

М. И. Трушина

**О НЕКОТОРЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
АФФЕКТИВНОГО СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА
ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию семантических особенностей косвенного страдательного залога японского языка. Рассматриваются такие особенности, как концепция «ути-сото» отражается в структуре предложений с косвенным страдательным залогом. В центре исследования стоит вопрос о том, какое лицо выступает в позиции пациенса и агенса.

Ключевые слова: японский язык, когнитивная лингвистика, грамматика, агентивность, страдательный залог.

M. I. Trushina

**On some semantic peculiarities of the Japanese
affective passive case**

Abstract: This article is devoted to the study of semantic peculiarities of the Japanese indirect passive voice. Such peculiarities as the concept of 'uchi-soto' is reflected in the structure of sentences with the indirect passive voice are considered. At the centre of the study is the issue of the face in the position of *paciens* and *agens*.

Key words: the Japanese language, cognitive linguistics, grammar, agentivity, passive voice.

Как известно, язык фиксирует в себе особенности культуры, быта и мышления его носителей, в нем отражается и передается из поколения в поколение актуальная языковая культура и внеязыковая действительность [Григорьева, 2019; Язык, культура, социум: *essentia et existentia*, 2023]. Также следует отметить, что в последнее время все более актуальным становится запросом на объяснение, а не иллюстрацию реальности человека и общества, а также понимание языка как социальной семиотической практики, «конструирующей»

общие социокультурные ценности [Цит. по: Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебренникова, О. В. Вострикова, С. А. Герасимова, 2020]. Все больше анализ семантических особенностей японской лексики и грамматики вызывает интерес у исследователей, например, Е. О. Гераймович рассмотрела семантические особенности посессивных слов с формантом *マイ* [Гераймович, 2025]. В связи с этим, изучая различные языковые явления необходимо рассматривать их еще и точки зрения когнитивного подхода, который рассматривает язык, как отражение образа мышления его носителей, и акцентирует взаимосвязь языковых структур с их когнитивным фоном, выражаемым в том числе в ценностных ожиданиях говорящих. Именно поэтому, например, одним из наиболее популярных подходов к обучению японскому языку выступает когнитивно-коммуникативный [Нургалиев, 2023, с. 99].

Одним из наиболее ярко отражающих особенности образа мышления носителей японского языка явлений является косвенный страдательный залог. Если рассматривать семантику косвенного страдательного залога в японском языке, то можно обнаружить разные виды пассивов, каждый из которых имеет свои характерные особенности и контекст применения. Одним из таких является *被害受身 хигайукэми* или *迷惑受身 мэйвакуукэми* – аффективный пассив. Данный вид пассива используется тогда, когда описывается ситуация, неприятна для лица, обозначенного подлежащим (пациенса), и оно не участвует в ситуации, обозначенной глаголом. Как утверждает С. Куно, аффективность пассивных предложений зависит от степени «вовлеченности»: чем меньше субъект вовлечен в действие или психологическое состояние, тем более выраженным становится аффективный пассив [Куно, 1983, с. 205]. Зачастую аффективность данного вида пассива усиливается лексически: используются такие глаголы, которые описывают

негативные для пациенса события, такие как потеря, смерть, болезнь, беспокойство. К этим глаголам относятся 殺す коросу «убивать», 壊す ковасу «ломать», 殴る нагуру «бить», 叱る сикару «ругать» и т. д.

Однако адверсативный пассив не ограничивается только использованием глаголов с негативным значением. В своей диссертации Исидзука использует термин «пассив добавочного значения» (extra-thematic passive) – не прямой пассив, глагол которого, не являясь по своей природе аффективным, при наличии определенного контекста выражает аффективность [Ishizuka, 2010, с. 147–149]. В работе приведен пример такого пассива: ナオミは息子に危険な山に登られた。Наоми ва мусуко-ни кикэнна яма-ни ноборарэта. Досл перевод: «Наоми была взобрана на опасную гору своим сыном». Из данного примера мы можем понять, что на Наоми оказал влияние тот факт, что ее сын забрался на опасную гору. Однако, переходный глагол 登る нобору «взбираться» в отличии, например, от глагола 死ぬ сину «умирать» не несет в себе никакого негативного значения. Тем не менее из-за наличия пассива мы можем понять, что действия сына оказали на Наоми неприятное воздействие. Таким образом можно отметить, что значение аффективности выражается не только лексически, но и прагматически.

Однако существует ограничение на то, кто будет являться объектом воздействия. Дело в том, что концепция «ути-сото» играет важную роль образовании адверсативного пассива [Ямасита, 2001, с. 5].

Из следующих примеров можно заметить, что пациенс находится ближе к «ути», а агенс – к «сото».

山田は知らない男に大声で話された。Ямада ва сиранай отоко-ни оокигоэ дэ ханасарэта. «Неизвестный мужчина громко говорил в присутствии Ямада».

私の息子は山田に大声で話された。*Ватаси-но мусуко ва Ямада-ни оокигоэ дэ ханасарэта*. «Ямада громко говорил в

присутствии моего сына».

Также, опираясь на исследование, в котором рассматривается вопрос о том, какое лицо выступает в позиции пациенса и агенса.

Рассмотрим таблицу, которая отражает тенденцию лица агенса и пациенса в непрямом пассиве.

	一人称	二人称	三人称
受影者	1470	22	386
行為者	2	72	1804

Из данной таблицы ясно, что в подавляющем большинстве случаев пациенсом будет являться первое лицо (1470 случаев), в то время как агенсом будет являться третье лицо (1804 случая). Ниже приведены примеры возможных сочетаний:

а. Пациенс – 1 лицо, агенс – 1 лицо: 1 случай употребления (возвратное местоимение становится агенсом);

昨日の自分に続かれそうな予感がっ！*キノ: дзibun-ни цудзукарэсо:на ёкан га!* «У меня такое чувство, что я буду продолжаем вчерашним собой!»

б. Пациенс – 1 лицо, агенс – 2 лицо: 66 случаев употребления;

君に辞められでもしたら, ぼくたちは途方にくれてしまうだろうな *Кими-ни акирамэрарэдэмо ситара, бокутати ва*

тохо: -ни курэтэсимау даро на. «Если бы были уволены тобой, мы бы попали в затруднительное положение».

с. Пациенс – 1 лицо, агенс – 3 лицо: 1403 случая употребления;

一緒に居るようにしてるんですが、トイレやご飯を作りに行くとすぐに泣かれて……ご飯を作るのも困ってます *Иссё-ни иру ё:ни ситэиру ндэсга, тоирэ я гохан-о цукуру ни ику то сугу-ни накарэте... гохан-о цукуру моно коматтэимас*. «Я стараюсь оставаться с ними, но как только я иду в туалет или готовлю ужин, будучи заплаканный ими, сложно приготовить еду».

d. Пациенс – 2 лицо, агенс – 3 лицо: 3 случая употребления;

あの人に正面に立たれてごらん wほんとにほんとに息が苦しくて……ww *Ано хитони сё:мэн-ни татарэтэ горан. Хонто-ни хонто-ни ики га курусикутэ*. «Попробуйте, будучи стоящим им. Очень, очень трудно дышать».

е. Пациенс – 2 лицо, агенс – 2 лицо: 0 случаев употребления;

f. Пациенс – 2 лицо, агенс – 1 лицо: 1 случай употребления;

「……これで漸く夫婦になれた, もう今度こそ逃がさないよ」と, 私は云いました。「あたしに逃げられてそんなに困った?」「ああ, 困ったよ, 一時はとても帰って来てはくれないかと思っ たよ "Корэ дэ ё:яку фу:фу-ни нарэта, мо: кондо косо нигасанай ё" то, ватаси ва иимасита. «Атаси-ни нигэрарэтэ сонна-ни коматта?» «Аа, коматта ё, хитотоки ва тотэмо каэттэжитэва курэнай ка то омотта ё» «Я сказал: "……. Теперь мы наконец-то муж и жена, и на этот раз я тебя не отпущу". "Будучи сбежавшим мной будешь находиться в затруднении?" "Конечно мне было трудно, в одно время я думал, что ты не вернешься».

g. Пациенс – 3 лицо, агенс – 1 лицо: 0 случаев употребления;

h. Пациенс – 3 лицо, агенс – 2 лицо: 6 случаев употребления;

それに、先にあなたに泣かれたら彼氏は泣くに泣けません。彼はあなたに優しく接しながらも心の中では「泣きたいのはこっちじゃ！」って思ってたかもしれませんよ。Sorэ-ни, саки-ни аната-ни накарэтар, карэси ва нау-ни накэмасэн. Карэ ва анатани ясакику сэссинагара мо кокоро-но нака дэ ва "Накитай но ва коттидзя!" ттэ омоттэта камосирэмасэн ё. «Кроме того, если парень, будучи заплаканный вами первой, не сможет заплакать. Он может относиться к вам по-доброму, но возможно в душе он думает: "Это я хочу плакать!"».

f. Пациенс – 3 лицо, агенс – 3 лицо: 380 случаев употребления.

次の休み時間も、昼休みが始まった時も、明生たちは穂に逃げられた。3組の教室を覗いた時には、既にどこかへ行ってしまった後なのだ Цуги-но ясуми дзикан мо, хироясуми га хадзиматта токи мо, Айтати ва хо-ни нигэрарэта. Мицугумино кё:сицу-о нодзойта токи ни ва, судэ-ни доко ка э иттэсиматта ато на но да. «(досл.) На следующей перемене и в начале обеденного перерыва, они были сбежавшими Ай. Когда они заглянули в класс 3-го класса, те уже куда-то ушли!».

Если проанализировать данные примеры, то можно сделать вывод, что в большинстве случаев употребления непрямого пассива просматривается тенденция устанавливать объект внутри первого лица говорящего в качестве пациенса, а объект вне – в качестве агенса. Данная тенденция подтверждает то, что фокус эмпатии в аффективном пассиве сохраняется в большинстве случаев на человеке, который находится ближе к «ути», а агенс – к «сото».

Кроме того, рассматривая примеры, можно отметить редкие случаи использования, такие как f и h, когда объектом

в пределах области «ути» является агенс, а объектом области «сото» – пациенс. Также, во многих из этих случаев наблюдается перенос эмпатии с первого лица на второе или третье лицо, являющееся пациенсом. Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что существует ограничение на то, каким лицом может выступать пациенс и агенс в непрямом пассиве японского языка. Реципиент действия в большинстве случаев нуждается в том, чтобы стоять в первом лице, в то время как действующее лицо – вторым и третьим лице. Подобное «ограничение первого лица» наблюдается и в предикатах, выражающих внутреннее эмоциональное состояние.

Следовательно, можно сделать вывод, что фокус эмпатии в аффертивном пассиве сохраняется в большинстве случаев на человеке, который находится ближе к нашему «ути», а агенс – к «сото», то есть чем более близким является для нас человек, тем больше мы ему сочувствуем.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гераймович, Е. О.** Семантико-контекстуальный анализ японских пассивных слов с формантом ㇿ イ テ на основе корпусных данных / Е. О. Гераймович // Иностранные языки в высшей школе. – 2025. – № 1 (72). – С. 54–59. – DOI 10.37724/RSU.2025.72.1.007. – EDN PQSIAI.
2. **Григорьева, Е. Я.** Реализация лингвокультурологического подхода к преподаванию романских языков в системе подготовки магистратуры / Е. Я. Григорьева, Е. И. Черкашина // Rhema. Рема. – 2019. – № 3. – С. 133–147. – DOI 10.31862/2500-2953-2019-3-133-147.
3. **Куно, С.** Син нихонго бунпо: кэнкю: (Новые исследования японской грамматики) / С. Куно, - Токио : Тайсю:кансётэн, 1983 – 226 с. – ISBN: 978-4469220414
4. **Лексемы identite/ идентичность как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации** / Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебренникова, О. В. Вострикова, С. А. Герасимова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (831). – С. 30–42.

5. **Нургалиев, И. Р.** О межкультурном подходе в обучении японскому языку: проблемы и перспективы / И. Р. Нургалиев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 10-1. – С. 98–101. – DOI 10.37882/2223-2982.2023.10.26. – EDN ULTTWB.
6. **Сэ, Х.** Кансэцу укэми бун-но гоё:ронтэки кэнкю: (Прагматическое исследование косвенного пассива) / Х. Сэ. // Дзинбункэн киё: (Журнал гуманитарных исследований). – 2020. – №95. – С. 207– 244. – URL: https://chuou.repo.nii.ac.jp/index.php?action=pages_view_main&active_action=repository_action_common_download&item_id=12695&item_no=1&attribute_id=22&file_no=1&page_id=13&block_id=21.
7. **Ямасита, Ё.** Мэйваку укэми-но пурототайпу (Прототип японского адверсивного пассива) / Ё. Ямасита, // Хоккайдо: дайгаку рю:гакүсэй сэнта: киё: (Сборник статей Международного студенческого центра Университета Хоккайдо). – Хоккайдо : Хоккайдо: дайгаку рю:гакүсэй сэнта:, 2001. – № 5. С.1–15. – URL: <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/handle/2115/45617>.
8. **Язык, культура, социум: essentia et existentia** / Л. Г. Викулова, Г. А. Ермоленко, А. В. Жукоцкая [и др.]. – Москва : Книгодел, 2023. – 152 с. – ISBN 978-5-9659-0278-1. – EDN PVASYI.
9. **Ishizuka, T.** Toward a Unified Analysis of Passives in Japanese: A Cartographic Minimalist Approach: PhD dissertation / T. Ishizuka. – University of California, Los Angeles 2010. – 147–149 p. URL: <https://vdoc.pub/documents/the-passive-in-japanese-acartographic-minimalist-approach-2claqn4j48pg>).

С. В. Филатов

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ В ПЕРЕВОДАХ С ЯПОНСКОГО
ЯЗЫКА НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ НА ПРИМЕРЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОСАМУ ДАДЗАЯ
«ЗАКАТНОЕ СОЛНЦЕ»**

***Аннотация:** Данная статья посвящена лексическим лакунам, возникающим при переводе с японского языка. В статье приводится возможная классификация лексических лакун на основе их семантики, а также рассматривается корреляция двух методов перевода – доместикации и форенизации. Источником материала для статьи послужило «Закатное*

солнце» – произведение известного японского писателя XX века Осаму Дадзая.

Ключевые слова: японский язык, перевод, форенизация, доместикация, лингвокультурология, лакуны, семантика.

S. V. Filatov

**Lexical lacunae in translation from Japanese into Russian
and English on an example of Osamu Dazai's
«The Setting Sun»**

Abstract: *This paper focuses on the linguistic phenomenon of lexical lacunae, occurring during the process of translation from Japanese. The paper provides a possible classification of lexical lacunae based on their semantics, and also addresses the correlation between two methods of translation – domestication and foreignization. The source of research material for the paper is «The Setting Sun» – a novel by a renowned Japanese writer of the XX century – Osamu Dazai.*

Key words: *the Japanese language, translation, foreignization, domestication, linguoculturology, lacunae, semantics.*

Перевод с одного языка на другой предполагает, что происходит не только изъяснение понятий одного языка с помощью средств другого, но также и соприкосновение двух культур, каждая из которых имеет свои отличительные особенности. Зачастую эти особенности выражаются в наличии в языке определенного количества уникальных реалий, передача которых на другие языки видится затруднительной ввиду отсутствия в других культурах предметов-референтов, или даже ментальных концептов, соотносимых с этими уникальными понятиями. Уникальные реалии, которые непросто, а в некоторых случаях вообще невозможно передать на другие языки, получили название «лакуны» и в последнее время они все больше привлекают внимание не только лингвистов, но также и культурологов, философов и других представителей гуманитарных отраслей науки. Особый интерес вызывает процесс перевода текстов прошлых эпох, которые зачастую изобилуют уникальными культурными реалиями, в том числе актуальными именно в эпоху создания текста.

В данном исследовании в качестве материала используется произведение известного писателя начала XX-го века Осаму Дадзая «Закатное солнце», написанное в 1947 году. В нем Дадзай описывает дворянскую семью, живущую в эпоху перемен, когда аристократия постепенно теряет прежний статус, и вместе с ним свое место в мире, происходит переориентировка общества и на смену былым ценностям приходят новые. В таком обществе приходится существовать людям, которые привыкли к определенному образу жизни и не готовы просто так с ним расстаться. Произведение Дадзая содержит большое количество уникальных реалий, свойственных японскому обществу того времени, а также пользуется большой популярностью за пределами Японии.

В рамках данного исследования рассмотрены два перевода «Закатного солнца» – на русский именитой переводчицы японской литературы Татьяны Львовны Соколовой-Делюсиной и на английский известного американского японоведа Дональда Кина. Сравнение получившихся переводов видится особенно актуальным также по причине того, что переводчица на русский язык старалась максимально сохранить аутентичность исходного текста, в то время как переводчик на английский предпринял попытку адаптировать текст для наилучшего восприятия англоязычным читателем. Получившиеся тексты можно назвать одомашненным в случае русского, и отчужденным в случае английского перевода, что находит корреляцию с двумя существующими переводческими стратегиями – доместикацией и форенизацией.

Впервые об этом явлении в своей лекции, названной «О разных методах перевода», говорил Фридрих Шлейермахер, в которой он назвал эти методы «парафраза» и «пересказ» [Шлейермахер, 2000]. Шлейермахер пишет, что для парафразы характерно механическое устранение иррациональности

языков, нахождение лексических и смысловых соответствий посредством введения ограничительных или расширительных определений. Однако использование парафразы, по его мнению, зачастую ставит переводчика перед дилеммой: перевести больше, чем есть, или меньше, чем есть. В итоге это может привести к тому, что в результирующем тексте пропадет ощущение живости речи, что обязательно заметит читатель. Пересказ же, в свою очередь, подразумевает, что невозможно переложить оригинальный текст на другой язык без потери изначального смысла, с полным языковым соответствием. Выходом является воссоздание из хоть и отличных от оригинала, но наиболее близких к нему частей. Результирующий текст уже не будет являться оригинальным произведением, а скорее является отдельным его толкованием. Целью переводчика, использующего пересказ, не является установление контакта читателя с автором текста, а скорее желание «создать у читателя впечатление, похожее на то, которое получил от оригинала современник и соотечественник автора». Шлейермахер также отмечает, что «оба эти метода для нас – не более чем пограничные знаки той области, которой мы будем заниматься», то есть попытка целиком погрузиться в один способ перевода и полностью отвергнуть другой принесет не самый лучший результат, в то время как умелая комбинация этих методов может оказаться ключом к достижению лучшего восприятия текста читателем [Шлейермахер, 2000, с. 9–14].

В данном исследовании нами была предпринята попытка создания возможной классификации лексических лакун, основываясь на их семантике. После каждой категории приведены лексемы, вызвавшие появление лакуны, и их перевод на русский и английский языки, знаком «---» обозначено отсутствие перевода.

1. ПРИРОДА, ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Перевод названий разнообразных растений и цветов, произрастающих на территории проживания носителей языка, с которого происходит перевод, видится в первую очередь непростым потому, что названия растений на языке оригинала органично вписываются в текст и скорее не вызывают недопонимания среди читателей оригинала, так как для них эти названия кажутся знакомыми и привычными. Для японской культуры это особенно актуально, так как упоминания многих растений внутри текста могут использоваться в качестве «сезонных слов» 季語 *киго*. Однако для инокультурных читателей обилие незнакомых названий растений может показаться неуместным, так как только редкий читатель хорошо разбирается в названиях цветов даже в собственной культуре.

桜 *сакура* – вишня; cherry tree

萩 *хаги* – хаги; bush clover

女郎花 *оминаэси* – патриния «девичья краса»; valerian

吾木香 *варэмоко*: – кровохлебка «варэмоко»; burnet

桔梗 *кикё*: – колокольчики «кикё»; bellflowers

刈萱 *карукая* – антистирия «карукая»; timothy

芒 *сусуки* – мискант «сусуки»; ---

2. АРХИТЕКТУРА

Ввиду значительного отличия устройства традиционного японского дома от русского или западного, многие его элементы претерпевают изменения в угоду лучшего восприятия читателем переводного текста. Так, порог внутри дома 玄関 *гэнкан* выносится за пределы дома и становится «входом в дом» или «крыльцом», а раздвижные бамбуковые или бумажные двери 障子 *сё:дзи*, отделяющие внутреннее пространство дома от внешнего, становятся в английском переводе «blinds», то есть «шторами-жалюзи». Кроме того, появляются некоторые

незнакомые носителям иных культур элементы (комната в западном стиле 洋間 *ё:ма*, гостиная комната в китайском стиле 志那間 *синама*), а знакомые видоизменяются – привычные шторы становятся бамбуковыми (簾 *сударэ*).

御堂 *мидо:* – молельня; storehouse
 温泉 *онсэн* – источники; hot spring
 縁側 *энгава* – веранда; porch
 志那間 *синама* – китайская гостиная; ---
 布団 *футон* – постельные принадлежности; bedding
 玄関 *гэнкан* – вход в дом; front of the entrance
 障子 *сё:дзи* – сёдзи (приводится сноска с поясне-

нием); blinds

洋間 *ё:ма* – европейская комната; foreign-style room

襖 *фусума* – стены; ---

簾 *сударэ* – бамбуковые шторы; porch blinds

沓脱石 *куцунугииси* – камень, где мы снимаем обувь; a step in front of the porch

お座敷 *одзасики* – гостиная; sitting-room

長火鉢 *нагахибати* – хибати (приводится сноска с пояснением); heater

3. МЕРЫ ДЛИНЫ, ОБЪЕМА, ВЕСА...

При переводе точных единиц измерения переводчики воспользовались противоположными методами – Т. Соколова-Делюсина предпочла сохранить оригинальные названия, дав пояснение в сноске, а Д. Кин перевел инокультурные названия в знакомые ему, улучшив тем самым их понимание англоязычным читателем.

坪 *цубо* – цубо (приводится сноска с пояснением); acre

尺 *сяку* – сяку (приводится сноска с пояснением); foot

畳 *дзё:* / *татами* – ---; ---

合 *го:* – го (приводится сноска с пояснением); ---

4. ЭМОЦИИ

Культурный контекст, в котором возникают некоторые наименования человеческих эмоций, зачастую уникален для каждой культуры, именно поэтому, в японском языке появилось четкое разделение любви на «плотскую» 恋 *кой* и «платоническую» 愛 *ай*, а также особое чувство, описываемое словом 懐かしい *нацукасий*, которое зачастую переводят с помощью слова «ностальгия», однако для японцев оно носит более позитивную и теплую сердцу семантику.

愛 *ай* – целомудренная любовь; spiritual love

恋 *кой* – плотская любовь; physical love

なつかしい *нацукасий* – прекрасное было время; nostalgia

5. ИСКУССТВО

При переводе наименования специфичного для Японии вида театра 能 *но*: Д. Кин предпочел ограничиться лексемой «theatre», что свойственно выбранному им стилю перевода.

謡 *утай* – ---; passages from the No plays

お能 *оно*: – театр Но; theatre

6. СОЦИАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ

Передача уникальных социо-культурных концепций, не прибегая к описательному переводу, без потери части аутентичности концепции, видится крайне затруднительной, или вовсе невозможной. Поэтому сложные уникальные социальные явления 甘え *амаэ* и 生き甲斐 *икигай* были переведены обыденными концепциями русского и английского языков, без углубления в подробности.

甘え *амаэ* – избалованный, изнеженный; without concerning ourselves about anything

生き甲斐 *икигай* – жизнь обрела смысл; reason to go on living

7. ОБЩЕНИЕ

Культура общения японцев включает в себя множество уникальных элементов, большая часть которых не имеет эквивалентов в европейских языках, и поэтому её передача в процессе перевода не видится возможной. Одним из примеров может служить развитая система личных местоимений японского языка, в которой нейтрально-вежливое местоимение 私 *ватакуси*, мужское местоимение 僕 *боку* и маскулинное мужское местоимение 俺 *орэ* на русский и английский языки переводятся одинаково – «Я» и «I» соответственно.

挨拶 *айсацу* – приветствие; greet one another

私 *ватаси/ватакуси* – я; I

俺 – я; I

僕 – я; I

8. ПИЩЕВАЯ КУЛЬТУРА

Переводчица на русский язык постаралась по возможности сохранить реалии японского языка в неизменном виде, что видно на примере перевода наименований блюд японской кухни – большинство из них переданы транскрипцией и сопровождаются сноской с пояснением. Д. Кин же, в свою очередь, решил не перегружать переводной текст терминами японской кулинарии, превращая крепкий рисовый алкогольный напиток 焼酎 *сё:тю:* в «jip» и полностью игнорируя большинство наименований блюд.

焼酎 *сё:тю:* – сивуха; jip

豆腐 *то:фу* – тофу; ---

味噌汁 *мисосиру* – мисосиру; ---

餅 *моти* – ---; ---

狐うどん *кицунэудон* – лапша; some lunch

お結び *омусуби* – мусуби (приводится сноска с пояснением); ---

9. ОДЕЖДА

Т. Л. Соколова-Делюсина передает элементы традиционной японской одежды посредством транскрипции, без дальнейшего пояснения. Д. Кин в большинстве случаев ограничивается словосочетанием «formal clothing», а белые носки 足袋 *таби* в его переводе и вовсе превращаются в «white gloves», тем самым акцентируя внимание на формальности элемента одежды.

足袋 *таби* – таби; formal,
rather old-fashioned Japanese costume; gloves

袴 *хакама* – хакама; formal,
rather old-fashioned Japanese costume

庭下駄 *нивагэта* – сандалии; sandals

お羽織 *охаори* – куртка хаори; a Japanese costume

羽織袴 *хаорихакама* – парадный мундир; formal clothes, like going to a funeral

縞の袴 *сима-но авасэ* – клетчатое кимоно; a Japanese costume

白緋 *сирогасури* – ---; formal clothes

夏羽織 *нацухаори* – летняя куртка хаори; formal clothes

10. ЛИТЕРАТУРА

Наименования произведений литературы переданы вполне адекватно в обоих переводах.

女大学 *онна дайгаку* – «Руководство для женщин»; «Etiquette for young women»

万葉集 *ман'ё:сю:* – «Манъёсю» (приводится сноска с пояснением); ---

源氏物語 *гэндзи моногатари* – «Повесть о Гэндзи» (приводится сноска с пояснением); «The Tale of Genji»

更級日記 *сарасина никки* – «Дневник Сарасина» (приводится сноска с пояснением); Sarashina Diary

11. ИСТОРИЯ

Оба переводчика предпочли не вдаваться в подробности при упоминании «новых йен», которые были введены в оборот в 1946 г. в ходе борьбы с растущей инфляцией.

新円 *син'эн* – новые йены; ---

Таким образом, можно заключить, что переводчица на русский язык Т. Л. Соколова-Делюсина в процессе переводе отдала предпочтение форенизации, поспособствовало сохранению большей доли аутентичности результирующего текста в результате сохранения уникальных реалий, о которых повествует автор оригинального текста. Переводчик на английский язык, Д. Кин, в свою очередь, предпочел максимально адаптировать текст под англоговорящего читателя, что позволит ему лучше воспринять текст, однако приводит к утрате культурной специфики, заложенной в текст автором оригинала. Выбор той или иной стратегии перевода (максимальная адаптация текста под читателя или максимальное сохранение культурной и национальной идентичности изначального текста) является одной из наиболее трудных задач для переводчиков, и зависит в первую очередь от знания им языка и культуры, родных для автора переводимого текста, опыта перевода, а также личных предпочтений самого переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Шлейермахер Ф.** О разных методах перевода: Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. / Ф. Шлейермахер // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. – 2000. – № 2. – С. 127–145. – URL: www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/Schleiermacher.doc (дата обращения: 15.11.2024).

К. А. Чижова

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ И ПРИГЛАСИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЯ В РАБОТАХ ЯПОНСКИХ ЛИНГВИСТОВ: СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ИМ ГРАММАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ И ИХ СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

Аннотация: При преподавании японского языка как иностранного принято отдельно друг от друга объяснять грамматические маркеры, передающие значения пожелания и приглашения к совместному действию. Между тем сопоставление данных маркеров для более точного понимания интенций говорящего, а также вариативности контекста их употребления может помочь успешнее применять на практике данные грамматические показатели. В данной статье представлена обобщенная информация о рассматриваемых грамматических маркерах, с целью составления более полной картины применения данной грамматики.

Ключевые слова: японский язык, наклонение, желательное наклонение, пригласительное наклонение, модальность, оптатив, гортатив.

К. А. Chizhova

Optative and hortative moods in the works of Japanese linguists: corresponding to these moods grammatical markers and their semantic specificity

Abstract: When teaching Japanese as a foreign language, it is customary to explain grammatical markers that convey the meanings of wish and invitation to joint action separately from each other. Meanwhile, comparing these markers for a more accurate understanding of the speaker's intentions, as well as the variability of the context of their use, can be helpful for more successful application of these grammatical indicators in practice. This article presents generalized information on this topic with the aim of building up a more complete picture of the use of these grammatical markers.

Key words: the Japanese language, mood, optative mood, hortative, modality.

Основной маркер желательного наклонения *-тай* и маркер пригласительного наклонения *-масё*: в японском языке относятся к показателям с ярко выраженной волей говорящего. Для обоих случаев источником модального значения по

умолчанию является первое лицо, которое проявляет себя в любом контексте полностью или частично.

С точки зрения терминологии как пригласительное наклонение, так и желательное наклонение имеют отличающуюся от автора к автору номинацию, что связано с разными подходами к трактовке их формальных признаков и семантических значений. Прежде всего, имеются расхождения в вопросе того, что действительно можно считать наклонением. С формальной точки зрения в финитной позиции друг другу противопоставляются флективные показатели простой утвердительной формы глагола, четвертой основы и пятой основы, они и являются основными показателями наклонений [Гэндайго бумпо: гайсэцу, 2020, с. 37]. Остальные маркеры могут рассматриваться как отдельная система единиц, обладающих модальными значениями [Narrog, 2009, с. 67]. Для обозначения желательной модальности и её маркеров предлагаются, например, такие названия, как 希求文 *кикю:бун* «желательные предложения» или буломатическая модальность. [Гэндайго бумпо: гайсэцу, 2020; Narrog, 2009].

Как отмечает К.Тодзё, в сбалансированном корпусе современного письменного японского языка представлено большое количество примеров с *-масё:* со значением предложения своих действий в интересах собеседника, что ставит под вопрос актуальность объяснения грамматики по данной теме в большинстве популярных учебников японского языка для иностранцев, где упор в основном делается на пригласительном значении [Тодзё, 2015, с. 67]. Более того, даже при приглашении собеседника к действию, акцент на том, что этот призыв направлен и на говорящего остается неизменным. На основании данных аргументов, термин гортатив, подразумевающий императив, направленный на первое лицо, может считаться более уместным для данного наклонения [Алпатов, 2008, с. 88].

С точки зрения семантических отличий маркеры гортатива являются более ориентированными на речевой акт, чем показатели желательной модальности, которые более сфокусированы на самом говорящем, что является ключевым различием между рассматриваемыми показателями [Narrog, 2009, с. 20].

Отдельного изучения также требует проблема контекстных особенностей грамматических маркеров, как гортатива, так и желательной модальности. Основной вопрос, который затрагивается в японских исследованиях в связи с гортативом – это характер проявления императивных свойств как по отношению к самому себе, так и по отношению ко второму лицу. При употреблении пятой основы глагола или её вежливого эквивалента *-масё:*, воля говорящего проявляется посредством принятия решения в момент речи, что японскими авторами определяется как 判断 *хандан* «суждение» или 決意 *кэцуи* «решение» [Морияма, 1990; Гэндайго бумпо: гайсэцу, 2020]. В таких случаях присутствует некоторая неопределенность со стороны говорящего, что становится более очевидным, если посмотреть, как подобная интенция будет передана уже с помощью индикатива настоящего-будущего времени:

(Видим, что преподаватель несет что-то тяжелое) その荷物、僕が待ちましょう。Соно нимоцу, боку-га мотимасё:. «Давайте я понесу?»

その荷物、僕が持ちます。Соно нимоцу, боку-га мотимасу. «Я понесу».

Согласно Т. Морияма, оба представленных примера являются изъявлением воли говорящего, однако во втором случае утверждение приближено к императивным формам, апеллирующим к естественному и заведенному ходу вещей. Подразумевается не самовольное заявление говорящего, а утверждение, что таким образом должно быть [Морияма, 1990, с. 15].

Глаголы в пятой основе могут также быть использованы для внутреннего монолога при принятии решения:

よし、彼女にプロポーズしよう。Ёси, канодзё-ни нурупо:дзу-сие:.
«Сделаю-ка ей предложение».

Однако и в данном случае указания, направленные в сторону самого говорящего, могут быть выражены в более решительном тоне с помощью императивной формы:

(Не пришел тот, кого ждали) もう帰っちゃえ。Мо: каэттяэ. «Все, я пошел домой!» [Гэндайго бумпо: гайсэцу, 2020, с. 51].

Подключение других участников к собственным действиям может обладать разной силой воздействия. В одних случаях говорящий будет ссылаться на общий план действий или выступать лишь как представитель общих интересов, в других случаях его воля будет выражена сильнее в виде личного пожелания, направленного в сторону слушающего:

(Ведущий передачи)

現場からレポートしてもらいましょう。Гэмба-кара рэпо:то-ситэ морамасё:. «Давайте послушаем репортаж с места событий».
一人じゃつまらない。君も行こうよ。Хитори дзя цумаранай。Кими мо ико: ё. «Одному неинтересно. Пойдем со мной!» [Гэндайго бумпо: гайсэцу, 2020, с. 52–53].

Внимание к мнению слушающего может быть дополнительно передано такими средствами, как вопросительная интонация; вопросительная частица *ка*; вопрос в отрицательной форме настояще-будущего времени; сомнение, выраженное частицей *ка* после глагола в утвердительной форме настояще-будущего времени с понижением интонации:

さあ、太郎ちゃん、顔を洗おうか。Са:, таро:-тян, као-о арао: ка.
«Таро, давай-ка помоем личико».

さあ、どうかしら、行きますか。Са:, до:касира, икимасу ка. «Ну что, пойдём?» [Морияма, 1990, с. 112–113].

Отсутствие вопросительной интонации и эмоции сомнения напротив может вызвать у слушающего ощущение резкости и категоричности высказывания [Цыганова, 2023, с. 259].

Помимо рассмотренных форм, намерение совершить действие может быть также выражено с помощью таких грамматических показателей, как, например, *-тэ мисэру, суру дзо, -накэрэба наранай*. Подобные случаи близки по семантике обязательствам или клятвам. Если же внимание говорящего больше обращено к воспоминаниям, чем к принятию решения в момент речи, могут быть употреблены такие конструкции, как: *цумори да, то омоттэ иру, ётэй да* [Гэндайго бумпо: гайсэцу, 2020, с. 51–52; Морияма, 1990, с. 16].

Что касается показателей желательной модальности, то помимо суффикса *-тай*, к ней также относят *-тэ хоси:*, *-тэ мораитай*, *то/тара/ба ии*. Данные показатели употребляются с целью описать первое лицо и его восприятие действительности на предмет того, что является или не является для него предпочтительным. Между собой представленные грамматические маркеры ранжируются на основании направления желания говорящего и степени контроля над ситуацией: для собственных действий употребляется суффикс *-тай*; для действий, результат которых зависит от второго лица *-тэ хоси:* и *-тэ мораитай*; для действий третьего лица и событий, на которые невозможно повлиять, опять же *-тэ хоси:*, *-тэ мораитай* и также *то/тара/ба ии* [Narrog, 2009, с. 91–95]. С помощью данных конструкций в зависимости от контекста употребления можно передавать не только разные пожелания, от более конкретных до более абстрактных, но и просьбы, мечты, советы, критику:

マナーを守れないなら温泉入浴はやめてほしいですね。Мана:-о маморэнай нара онсэн ню:ёку ва ямэтэ хоси: дэсу нэ. «Было бы хорошо ограничить вход для тех, кто не соблюдает правила».

そのとき、もし迷ったら、苦しんだら、これを読んでみてほしい。Соно токи, моси маёттара, курсиндара, корэ-о ёндэ митэ хоси:.

«Если ты запутался или тебе трудно, попробуй прочитать это» [Таканаси, 2020, с. 52–55].

Для выражения пожеланий относительно неконтролируемых ситуаций глагол также может быть поставлен в форму императива:

明日天気になれ! *Асу тэнки-ни нарэ!* «Пусть завтра будет хорошая погода!»

君に幸せあれ! *Кими-ни сивасэ арэ!* «Пусть тебе будет счастье!» [Хронопуло, 2006, с. 128].

В представленных предложениях, как и в указанном ранее примере, где говорящий резко реагирует на то, что никто так и не пришел, подчеркивается высокий уровень эмоциональной вовлеченности говорящего.

В целом, чем более образной является ситуация, тем более естественным становится употребление маркеров желательной модальности. Так, например, Ч. Сима разделяет возможность употребления суффикса *-тай* в вопросах по отношению ко второму лицу на три сферы в зависимости от реального присутствия или отсутствия желаемого объекта, а не на основании иерархических взаимоотношений между собеседниками:

Старшая сестра: 暑い。 *Ацуй.* «Жара!»

Младшая сестра: うん, 暑いね。.....あ, そうそう。ほら, アイスクリーム。食べる? *Ун, ацуй нэ. А, со:со:. Хора, айсукури:му. Табэру?* «Да, жарко... О, погляди, мороженое. Будешь?»

(Интервьюер главе компании): 将来は, どのような製品をお作りになりたいですか。 *Сё:рай ва, доно ё:-на сэйхин-о о-цукури-ни наритай дэсу ка.* «Какие товары Вы бы хотели производить в будущем?»

В первой ситуации речь идет о реальном намерении слушающего, а не о его гипотетическом желании, поэтому вопрос через *-тай* воспринимался бы неестественно или даже как

издевка. Во второй же ситуации объект является вымышленным, что делает рассуждение более абстрактным, а как следствие более нейтральным для обсуждения с людьми разными по статусу [Сима, 2021].

На то, что фокус желательной модальности находится не на описании реальности, а на представлении самого говорящего, указывает и тот факт, что при употреблении рассматриваемых маркеров в отрицательной форме или в форме прошедшего времени акцент остается на желании как таковом (например, с оттенком отсутствия намерения или с оттенком сожаления), а не на действии:

あいつには二度と会いたくない。 *Аицу-ни ва нидо то аитакунай*. «Не хочу с ним встречаться повторно» [Гэндайго бумпо: гайсэцу, 2020, с. 47].

軍人らしく立派に切腹して死んでほしかったわねえ。 *Гундзин расику риппа-ни сэппуку-ситэ синдэ хосикатта ва нэ*:. «Я бы хотел умереть достойно, вспоров себе живот, как и положено войну» [Мияги, 2022, с. 165].

Несмотря на общий волеизъявительный характер как желательной модальности, так и гортатива, присутствуют принципиальные отличия и с точки зрения формальных особенностей, и в плане семантики. Пятая основа глагола по всем своим признакам может считаться показателем наклонения, однако под вопросом остается наиболее удачный термин для данного наклонения. Остальные же показатели рассматриваются как отдельные модальные единицы. Что касается семантики, то, несмотря на некоторые пересечения и на уровне показателей, и в аспекте интенции говорящего, характер преподнесения информации у гортатива и желательной модальности отличается. Для желательной модальности в первую очередь важно описать самого говорящего, тогда как с помощью маркеров гортатива производится непосредственное побуждение к

действию, как в отношении самого говорящего, так и в отношении собеседников.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алпатов, В. М.** Теоретическая грамматика японского языка : в 2 кн. Кн. 1 / В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлесская. – Москва : Наталис, 2008. – 560 с. – ISBN 978-5-8062-0291-9.
2. **Гэндэйго бумпо: гайсэцу** (Общий обзор грамматики современного языка) : коллектив. моногр. / М. Иноуэ, М. Осима, Т. Окадзаки [и др.] ; отв. ред. : М. Идзима. – Токио : Асакура, 2020. – 184 с. – ISBN 978-4254516180.
3. **Ким, Г.** Канью:-ни окэру кикитэ иси то буммацу кэйсики (Воля слушающего и заключительные формы пригласительных предложений) / Г. Ким // Чжэцзянский педагогический университет - 2021 - С. 108–125. – URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/kotoba/42/0/42_108/_pdf/-char/ja (дата обращения: 09.04.2025).
4. **Мияги, С.** Гэндэй нихонго:-ни окэру кикю:бун-но тэмпорарити. Ситэ хоси:, ситэ хосикатта (Темпоральность в желательных предложениях в современном японском языке) / С. Мияги // Окаяма дайгаку дайгакуин сякайгаку кагаку кэнкю:ка киё: (Журнал гуманитарных и социальных наук университета Окаяма) – 2022 – № 54 – С. 153–170. – URL: https://ousar.lib.okayama-u.ac.jp/files/public/6/64301/202301271414109578/hss_054_153.pdf (дата обращения: 09.04.2025).
5. **Морияма, Т.** Иси-но модарити-ни цуитэ (О волевой модальности) / Т. Морияма // О:сака нихонго кэнкю: (Исследования по японскому языку в городе Осака) – 1990 – № 2 – С. 1–19. – URL: <https://ir.library.osaka-u.ac.jp/repo/ouka/all/8488/02-01.pdf> (дата обращения: 09.04.2025).
6. **Сима, Ч.** Нихонго-но «тай»-о мотиита гамбо:гимонбун-но сиё:дзё:кэн-ни кансүру итико:сацу (Исследование условий употребления желательных вопросительных предложений с суффиксом -тай) / Ч. Сима // Нингэн бунка кэнкю: (Исследования в области гуманитарных наук и культуры) – 2021 – № 14 – С. 211–243. – URL: https://stars.repo.nii.ac.jp/record/9312/files/211_島千尋.pdf (дата обращения: 09.04.2025).
7. **Таканаси, С.** «Тэ хоси:» ва доно ё:-ни мотиирэтэйру ка (Как используется форма «тэ хоси:»?) / С. Таканаси // Кансай дайгаку гайкокуто гакубу киё: (Сборник статей факультета иностранных языков университета Кансай) – 2020 – № 23 – С. 43–58. – URL: https://www.kansaiu.ac.jp/fl/publication/pdf_department/23/43takanashi.pdf (дата обращения: 09.04.2025).
8. **Тодзё, К.** Нихонго кё:касё:-ни окэру «масё:»-но до:ню:-ни цуитэ. Сиё:дзиттай-но ситэн-кара (Объяснение формы «масё:» в учебниках по японскому языку. С точки зрения реального положения дел в языке) / К. Тодзё // Ё:роппа нихонго кё:ику симподзиуму (Симпозиум по преподаванию японского языка в Европе). – 2015. – № 19 – С. 328–333. – URL: https://www.eaje.eu/pdfdownload/pdfdownload.php?index=343-348&filename=47_Happyo31_Tojo.pdf&p=bordeaux (дата обращения: 09.04.2025).

9. **Хронополо, Л. Ю.** Непрямое употребление императивных форм в японском языке / Л. Ю. Хронополо. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2006. – № 4. – С. 126–130. – ISBN 1813-1921.
10. **Цыганова, В. В.** Русско-японская интерференция при восприятии вопросительных высказываний: экспериментальное исследование / В. В. Цыганова // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания / отв. ред. Л. Т. Нечаева. – Москва : Ключ-С, 2023. – Вып. 26. – С. 256–260. – ISBN 978-5-6049745-8-2.
11. **Narrog, H.** Modality in Japanese: the layered structure of the clause and hierarchies of functional categories / H. Narrog. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2009. – 305 p. – ISBN 978 90 272 8975 9.

С. В. Яковенко

**ОБРАЗЫ ДЕМОНИЧЕСКИХ СТАРУХ
В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ
ЯПОНИИ**

Аннотация: *В рамках данной статьи на примере нескольких мифологических персонажей в образе старух предпринята попытка проследить какое место в жизни средневековых японцев находила вера в сверхъестественное и как в фольклоре отражалось осознание окружающей их действительности.*

Ключевые слова: *Япония, фольклор, демонология, низшая мифология, старуха, ёкай.*

S.V. Yakovenko

**Images of demonic old women
in the folklore tradition
of Japan**

Abstract: *In this article, using several mythological characters in the form of old women as an example, an attempt was made to trace what place belief in the supernatural found in the lives of the medieval Japanese and how awareness of the reality surrounding them was reflected in folklore.*

Keywords: *Japan, folklore, demonology, lower mythology, old woman, yokai.*

На протяжении всей истории человечества представители каждого народа обращали непонятные и непознанные явления

в божества, монстров и духов, придавая таким образом смысл и значение всему необъяснимому. Конкретные формы мистических существ видятся совсем не универсальными, поскольку они обретают свою уникальность, находясь в контексте тех культур и обществ, в которых они появляются, развиваясь и изменяясь в соответствии с желаниями и вызовами людей, характерными для того или иного исторического периода.

Представителей низшей мифологии или народной демонологии в Японии принято обозначать термином *ё:кай*. Составленный из двух иероглифов: «волшебный» и «загадочный», на русский язык он переводится как духи, гоблины, фантомы, спектры, феи, оборотни, демоны, фантастические существа, монстры, хотя в европейской традиции это различные группы демонологии. Известный японский антрополог и исследователь *ёкай* Комацу Кадзухико определяет их как «трансцендентные явления <...>, связанные со страхом» [Комацу, 2000, с. 31].

Изучение отдельных образов низшей мифологии крайне важно при исследовании культуры, ведь в них в сжатом виде заложена информация о восприятии человеком окружающего мира и того времени, когда каждый конкретный образ был придуман. Отношения между человеком и человеком, человеком и природой, обращение непознанного в мифический персонаж характерно для древней и средневековой Японии.

Акубамба (アクバンバ/灰ばんば). Существо, предания о котором рассказывают в городах Юрихондзё и Никахо префектуры Акита. Говорят, что она живёт в пепле из вделанного в пол очага. У *акубамба* нет глаз, считается, что они прячутся внизу головы. Именно, потому что существует *акубамба* детям нельзя было неосторожно обращаться с огнём [Комацу, 2017, с. 58].

Тэнага-баба (手長婆). Мифологический персонаж, истории о котором передаются в префектуре Тиба. Она живет на дне

воды и считается страшной седой старухой, но видны только ее длинные руки. Всякий раз, когда дети играют около воды, он появляется из воды и угрожает им, говоря: «Я затащу тебя в воду» [Мидзуки, 2014, с. 298]. Это также настоящий *ёкай*-защитник, который будет ругать детей, играющих в опасных местах, например, около колодца или пруда [Тиба, 2014, с. 71].

Микари-баба (箕借り婆). Одноглазый монстр, о котором рассказывают по всему региону Канто. В северной части города Кавасаки префектуры Канагава считалось, что он вместе с другим *ёкай* *Хитоцумэ-кодзо*: (一 つ 目 小 僧) появляется 8 февраля и 8 декабря, и в это время было принято оставаться дома и ставить корзину у входной двери [Мидзуки, 2014, с. 438].

В пригороде же этого города верили, что *микари-баба* может посетить людей с 25 ноября по 5 декабря, поэтому у входа в дом оставляли *данго* под названием *оцубаки-данго* [Мидзуки, 2014, с. 438].

В Ура-но Ято, что в Торияма города Йокогама существовало поверье, что это существо настолько жадное, что подбирает упавшие рисинки с земли и может устроить пожар, ведь во рту у неё горит огонь. Чтобы обезопасить себя, готовили специальные *данго* – *цудзё:-данго* из риса, упавшего в саду, и втыкали их в дверной проём, обозначая, что здесь больше нет риса, который можно было бы собрать [Мураками, 2000, с. 316].

Кроме того, защититься от этого существа можно было разместив на крыше дома бамбуковую корзину, установленную на шест, тогда одноглазая *микари-баба* примет отверстия между прутьями за «глаза» и попытается их отобрать [Мураками, 2000, с. 316].

Янаги-баба (柳婆). Согласно старой книге «*Кидан Руйсё:*», когда-то в Касима, провинция Хитати (ныне город Хокота,

префектура Ибараки), росла ива возрастом более 1000 лет, которая превращалась в красивую женщину и обманывала людей. Говорят, что в какой-то момент она превратилась в старуху и обратилась к проходящим мимо людям [Мураками 2000, с. 343–344].

Народные поверья о том, что дерево ивы связано со старением, болезнями и смертью, можно найти по всей Японии. Кроме того, поскольку плакучие ветви ивы напоминают женский образ, исследователь *ёкай* Тада Кацуми считает, что эти факторы породили легенду о том, что дух ивы – это старая женщина [Тада, 1997, с. 170–171].

Вместе с тем, по словам К. Мураками, это не просто отсылки к сверхъестественным явлениям, происходящим с настоящими ивами, но и предупреждение людям не терять бдительности, когда речь заходит о женщинах в индустрии развлечений [Мураками, 2000, с. 343–344].

Ёнаки-бабаа (夜泣き婆). Монстр, изображённый в иллюстрированном свитке «Бусон *ё:кай-эмаки*» авторства Ёса Бусон (1716–1784). Говорят, что он появлялся в Мицукэ в провинции Тотоми (ныне город Ивата префектуры Сидзуока) и перед домом, грустил и плакал, что обитатели жилища трогались до слёз. Если это повторялось несколько раз, то, как считалось, в доме обязательно произойдёт несчастье. По мнению исследователя *ёкай* Юмото Коити, это существо представляет собой бога чумы [Юмото, 2003, с. 114–115], а Мидзуки Сигэру отмечает, что это дух-предвестник беды [Мидзуки, 1994, с. 23].

По словам С. Мидзуки, похожий *ёкай* встречается и в других частях Японии и называется *наки-бабаа* (夜泣き婆). Хотя они не являются членами семьи усопшего, они приходили на похороны и начинали громко плакать, словно они главные плакальщики, доводя присутствующих до слез. В древности

они получали 3 или 5 *сё*: риса (примерно 5.4 или 9 литров) в знак благодарности за их «работу» [Мидзуки, 2014, с. 328].

Яйкон-баба (ヤイコンババ). *Ё:кай* из префектуры Исикава. На берегу одной реки росло старое дерево дзельква, которому было несколько сотен лет. Издавна считалось, что, если попытаться срубить это дерево, то из надреза потечёт кровь, и можно было опасаться, что поздно ночью седовласая старушка будет мыть чайник в реке. В прошлом существовал обычай, согласно которому дети собирали солому в каждом доме и разжигали костер на этом дереве вечером 13-го дня Обон, чтобы приветствовать духов мертвых. Однако, даже если разводил большой костер, он не горел [Комацу, 2017, с. 133].

В уезде Номи кукла в образе пожилой пары, назначение которой было отгонять чуму, называлась *Яйкон-ба:ба* а в Канадзава обычай буддийских священников школы Сингон носить маски демонов и другие предметы для защиты каждого дома от чумы назывался *Яхикон-баба*. Вероятно, что церемониальный термин превратился в название *ёкай* [Комацу, 2017, с. 133].

Сита-нага-баба (舌長婆). Это монстр в облике старухи лет 70, живущей в Сэмбонмацубара в Сува, префектура Нагано. Они останавливаются в домах, куда заходят путешественники, думая, что они пусты, и подают им еду, но когда гость засыпает, они облизывают его спящее лицо своим длинным языком в 5 *сяку* (151,5 см) [Тиба, 2014, с. 177]. Считается, что она появляется вместе с другим *ёкай* – краснотелым и краснолицым *Сю-но-бан* (朱の盤), подстрекающим старуху съесть путника [Мидзуки, 1992, с. 76].

Цуси-баба (つし婆). Демон, о котором повествуют истории в префектуре Гифу. В Минами города Гудзё, детям угрожали её появлением в *цуси* (алтаре на втором этаже, части второго этажа с низким потолком) соломенных домов. Считалось, что

у неё была бритая голова, один большой глаз и кроваво-красный рот. В Мадзэ города Гэро, если ребенок плохо себя вел, то из *цусиго* (малая балка в доме) спускалась *цуси-баба* и забирала ребенка. Вероятно, она является разновидностью домашнего духа, обитающего в укромных местах, например в кладовых или на втором этаже [Комацу, 2017, с. 154].

Какурэ-баба (隠れ婆). В Хирано, что в Кобе, верили, что если дети будут поздно вечером играть в прятки, то появится *какурэ-баба*. Она стоит в углу переулка или в конце ряда домов, ожидая появления детей, а затем похищает их [Тиба 2014, с. 164]

Садэ-баасан (さで婆さん). Это существо появляется в туалетах 26 ноября и гладит вас по ягодицам метлой снизу. Оно встречается в фольклоре по всему региону Идзумо, и в эту ночь существует табу на посещение туалета. На самом деле это похоже на традиционных туалетных монстров, таких как *Кайнадэ*, но 26 ноября – это день, когда боги один раз в год в десятом месяце по лунному календарю собираются на фестивале Идзумо Камиари, а затем возвращаются в свои провинции. Это называется уходом богов или *карасадэ* (神等去出). В эту ночь существует множество табу. Таким образом, *Садэ-баасан* – это духовное существо, символизирующее табу, которые соблюдались из страха перед божественной силой появившихся богов, и является монстром, тесно связанным с верой Идзумо [Комацу, 2017, с. 218].

Нандо-баба (納戸婆). *Ёкай* в образе старухи, которая, как говорят, живет в кладовых домов. Истории о неё распространены в Западной Японии. Существует много легенд, гласящих, что, когда члены семьи пытаются убраться в кладовой, дух выпрыгивает и прячется под полом [Кусано, Тобэ, 1994, с. 120].

В западной Японии принято поклоняться богам в кладовых [Тада, 1990, с. 271], и говорят, что это существо изначально

почиталось как бог кладовой – божество-хранитель дома и семьи [Иваи, 2000, с. 79].

В деревне Такацуки, уезда Акаива, префектуры Окаяма (ныне город Акаива) и уезде Камимити (ныне город Окаяма) считалось, что появляется лысая старуха, издающая свистящий звук, а когда её прогоняют садовой метлой, то убегает под карниз [Тиба, 2014, с. 188]. В Окаяма верили, что в кладовой старого дома сидит маленькая старушка, которая является обратившейся енотовидной собакой *тануки* [Эдо, 2005, с. 94].

Согласно историям из городка Цукуи (ныне город Сагамихара) префектуры Канагава, в *тана* (буквально «полка», но в данном случае – трёхэтажное сооружение, используемое в процессе шелководства) живёт страшная старуха *тана-баба* [Тиба, 2014, с. 84].

Особый вклад в развитие феномена *ёкай* внёс художник периода Эдо (1603–1867) Торияма Сэкиэн (鳥山石燕, 1712–1788), которого можно назвать основоположником визуализации образов *ёкай*. Изданные им сборники «Гадзу Хякки Ягё:» (画図百鬼夜行, Иллюстрированный ночной парад сотни демонов, 1776), «Кондзяку Гадзу Дзоку Хякки» (今昔画図続百鬼, Иллюстрированная сотня демонов из Настоящего и Прошлого, 1779), «Кондзяку Хякки Сю:й» (今昔百鬼拾遺, Дополнение к сотне демонов из Настоящего и Прошлого, 1781) и «Хякки Цурэдзурэ Букуро» (百器徒然袋, Иллюстрированная сотня разных демонов для развлечения, 1784) включают иллюстрированные записи о 207 *ё:кай*.

Хикэси-баба (火消婆). *Ёкай* в образе старухи, которая тушит огни бумажных фонариков в домах. Поскольку *Ёкай* – мрачные существа и не очень хорошо ладят с жизнерадостными вещами, такими как огонь, говорят, что существование, которое его гасит, является *хикэси-баба*:. [Мураками, 2000, с. 279].

Как считает исследователь *Ёкай* Мураками Кэндзи, существует высокая вероятность того, что это существо, созданное Торияма [Мураками, 2000, с. 279]. Исследователь японского сверхъестественного Тада Кацуми, в свою очередь считает, что оно было создано в качестве сатиры на район удовольствий Ёсивара периода Эдо [Тада, Кё:гоку, 2006, с. 20]. Другая теория состоит в том, что он был создан по образцу старой куртизанки, чтобы высмеять ужас венерических заболеваний [Кё:гоку, Тада, 2008, с. 311].

В «Иллюстрированной книге странных вещей» (怪物画本, *кайбуцу гахон*) Китао Сигэмаса (1739–1820), художника укиё-э, копировавшего картины *Ёкай* Торияма, имя указано как *фукикэси-баба*. [Мураками, 2000, с. 279]. В книге Ямада Норио «Путешествие по странным историям из Тохоку» этот *Ёкай* называется *фукикэси-баба* и приводится такая история. В старом доме почтового городка в префектуре Акита состоялось празднование свадьбы. После того, как гости покинули комнату с татами, слуга заметил, что свечи в комнате не погасли и он попытался их потушить. Внезапно появилась *фукикэси-баба*, задула свечи и исчезла словно её и не было [Ямада, 1974, с. 140–141].

Кокури-баба (古庫裏婆). В «Дополнении к сотне демонов из Настоящего и Прошлого» она изображена как старая женщина, прядущая шёлк, с лежащей рядом кошкой, а в комментариях Торияма говорится, что жена главного священника семь поколений назад поселилась в *кури* (кухне, в которой готовили для настоятеля храма и его гостей) горного храма и начала красть еду и деньги, которые прихожане жертвовали храму, а также выкапывать трупы на кладбище, снимать с них кожу и есть мясо [Инада, Танака, 1992, с. 199].

Как отмечает К. Тада, использование в картине слов «жена монаха» позволяет предположить, что *кокури-баба* могла быть

создана с целью высмеять монахов периода Эдо, нарушающих заповеди [Тада, Кёгоку, 2006, с. 20]. Кроме того, «*кокури*» в названии существа может быть отсылкой к фразе «*мукури-кокури*», обозначающей страх перед демонами или чем-то пугающим [Кондо, 2010, с. 40].

Таким образом, на примере нескольких мифологических персонажей в образе старух было показано какое место в жизни средневековых японцев имела вера в сверхъестественное и как в фольклоре отражалось осознание окружающей их действительности.

Ряд существ, в частности *акубамба*, *тэнага-баба*, *цуси-баба* и *какурэ-баба* несли в себе воспитательную функцию, предостерегая детей от неосторожного обращения с огнём, игры у опасных мест или просто плохого поведения. Образы же других, таких как *микари-баба*, *садэ-баасан* и *яйкон-баба*, появились из-за переплетения церемониальных обрядов и особенностей жизни простых людей. Третьи же, *хикэси-баба* и *кокури-баба*, в свою очередь, были придуманы на злобу дня, для высмеивания окружающих, не соблюдавших заповеди или ведущих праздный образ жизни. *Ёнаки-бабаа* являлась предвестником беды, а *нандо-баба* – духом-доможителем.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Иваи, Х.** Ё:кай то эма то сикифукудзин (Ёкай, эма и семь богов счастья). Х. Иваи. – Токио : Сэйсюн сюббанся, 2000. – 213 с. – ISBN: 978-4413040815.
2. **Инада, А., Танака Н.** Торияма Сэкиэн Ё:кай гадзу хяккиягё: (Иллюстрированный ночной парад ста демонов Торияма Сэкиэн). / А. Инада, Н Танака. – Токио : Кокусёканко:кай, 1992. – 348 с. – ISBN: 978-4-336-03386-4.
3. **Кёгоку, Н., Тада, К.** Ё:кай гахон кё:ка хяку моногатари (Иллюстрированная книга Ёкай: Кё:ка-хякумоногатари). / Н. Кё:гоку, К. Тада. – Токио : Кокусёканокай, 2008. – 321 с. – ISBN: 978-4336050557.

4. **Комацу, К.** Ё:кайгаку синко: Ё:кай кара миру нихондзин-но кокуро (Переосмысление науки о Ёкай: К сердцу японцев через Ёкай). / К. Комацу. – Токио : Сёгакукан, 2000. – 299 с. – ISBN: 978-4094601329.
5. **Комацу, К.** 47 тодо:фукэн Ё:кай дэнсё: хякка (47 префектур. Энциклопедия Ёкай). / К. Комацу – Токио : Марудзэн сюппан, 2017. – 320 с. – ISBN:978-4621301586.
6. **Кондо, М.** Сэкиэн Ё:кай-га-но фу:сю (Стиль Ёкай-картин Сэкиэн) // Комацу К. (ред.) Ёкай бунка-но дэнто: то со:дзо: (Традиции и создание культуры Ёкай). / М. Кондо. – Токио : Сэрика-сёбо:, 2010. – 627 с. – ISBN: 978-4796702973.
7. **Кусано Т., Тобэ Т.** Нихон Ё:кай хакубуцкан (Музей японских Ёкай). / Т. Кусано, Т. Тобэ. – Токио : Синкигэнся, 1994. – 365 с. – ISBN: 978-4883172405.
8. **Мидзуки, С.** Ё:кай гадан: кара:-бан (Иллюстрации Ёкай: Цветное издание). / С. Мидзуки. – Токио : Иванами сётэн, 1992. – 228 с. – ISBN: 978-4004302384.
9. **Мидзуки, С.** Ё:кай дайдзукан (Большая энциклопедия Ёкай). / С. Мидзуки. – Токио : Коданся, 1994. – 117 с. – ISBN: 978-4062590082
10. **Мидзуки, С.** Дзусэцу Нихон Ё:кай тайдзэн (Иллюстрированная энциклопедия японских Ёкай). / С. Мидзуки. – Токио : Коданся, 2014. – 498 с. – ISBN: 978-4062560498.
11. **Мураками, К.** Ё:кай дзитэн (Энциклопедия Ёкай). / К. Мураками. – Токио : Майнити симбунся, 2000. – 418 с. – ISBN: 978-4620314280.
12. **Тада, К.** Гэнсо: сэкай-но дзю:нин-тати IV (Обитатели фантастического мира IV). / К. Тада. – Токио : Синкигэнся, 1990. – 391 с. – ISBN: 978-4915146442.
13. **Тада, К. Кёгоку, Н.** Эхон хяку моногатари Такэхара Сюнсэн – Ночные истории То:сандзин. / К. Тада, Н. Кёгоку. – Токио : Кокусёканко:кай, 1997. – 185 с. – ISBN: 978-4336039484.
14. **Тада, К., Кёгоку, Н.** Хякки кайдоку (Расшифровка сотни демонов). / К. Тада, Н. Кёгоку. – Токио : Коданся, 2006. – 347 с. – ISBN: 978-4062754842.
15. **Тиба, М.** Дзэнкоку Ё:кай дзитэн (Энциклопедия о Ёкай со всей страны). / М. Тиба. – Токио : Коданся, 2014.– 301 с. – ISBN: 978-4062922708.
16. Эдо сёкоку хякумоногатари ниси-нихон-хэн: сёкоку кидан кайдан сю:сэй = Сто историй из провинций периода Эдо. Издание «Западная Япония»: Сборник историй о приведениях и странных сказок из

разных провинций. – Токио: Дзинбунся, 2005. – 160 с. – ISBN: 978-4795919563.

17. **Юмото, К.** Ё:кай хяку-моногатари эмаки (Иллюстрированный свиток «Сто историй о Ёкай»). / К. Юмото. – Токио Кокусёканко:кай, 2003. – 124 с. – ISBN: 978-4336045478.
18. **Ямада, Н.** То:хоку кайдан-но таби (Путешествие по странным историям из Тохоку). / Н. Ямада. – Токио : Дзию:кокуминся, 1974. – 246 с.

АВТОРСКАЯ СПРАВКА

Абрамова Екатерина Сергеевна, преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
e-mail: kitsunegasuki@gmail.com

Аракава Ёсико, к. ф. н., доцент кафедры японоведения СПбГУ, e-mail: arakawa.sensei@gmail.com

Богоявленская Елена Давыдовна, ЕАЈЕ (Европейская Ассоциация преподавателей японского языка)
e-mail: eldb@yandex.ru

Бонадык Наталья Александровна, старший преподаватель кафедры восточных языков МГЛУ
e-mail: nat5000@yandex.ru

Борисова Анастасия Анатольевна, к. и. н., доцент кафедры японоведения СПбГУ
e-mail: borisovaanastasia.a@gmail.com

Борисова Анастасия Сергеевна, к. ф. н., старший преподаватель кафедрой японской филологии ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: alainnthebard@gmail.com

Буландо Роман Игоревич, старший преподаватель кафедры японского языка МГПУ, e-mail: bulandoir@mgpu.ru

Быкова Стелла Артемьевна, к. ф. н., доцент, заведующий кафедрой японской филологии ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: st2901@yandex.ru

Васильева Людмила Владимировна, старший преподаватель кафедры японской филологии ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: ryuda.vas@gmail.com

Гераймович Елизавета Олеговна, ассистент кафедры японского языка МГПУ, e-mail: geraimovicheo@mgpu.ru

Дыбовский Александр Сергеевич, к. фил. н., почётный профессор Осацкого ун-та, доцент кафедры японоведения Восточного факультета СПбГУ, e-mail: dybovskii.as@dvfu.ru

Елкина Анастасия Александровна, специалист по УМР (независимый исследователь), кафедра русского языка ТГУ, e-mail: anastasiya031292@yandex.ru

Клебенская Юлия Сергеевна, аспирант кафедры теории и практики иностранных языков и культур ИИЯ РУДН, e-mail: yulia.kleven@yandex.ru

Коваленко Анастасия Сергеевна, старший преподаватель кафедры японского языка МГПУ e-mail: kovalenkoa@mgpu.ru

Крнета Наталия, к. ф. н., доцент кафедры японской филологии ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова e-mail: krneta@iaas.msu.ru

Кудряшова Анастасия Вячеславовна, к. ф. н., доцент, кафедры японской филологии ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова

Кутафьева Наталия Витальевна, к. ф. н., доцент кафедры востоковедения НГУ, e-mail: natasha7362@mail.ru

Лебединова Анастасия Сергеевна, старший преподаватель кафедры японского языка МГПУ e-mail: lebedinovaas@mgpu.ru

Леленкова Анна Викторовна, ассистент кафедры японоведения СПбГУ, e-mail: a_lelenkova@mail.ru

Марков Сергей Михайлович, к. фил. н., доцент, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин ДВФ РГУП им. В. М. Лебедева, e-mail: Ser_Mark@mail.ru

Мишукова Маргарита Витальевна, ассистент кафедры японского языка МГПУ, e-mail: cameliemimika@gmail.com

Никитина Лидия Владимировна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник кафедры японской филологии ИСАА МГУ, e-mail: ledenets@yandex.ru

Нургалиев Илназ Рамилович, старший преподаватель кафедры японского языка МГПУ, e-mail: nurgalievir@mgpu.ru

Нурутдинова Аида Рустамовна, к. пед. н., доцент КФУ, e-mail: airnurutdinova@kpfu.ru

Паленко Ангелина Андреевна, старший преподаватель кафедры японоведения ДВФУ, e-mail: palenko.aa@dvfu.ru

Панова Ольга Борисовна, к.ф.н., доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Факультет иностранных языков, кафедра методики обучения ИЯ и междисциплинарных исследований образования e-mail: olga_panova_1973@mail.ru

Просви́ров Влади́слав Серге́евич, независимый исследователь

Румак Наталья Григорьевна, к. ф. н., доцент кафедры японской филологии ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова / МГПУ, e-mail: rumakng@iaas.msu.ru

Сакураи Маи, аспирант ИИЯ им. Мориса Тореза МГЛУ e-mail: m.sakurai.moscow@gmail.com

Ситдикова Валерия Валерьевна, к. ф. н., доцент кафедры японского языка МГПУ, e-mail: sitdikovavv@mgpu.ru

Смирнова Мария Алексеевна, ассистент кафедры японского языка МГПУ, e-mail: Smirnova-426@mgpu.ru

Стрижак Ульяна Петровна, кандидат педагогических наук, доцент Школы Востоковедения, Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ e-mail: uliana@uliana.ru

Тразанова Наталья Юрьевна, к. ф. н., доцент кафедры востоковедения ИГУ, e-mail: ntrazanova@gmail.com

Трушина Мария Игоревна, ассистент кафедры японского языка МГПУ, e-mail: trushinami@mgpu.ru

Филатов Сергей Витальевич, ассистент кафедры востоковедения НГУ, e-mail: serj11@rambler.ru

Чижова Ксения Андреевна, преподаватель кафедры японоведения НИУ ВШЭ СПб, e-mail: kprokofieva-92@mail.ru

Яковенко Сергей Викторович, независимый исследователь, e-mail: s.v.jaco@gmail.com

Научное издание

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК В ВУЗЕ: АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ
ВЫПУСК 30

Материалы Второго международного форума
«Языки и культуры Восточной Азии в образовательном
пространстве»
(МГПУ, 23–26 апреля 2025)

Выпускающий редактор *Ф. Ф. Степнов*
Верстка *Н. В. Семина*

Подписано в печать 30.10.2025
Формат 60×88 ¹/₁₆. Печать цифровая.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Times New Roman. 21,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 31

Издательство «Языки Народов Мира»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 45., строение 1, оф. 92

Отпечатано в типографии издательства «Языки Народов Мира»
E-mail: tez_sale@mail.ru